

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени А. С. ПУШКИНА

ВЕСТНИК

**Ленинградского государственного университета
имени А. С. Пушкина**

Научный журнал

№ 1

Том 7. Филология

Санкт-Петербург
2012

**Вестник
Ленинградского государственного университета
имени А. С. Пушкина**

Научный журнал

№ 1 (Том 7) 2012
Филология
Основан в 2006 году

Учредитель: Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина

Редакционная коллегия:

В. Н. Скворцов, доктор экономических наук, профессор (главный редактор);
Л. М. Кобрин, доктор педагогических наук, доцент (зам. гл. редактора);
Н. В. Поздеева, кандидат географических наук, доцент (отв. секретарь);
Л. Л. Букин, кандидат экономических наук, доцент;
Т. В. Мальцева, доктор филологических наук, профессор;
Г. П. Чепуренко, доктор педагогических наук, профессор

Редакционный совет:

С. Л. Чареков, доктор филологических наук, профессор;
Т. Я. Гринфельд-Зингурс, доктор филологических наук, профессор;
Е. И. Колесникова, кандидат филологических наук, доцент;
О. Н. Морозова, кандидат филологических наук, доцент (отв. за выпуск);
С. А. Семячко, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник;
И. Б. Смирнов, кандидат педагогических наук, доцент;
Л. И. Харченкова, доктор педагогических наук, профессор;
С. С. Шимберг, кандидат филологических наук, доцент;
В. А. Ямшанова, доктор филологических наук, профессор

**Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук,
определенный Высшей аттестационной комиссией
Министерства образования и науки Российской Федерации**

Свидетельство о регистрации: **ПИ № ФС77-23714**

Подписной индекс Роспечати: **36224**

Адрес редакции:

196605, Россия, Санкт-Петербург,
г. Пушкин, Петербургское шоссе, д.10
тел. / факс: (812) 476-90-34
[http: // www.lengu.ru](http://www.lengu.ru)

© Ленинградский государственный
университет (ЛГУ)
имени А. С. Пушкина, 2012

© Авторы, 2012

Содержание

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

М. В. Малыхина

Творчество Э. Каммингса и русская авангардная поэзия:
опыт сравнительного анализа 7

Е. В. Омельченко

Фасцинативные явления в тексте романа В. Набокова
«Другие берега» 18

ЛИНГВИСТИКА

О. А. Барташова, Н. А. Алексеева

Специфика реализации текстовых категорий в тексте песни 27

Т. И. Воронцова

Языковая картина мира баллад лирического характера 37

И. В. Кононова

Структура лингвокультурного концепта:
методы выявления и механизмы семантизации 49

Е. В. Москалёва

Научные подходы к проблемам изучения неологизмов
в современном терминоведении 61

И. Ю. Павловская

Средства звуковой аттракции в художественном аудиотексте 72

С. Е. Полякова

Понятие и причины возникновения коммуникативных неудач 83

О. И. Просяникова

Механизмы развития значения существительных
синкретических форм 93

Г. С. Рогожина

Фоносемантика газетного заголовка 104

Т. А. Сибеева

Вариативность английского языка при изучении
языковой картины мира в рок-дискурсе 113

К. В. Скорик

Средства интертекстуальной диалогизации
в английском художественном тексте 121

ТЕОРИЯ ДИСКУРСА И ЯЗЫКОВЫЕ СТИЛИ

Е. В. Белоглазова

Фразеологизмы как носители потенциальной
интердискурсивности 127

Е. А. Бородавкина

Объективная модальность как инструмент
манипулятивного воздействия в политическом дискурсе 137

И. Б. Руберт, О. Н. Морозова

Политическая интернет-реклама как регулятивный тип дискурса.. 150

Н. Д. Футкарадзе

Об особенностях восприятия назидания
в проповедническом дискурсе 161

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

С. В. Лескина

Актуализация принципа достоверности отрицания
в русских и английских фразеологизмах в процессе
взаимодействия категорий пейоративности и эмотивности 171

Е. Н. Нуждова

Лингвокультурологическое освещение номинаций
физических родов в русском и французском языках 182

Н. В. Урусова

Экспликация понятия «сила» для обозначения «военной силы»
средствами ядерных лексем “force”/ «сила»
при их функционировании в английских
и русских прозаических текстах 20 века 194

ЛИНГВОДИДАКТИКА И МЕТОДИКА ОБУЧЕНИЯ ЯЗЫКУ

О. В. Кораяева

Об использовании приемов нейро-лингвистического
программирования при обучении иностранному языку 200

ОБЗОРЫ И СООБЩЕНИЯ

В. В. Шкатова

Фразеологическая картина мира как объект
лингвистического изучения 208

Сведения об авторах 216

CONTENTS

THE STUDY OF LITERATURE

M. V. Malykhina

The creative work of E. E. Cummings and Russian
avant-garde poetry: a comparative analysis 7

E. V. Omelchenko

Fascinating phenomenon of V. Nabokov's novel «Other shores» 18

LINGUISTICS

O. A. Bartashova, N. A. Alexeeva

Peculiarities of text categories realization in a song text..... 27

T. I. Vorontsova

The linguistic picture of the world of english lyrical ballads 37

I. V. Kononova

The structure of a cultural concept: methods of analysis
and mechanisms of semantization 49

E. V. Moskaleva

Scientific approaches to the study of neologisms
in modern terminology..... 61

I. Yu. Pavlovskaya

Means of sound attraction in audio literary texts..... 72

S. E. Poliakova

The concept and causes of communication failures 83

O. I. Prosyannikova

Mechanisms of semantic shift in the nouns of syncretic forms..... 93

G. S. Rogozhina

Phonosemantics of newspaper headlines 104

T. A. Sibaeva

Variation of English language in the study
of the language word picture in rock-discourse.....113

K. V. Skorik

Language means of intertextual dialoguing in english prose..... 121

THEORY OF DISCOURSE AND LANGUAGE STYLES

E. V. Beloglazova

Idioms in the light of potential interdiscursivity 127

E. A. Borodavkina

Objective modality as a device of manipulative influence
in the political discourse 137

I. B. Rubert, O. N. Morozova

Political internet advertising as a regulatory type of a discourse 150

N. D. Futkaradze

On the features of perception of edification
in the homiletic discourse 161

COMPARATIVE STUDIES

S. V. Leskina

Actualization of the principle of reliability of negation in russian
and english phraseological units in the process of interaction
of categories of pejorativeness and emotiveness 171

E. N. Nuzhdova

Linguocultural analysis of the words representing childbirth
in russian and french languages 182

N. V. Urusova

The explication of the notion “force” in the meaning of “military force”
with the help of the core lexical units “force”/ «сила», functioning
in English and Russian prose of the 20th century 194

THEORY AND METHODOLOGY OF TEACHING LANGUAGES

O. V. Koraeva

On the use of techniques of neuro-linguistic programming
for teaching a foreign language 200

REVIEWS AND ESSAYS

V. V. Shkatova

Phraseological picture of the world as an object
of linguistic studies 208

About Authors 216

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ
THE STUDY OF LITERATURE

УДК 82 / 821.0

М. В. Малыхина
M. V. Malykhina

**Творчество Э. Каммингса и русская авангардная поэзия:
опыт сравнительного анализа**
The creative work of E. E. Cummings
and Russian avant-garde poetry: a comparative analysis

Статья посвящена анализу сходства и различия в поэтической технике американского поэта-модерниста Эдварда Каммингса и русского поэта-будетлянина Велимира Хлебникова. Отталкиваясь от основного теоретического постулата футуризма о необходимости эстетической затрудненности художественной формы, оба поэта прибегали к аналогичному спектру отстраняющих приемов, основанных на переосмыслении элементов традиционной языковой формы. Наблюдаемый случай типологического схождения обусловлен общностью эстетических установок в авангардном искусстве начала XX в.

The article is devoted to the analysis of common and distinct features in the poetic technique of an American modernist poet E.E. Cummings and a Russian poet-futurist V. Khlebnikov. Following the main theoretical assumption of futurism about the importance of perceptive difficulty in art both authors resorted to the analogous range of estrangement devices based on re-thinking the artistic value of linguistic form. The discussed example of the typological convergence is grounded in the unity of aesthetic assumptions in the avant-garde art in early XX century.

Ключевые слова: взаимодействие живописи и поэзии, футуризм, экспериментальная поэзия, поэтическое возрождение, графическая форма, фонописьмо.

Key words: interaction of painting and poetry, futurism, experimental poetry, poetic renewal, graphic form, sound writing.

В первой четверти XX века поэзия и живопись вступили в необычайно тесный и сложный контакт. Ощущение исчерпанности

старых форм искусства и их неадекватности для отражения сложной реальности бытия в начале века были очевидны, так же, как и потребность в новых эстетических установках. Живопись оказалась наиболее отзывчивым к переменам видом искусств, и поэтому не удивительно, что именно в живописи впервые проявились новые концептуальные подходы к изображению действительности. Старая система была преимущественно основана на рациональном принципе соотнесения означаемого и означающего (изображения и предмета). Новым, революционным было желание разрушить эту рациональность и вернуть искусству предметную конкретность. Восстановление конкретности, реальности в восприятии живописи было связано с возвращением ей ее собственно умозрительной природы, т. е. целью было не узнавание знакомых форм, но созерцание, угадывание смысла в абстрактных линейных сочетаниях, формах, взаимодействиях цвета и линии. Живопись стремительно двигалась по пути эмансипации отдельных элементов, а именно цвета и формы. В газетном интервью Малевич и Матюшин говорили: «Футуристы хотят освободиться от этой упорядоченности мира, от этих связей, мыслимых в нем. Мир они хотят превратить в хаос, установленные ценности разбить на куски и из этих кусков творить новые ценности, делая новые обобщения, открывая новые неожиданные и невидимые связи» [цит. по: 2, с. 14].

Теоретики и практики литературного авангарда шли тем же путем. «Мы хотим, чтобы слово смело шло за живописью», «поэтическое слово чувственно» – эти лозунги футуристических деклараций и манифестов указывают на значимость для авангардной поэзии визуального компонента поэзии как начала, выводящего за пределы рационального мышления. Почему же был так важен визуальный компонент? Как известно, основным механизмом языка при реконструкции вербального образа являются пространственные отношения между словами, и главное из них – линейность. Зрительные представления в меньшей степени зависят от линейности, воспринимаемые объекты рассматриваются и размещаются в трехмерном пространстве, и часто именно создание эффекта трехмерного пространства было целью авангардистов в литературе. Поэзия футуристов дает многочисленные примеры усвоения «живописных» приемов: это и введение смысловых и звуковых сдвигов в поэтиче-

ской строке, соотносимые с приемами кубистической живописи; это и соотношение содержания слова с его начертательной, визуальной формой; это, наконец, и сама образность многих поэтических произведений футуристов, основанных на зрительных и цветовых представлениях. В более широком плане можно говорить об ориентации структуры языка на передачу предметного, пространственного восприятия, выражающуюся в игнорировании линейного времени, в стремлении воспроизвести одномоментное зрительно-пространственное восприятие.

Стремление моделировать пространственное восприятие текста, эмансипация отдельных элементов формы и придание им самостоятельного смысла, тематические скачки, живописная образность, типографские эксперименты со шрифтом и расположением стиха на странице – эти черты характеризуют авангардную поэзию начала века в целом и в национальных литературах проявлялись по-разному. Так, для русского кубофутуризма специфическим является стремление к универсализации, к созданию некоего синтетического искусства, которое основывалось бы на наиболее эффективных по силе воздействия на чувства и эмоции субъекта восприятия элементах формы поэзии и живописи. Показательным в этом смысле является творчество Велимира Хлебникова. Одним из известных американских поэтов, чье творчество укладывается в контекст авангардной поэзии, был Эдвард Каммингс. Он целиком разделял точку зрения Паунда о необходимости чувственного восприятия поэтического образа. Являясь не только поэтом, но и художником, Каммингс разработал эстетическую теорию, которая во многом была результатом его занятий живописью. Установив определенные отношения между поэтической и живописной техникой, Каммингс пытался писать стихи, которые воспринимались бы по законам пространственного, а не линейного искусства. Поэтическая техника Каммингса во многом напоминает технику русских футуристов. Слова Н.И. Харджиева, известного исследователя русского авангарда, характеризующие структурные особенности поэзии А. Крученых, могут с полным правом быть отнесены и к поэзии Каммингса. В обоих случаях отмечаются «нарушение правил логики и грамматики, эллиптический синтаксис, немотивированные смысловые скачки, “произвольное словоновшество”, свободное чередо-

вание прозаических реплик и стихов» [6, с. 302]. Однако следует заметить, что наиболее плодотворную почву для сравнительного анализа дает поэтическое творчество Э. Каммингса и В. Хлебникова.

Отправной точкой наших рассуждений о подобии или различии творческого метода Э. Каммингса и В. Хлебникова, двух крупных поэтов-модернистов близких эстетике футуризма, стало замечание А.М. Зверева о поразительной сходимости их поэтической техники [4]. И действительно, у читателя, имеющего возможность сравнить русского Хлебникова и американца Каммингса, близость поэтического мышления, отразившаяся в формальных поисках, как будто бы не вызывает сомнения. В задачу исследователя в такой ситуации входит описание областей схождения и установление их причин, возможных контактов и векторов влияния, а при отсутствии таковых – констатировать уникальный случай типологического схождения литературных явлений в национальных литературах. Так и мы задались вопросом: в чем же состоит разительное сходство творческой манеры Э. Каммингса и В. Хлебникова, и какие причины мировоззренческого порядка обусловили их столь смелое новаторство в области формы?

Первое и основное, что сближает поэтический метод Каммингса и Хлебникова – тяготение к приему затрудненной формы, которое, как известно, было программным требованием футуристического искусства. Как указывал Н. Степанов, «главным требованием футуризма было новаторство формы, постоянно подчеркиваемый отказ от «содержания»; борьба с «идейностью» и «психологией» провозглашалась как один из основных лозунгов. Эстетика футуризма требовала не только «слома», разрушения уже стабилизировавшихся лирических жанров символизма, но и заново ставила вопрос об отношении к поэтическому слову и искусству вообще. Отсюда выдвижение на первое место технической стороны искусства и требование эстетической «затрудненности» [5, с.27]. И Каммингс, и Хлебников были, несомненно, с ним знакомы, и, более того, в разной мере, но активно вовлечены в художественную практику футуризма в своем национальном варианте. В США футуризм не сложился во сколько-нибудь устойчивое образование, но идеи Маринетти были популярны и практикуемы. Так, Каммингс воспринял футуристическую эстетику через личное знакомство с американски-

ми художниками-футуристами Д. Марин и Дж. Стелла, чьи зарисовки стремились передать возрастающий урбанизм и динамизм Нью-Йорка. Именно динамический компонент эстетики футуризма оказался привлекательным для Каммингса, тем более, что он всегда утверждал, что жизнь – это движение, постоянный рост: «Я до ненормальности люблю ту точность, что создает движение. Поэт – это тот, для кого вещи сделанные значат очень мало, тот, кто одержим самим деланием» [8, с.376]. Поэтика итальянских футуристов предложила Каммингсу готовые модели выражения динамизма окружающего мира. В частности, он суммировал для себя достижения футуристов так: «Футуризм: в литературе как в живописи; а) использовать только длительную форму глагола, чтобы дать ощущение бесконечности жизни, б) отменить прилагательные, в) отменить наречия, г) отменить пунктуацию (использовать определенные усиливающие и направляющие знаки), д) отменить “Я”, заместить сущью, е) узоры, витиеватые заглавные – использовать три-четыре вида чернил. Использовать наклонный шрифт для быстрых фраз, заглавные – для дерзкой, графически оформленной страницы» [цит. по: 7, с.159]. Конечно, не все приемы из упомянутых в заметках нашли практическое воплощение в поэзии Каммингса, но не учитывать внимание Каммингса к технике футуристов невозможно.

Русский футуризм, как известно, начертал имя Хлебникова на своих знаменах: «его работа над словом, его “Заклятие смехом” явились той закваской, из которой возник русский футуризм» [5, с. 23]. Ведущая роль Хлебникова в этом движении определялась размахом его поэтической сверх-задачи – изучить природу языка, «в мудрости которого он искал выражение народного самосознания» [3, с. 16] и его необыкновенным чутьем словотворца. «Самовитое» слово Хлебникова – это возвращение к истокам языка и утверждение поэзии как функции народного слова, «но не того слова, которое есть, было или даже будет, а того слова, которое может быть» (разрядка Р.Д.) [3, с. 22]. Характерным является потрясение, испытанное Б. Лившицем от прочтения стихов Хлебникова: «Я увидел воочию оживший язык. /.../ Гумбольдтовское понимание языка как искусства находило себе красноречивейшее подтверждение в произведениях Хлебникова, с той только потрясающей оговоркой, что процесс, мыслившийся до сих пор как функция коллективного

сознания целого народа, был воплощен в творчестве одного человека» [цит. по: 3, с.22].

Отмечая присущую обоим поэтам установку на усложнение формы поэтической конструкции, мы также обращаем внимание на сходство техники «словотворчества». Первым на эти совпадения обратил внимание отечественных американистов А.М. Зверев, один из самых внимательных исследователей Каммингса: «Сходство его с Хлебниковым порою поразительно. В стихах Каммингса – тот же звукосемантический ряд, управляющий образным рядом, то же многообразие неологизмов (часто и созданных по-хлебниковски – опредмечиванием глаголов, противозаконным – с грамматической стороны – использованием суффиксов, имеющим целью установить этимологическую близость слов, в традиционном употреблении несущих отнюдь не сходные значения). Здесь тот же принцип разлома слов для того, чтобы открыть «странную мудрость» в произвольных и для обычного слуха ничего не означающих созвучиях» [3, с.135]. Вторит А.М. Звереву и Л.Г. Андреев: «Каммингс кромсает слова, вырывая буквы, звуки и рассылая их по страницам так, что они кажутся уже не обломками языка, а какой-то особенной материей, сырыми стройматериалами, из коих Каммингс складывает не то рисунки, не то музыкальные фразы» [1, с.204].

Так что же конструируют Каммингс и Хлебников из обломков старой реальности? Важно, что затрудненная форма редко является целью в себе для обоих поэтов, но чаще служит выражением неких понятий, не имеющих имени в нормативном языке (или имеющих, но утративших свежесть), однако обладающих категориальной ценностью в их личном мире. Именно совпадение круга ключевых понятий, при всей их национальной специфике, дает исследователю основание говорить о духовной общности знаменитых футуристов. Есть ли такая духовная общность у Каммингса и Хлебникова? И да, и нет.

Несомненно, эмоциональной доминантой творчества обоих поэтов явилось чувство неудовлетворенности состоянием современной цивилизации, но это, пожалуй, характерная черта любой кризисной эпохи, каким являлся и модернизм начала XX в. Более специфичным является обращение обоих поэтов к военной теме, изображение ужасов Первой мировой войны. Как Каммингс, так

и Хлебников развенчивают фальшивую героику войны, предельно правдиво говорят о смерти, намекают на истинные причины войны. Известно, что у обоих поэтов был опыт привлечения к военной службе, благодаря которому они знали жестокую правду о войне, и эту правду поэты жестко вкладывали в каждое свое стихотворение о войне. Другим значимым тематическим совпадением является обращение обоих поэтов к природному миру в поисках противовоядя губительному воздействию цивилизации. Размышления о единстве окружающего мира, идея вечного превращения живой материи в духе автора «Листьев травы» У. Уитмена близки и Каммингсу, и Хлебникову. Мир природы был их домом с юных лет, обоих отцы с детства научили любить и беречь природу даже в лице самой малой природной твари. Интереснейшим совпадением является внимание обоих поэтов к миру птиц: естественнонаучные интересы Хлебникова включали орнитологию, птицы (реальные или вымышленные) нередко становятся предметом его стихотворений; подобным же образом Каммингс позволяет птицам порхать по страницам его стихов, именно в клювы птиц он вкладывает простую мудрость жизни, птицы символически выражают человеческие типы и модели социальных отношений. По утверждению биографов, даже первые стихотворные опыты обоих поэтов были о птицах («О чем поешь ты, птичка, в клетке?» Хлебникова и «Oh, a little birdie, oh» Каммингса). Интерес к востоку и характерному для восточной словесности тяготению к идеографическому письму также объединяет Каммингса и Хлебникова. При этом следует отметить, что тенденции актуализации графической формы слова более ярко проявились в творческом наследии американского поэта, для Хлебникова же более насущной представлялась художественная задача обновления звукосемантического потенциала языка.

Для иллюстрации тезиса о принципиальной разнице в формотворчестве Каммингса и Хлебникова мы рассмотрим их наиболее характерные с точки зрения формы стихотворения, написанные к тому же и на один предмет – о кузнечике. Само обращение к кузнечнику как предмету изображения заслуживает комментария. С одной стороны, начиная с поэзии Китса за кузнечиком тянется длинный шлейф романтических клише и ассоциаций, превращающих насекомое в символ витальности природных сил. Однако ни Каммингс, ни Хлебников не следуют только лишь в узком фарватере романти-

ческой традиции, но создают свои кричаще-новаторские стихотворения согласно личному замыслу в соответствии со своей художественной задачей.

Являясь не только поэтом, но и художником, Каммингс разработал эстетическую теорию, которая во многом была результатом его занятий живописью. Установив определенные отношения между поэтической и живописной техникой, Каммингс пытался писать стихи, которые воспринимались бы по законам пространственного, а не линейного искусства. Основной задачей поэта в так называемых «стихокартинах» становится изображение сущности предмета или явления, не сводящееся к примитивной передаче визуальной формы. Среди стихов, попадающих в категорию «стихокартин», «визитной карточкой» Каммингса можно назвать стихотворение о кузнечике *r-p-o-p-h-e-s-s-a-g-r*, опубликованное в сборнике *No Thanks*. Например:

```
r-p-o-p-h-e-s-s-a-g-r
      who
a)s w(e loo)k
upnowgath
          PPEGOHRASS
                    eringt(o-
aThe): l
      eA
          !p:
S          a
rlvlnG      .gRrEaPsPhOs)
          to
rea(be)rran(com)gi(e)ingly
, grasshopper;
```

Стихотворение построено по уже знакомому принципу – поэт нарушает границы слов, соединяет отдельные слова в комплексы, вставляет фрагменты одних слов внутрь других, использует заглавные буквы и знаки препинания внутри слов, и все эти странности имеют целью передать ощущение быстроты и неожиданности прыжков кузнечика из травы. Изобретательность поэта при этом не знает границ. Так, *grasshopper* (кузнечик) встречается 4 раза, при этом только последнее употребление слова грамматически правильно, предыдущие же три представляют собой анаграмматические его варианты. Более того, в первом случае слово прописано

разделенными дефисом строчными буквами (*r-p-o-p-h-e-s-s-a-g-r*), означая, как нам думается, полную неразличимость малой твари в траве; во втором – заглавными буквами, визуализирующими, очевидно, как кузнечик собирается для прыжка (*PPEGORHRASS*); и в третьем случае строчные буквы перемежаются с заглавными таким образом, что из строчных букв образуется слово «травя», а из заглавных все еще не складывается слово «прыгун» (*gRrEaPsPhOs*). Скорее всего, подобная «чехарда» букв должна была графически изобразить, как кузнечик выскакивает из травы. Графическим центром стихотворение становится разбитое на строки по буквам слово *!eA!p*: (прыжок). Использование заглавной *A* в сумме с нисходящей вертикальной линией расположения слова на странице вновь графически изображает прыжок кузнечика, ибо внимательным взглядом художника Каммингс увидел в силуэте буквы повторение траектории прыжка насекомого. Внесение восклицательного знака в границы слова должно было, по мысли поэта, передать то чувство неожиданного удивления, когда из травы внезапно выпрыгивает кузнечик. При одном взгляде на такое стихотворение хочется моргнуть, т. е. сделать то, что обычно делает человек, когда взгляд его поражен неожиданным быстрым движением. Этого эффекта Каммингс и добивался: вначале читатель переживает саму непосредственную эмоцию, какую обычно вызывает описанный предмет или действие, а затем, внимательно вглядевшись, восстанавливает деформированное высказывание до нормы и таким образом добирается до заложенного в произведении смысла. Читатель вовлечен в реконструкцию смысла, что делает его активным участником творческого процесса.

Стихотворение «Кузнечик» Хлебникова на первый взгляд демонстрирует нам ранее уже отмечавшуюся у сравниваемых авторов общность приема: новаторское словообразование за счет творческого использования наличествующего в языке материала. Например:

Кузнечик

Крылышкуя золотописьмом

Тончайших жил,

Кузнечик в кузов пуза уложил

Прибрежных много трав и вер.

– Пинь, пинь, пинь! – тарарахнул зензивер.

О, лебедиво!

О, озари!

Такие глагольные новообразования, как «крылышка», «тарарахнул», образованные путем слияния имени «золотописьмо», «лебедиво» свидетельствуют о поиске поэта в направлении расширения семантических границ языка, и общая с Каммингсом тенденция к уплотнению семантического ряда стихотворения налицо. Однако нельзя не заметить, что «Кузнечик» Хлебникова построен по другому принципу: по принципу звукописи, а не графики. Стихотворение Хлебникова прежде всего примечательно своим звуковым оформлением: эффект фонописма достигается за счет повторения звуков Ш /Ж, С/З, Р/В, а также за счет прямой ономотопеи «пинь, пинь, пинь». Таким образом, если стихотворение Каммингса визуализирует прыжок кузнечика, то Хлебников образно помещает нас посреди поля, полного стрекочущих кузнечиков, и заставляет нас это услышать.

Конечно, это ключевое различие в подходе к образу легче всего было бы объяснить личными предпочтениями каждого поэта. Нам же причины видятся более глубокими. Как известно, любая литература, развивавшаяся естественным путем, имеет богатую традицию устного народного творчества, которое во многом опирается на эвфонию, благозвучие, аллитерацию, звукоподражание. В данной связи уместно вспомнить, насколько заинтересован был В. Хлебников в возрождении «праславянского» языка, как настойчиво он искал связи между звучанием и значением слова, как бережно вводил в современный контекст языческую мифологию. Его «Кузнечик», таким образом, видится как продолжение традиций устной народной литературы. Американская же литература изначально формировалась как литература письменная, она в принципе не имеет фундамента устного народного творчества, это литература, которая от своих корней носит несколько утилитарный, прагматический характер и открыта разного рода экспериментам. Письменный характер американской литературы, как нам кажется, обусловил повышенное внимание к визуальному, а не звуковому компоненту словесного творчества, что, в конечном итоге, и породило два таких похожих, но в то же самое время таких разных стихотворения на одну тему у авторов, несомненно обладающих некой духовной связью.

Подводя итоги сравнения поэтического творчества Э. Каммингса и В. Хлебникова, мы можем утверждать, что благодаря мощ-

ному порыву к обновлению художественной формы и расширению семантики художественного слова, возникшему в европейском авангардном искусстве в начале XX в., даже в литературах, не имеющих тесных историко-культурных связей, коими в то время были американская и русская литературы, наблюдались типологически однородные явления.

Список литературы

1. Андреев Л.Г. Сюрреализм. – М.: Высшая школа, 1972. – 232 с.
2. Горячева Т.В. Книга в эстетической системе футуризма // Экспериментальная поэзия: избр. ст.: творч. течения, концепции и произведения экспериментальной поэзии / сост. и общ. ред. Д. Булатова. – Кенигсберг: Лит. орг. «Симплиций»; Мальборк, 1996. – С.13–19.
3. Дуганов Р.В. Велимир Хлебников: природа творчества. – М.: Сов. писатель, 1990. – 350 с.
4. Зверев А.М. Модернизм в литературе США: формирование, эволюция, кризис. – М.: Наука, 1979. – 318 с.
5. Степанов Н.Л. Велимир Хлебников: жизнь и творчество. – М.: Сов. писатель, 1975. – 280 с.
6. Харджиев Н.И. Судьба Крученых // Статьи об авангарде: в 2-х т. / Н.И. Харджиев; сост. Р. Дуганов и др. – М.: РА, 1997. – Т.1. – 389 с.
7. Cohen M.A. Poet and painter: the aesthetics of E.E. Cummings's early work. – Detroit: Wayne State University Press, 1987. – 264 p.
8. Cummings E.E. Foreword to "is 5" // Poets on Poetry / With an introduction and notes by Ch. Norman. – New York-London, the Free Press, 1965. – P. 376.

Е. В. Омельченко
E. V. Omelchenko

**Фасцинативные явления
в тексте романа В. Набокова «Другие берега»
Fascinating phenomenon of V. Nabokov's novel «Other shores»**

В статье анализируются фасцинативные явления в тексте романа В. Набокова «Другие берега». Фасцинация рассматривается как коммуникативный феномен, сложное явление, сутью которого является воздействие на слушателя (читателя) с целью изменения эмоционально-экспрессивной составляющей восприятия. В статье названы явления и языковые средства фасцинативного дискурса романа.

The article analyses fascinating phenomena in the text of the novel «Other shores» by V. Nabokov. Fascination is considered as a complicated communicative phenomenon, the essence of which is to influence a reader and to reach the effect of an emotional and expressive component of the perception. In the paper some phenomena and linguistic means of fascinating discourse are stated in the paper.

Ключевые слова: суггестивный феномен, фасцинация, воздействие, метафора, память.

Key words: suggestive phenomenon, fascination, influence, metaphor, memory.

В романе В. Набокова «Другие берега» особенно ярко проявились черты идиостиля писателя: лексическое богатство, языковая игра, взаимодействие тропов, определяющее сложность художественных образов. Произведение развивает оригинальные тенденции в жанре автобиографии и в стиле «поток сознания». Это переплетение автобиографии с воспоминаниями, элементы рефлексии, ассоциативность сознания, соединение пространства и времени, что приводит к лексическому разнообразию, семантической сложности, выражает полифонию романа.

В данном исследовании предпринята попытка посмотреть на набокровский роман как на суггестивно-текстовый феномен, в котором реализуются фасцинативные средства и приемы. В социолинг-

вистическом плане суггестивность рассматривается как внушение, подсказка, передача эмоций и настроения. Суггестия текста подразумевает наличие в нем неких формальных структур и семантических характеристик, влияющих на подсознание читателя посредством активизации эмоций [8, с. 43]. Фасцинация (от англ. «волшебство, чары») представляет собой коммуникативное явление, имеющее воздействующую (суггестивную) природу. Впервые о фасцинации, как «о сигнале, создающем благоприятные условия для восприятия информации» сказал Ю.В. Кнорозов [9, с. 4–9]. В учение о фасцинации внесли вклад А.А. Брудный, Ю.М. Лотман, Б. Поршневу, В.М. Соковнин, Ю. Шрейдер, Н.Л. Мухелишвили, В.Д. Ширшов. В настоящее время исследователи определяют сущность фасцинативного дискурса и его составляющих [2; с. 201, 301]. Фасцинативный дискурс осуществляется «для получения удовольствия в общении» [3, с. 7].

Под фасцинативными средствами мы понимаем речевоздействующие средства, которые настраивают адресата (читателя) на активное восприятие информации; делают информацию релевантной и аттрактивной, обуславливают «эмоциональное заражение» и резонанс. В. Соковнин определяет фасцинацию как «возбуждающее воздействие символического, драматического и «недосказанного» смысла (проблемного смысла), вызывающего острое внимание и провоцирующего активную работу ассоциативно-эмоциональной составляющей человеческой психики с быстрым или мгновенным образованием доминант внимания, интереса, азарта разгадки и дешифровки» [9, с. 103].

Творчество В. Набокова отличается сложностью, многомерностью и парадоксальностью. Искушенный читатель не может не наслаждаться эстетикой и метаморфозами слова, аристократичной словесной игрой, увлекательными ассоциативными цепочками, неожиданными метафорами. Безусловное наличие в творческом процессе прагматического компонента никаким образом не умаляет, скорее, делает более привлекательной и непостижимой загадку писателя Сирина. Непредсказуемость сопряжена с педантичностью, образность – с ритуальностью, новаторство – с сакраментальностью, свобода обращения со словом в плане развертывания его смысла (коннотативности) соседствует с методичным отбором ма-

териала. Все это выглядит весьма экзотично на фоне классической русской литературной традиции. Сам автор не скрывал своей эстетской рациональности: «Ни у кого не встречал такой ясной, такой одинокой, такой сбалансированно безумной головы» [цит. по: 4]. Тексты Набокова обладают тем феноменальным художественным качеством, когда читателю запоминается не сюжет, а само впечатление от общения с набоковскими строками, где язык – «живое и ручное существо», где сами образы, сродни снам и видениям, оставляют послевкусие. То же можно сказать о тексте романа «Другие берега»: эстетика слова, чистота пространства, возможность остановить мгновение и повернуть время вспять, счастливое состояние покоя и созерцательности и вечной любви, не нарушаемой даже ходом истории, создает впечатление яркой декорации или благоухающего рая. Нет необходимости доказывать, что для читателя, чувствующего Слово, роман Набокова необычайно харизматичен. Это свойство сопряжено как с личностью и идиостилем автора, так и с определенной коммуникативной стратегией писателя, которая проявляется в романе. Воздействие текста на сознание читателя осуществляется посредством специфически маркированных компонентов и структур самого текста. На макроуровне исследования это выражается в категории персональности (образ автора), в структурно-композиционной организации текста, в плотности информации [10, с. 167–168]. На микроуровне суггестивность проявляется в фонетике, просодике, лексике и семантике в области эмоционально-экспрессивного синтаксиса текста [10, с. 167–168]. Лингвистический анализ позволил выявить воздействующие средства, имеющие фасцинативный характер:

1. Парадоксальность, представленная в различных языковых явлениях (в тексте они присутствуют в виде развернутых речевых конструкций и в сжатой словесной форме высказываний), в том числе, – в явлении дипластии. Дипластия в этом случае понимается, как способность человеческого сознания задумываться над бессмысленным; формально это сочетание двух противоположных по значению слов, употребляемых в одном и том же значении, что провозирует «усилия осмысления» [8, с. 41]. Например: *«Колыбель качается над бездной. Заглушая шепот вдохновенных суеверий, здравый смысл говорит нам, что жизнь – только щель слабого*

света между двумя идеально черными вечностями... Особенно навязчив и страшен был вид только что купленной детской коляски, стоявшей на крыльце с самодовольной косностью гроба...» [5, с. 135].

К этим явлениям можно отнести и метафору, которая, с точки зрения утверждения образной семантики, представляет собой рефрейминг, момент разрушения стереотипа. Создание метафоры обусловливается личностным тезаурусом автора. Её декодирование на уровне реконструкта и ассоциата – творческий эмоциональный, глубоко личностный процесс прочтения текста в новом пространстве. Н.Д. Арутюнова отмечает несколько черт метафоры, среди них в суггестивном аспекте важны следующие: категориальный сдвиг, допущение разных интерпретаций, апелляция к воображению [1, с. 20]. В. Н. Телия подчеркивает, что коннотации речевой метафоры «отражают индивидуальное видение мира» [7, с. 175].

Метафоризация является характерной чертой стиля В. Набокова. Метафоры романа отличаются неповторимой яркостью и своеобразием. Их возможно объединить в группы по смысловому наполнению:

Метафоры, передающие образ посредством слияния звука, цвета, ощущений («музыкальные»):

- «музыкальное разрешение жизни»;
- «черновая партитура былого».

Метафоры, связанные с представлениями о прошлом, в которых обстановка, действующие лица, фон даны в виде своего рода декораций («театральные»):

- «в ватной тишине зимней ночи»;
- «из снежного синеоконного прошлого».

Метафоры, отражающие и углубляющие тему времени:

- «в чистую стихию времени»;
- «стройная действительность»;
- «почти необитаемой гряды времени»;
- «в тумане младенчества»;
- «в отроческом трепете»;
- «хронология ложиться у ног с любовью».

2. Амбивалентность, приводящая к поливариантности прочтения текста. Множественность смыслов всегда неоднозначна и создает

эффект тайны. Например: «...при отчетливости личной памяти неотчетливость семейной отражается на равновесии слов» [цит. по: 4].

3. Развернутые описания. В описаниях, на наш взгляд, применяются определенные приемы речевого воздействия:

- использование координативных перечислений, создающих феномен притяжения («эффект воронки») и одновременно обеспечивающих ритмизацию; постоянные перечисления в описании предметов, явлений создают имитацию объемного, почти осязаемого объекта, голографическую ясность. Например: *«Признаюсь, я не верю в мимолетность времени – легкого, плавного, персидского времени! Этот волшебный ковер я научился так складывать, чтобы один узор приходился на другой»* [5, с. 213];

- синонимия также создает определенную ритмизацию прозаической строки, что отмечает В. Налимов [8, с. 40]. Автор прибегает к использованию большого диапазона синонимов, в том числе контекстуальных. Это не просто разнообразит стиль и выражает богатство авторского лексикона, но создает сложные внутренние ассоциативные связи;

- использование слов с неясным для читателя смыслом. Среди них могут быть варваризмы, окказиональные образования, устаревшие и редко употребляемые слова («брэakfast» – от англ. breakfast, «набаван» – от англ. number one, «сыздетства», «повис парасоль матери», «...подъем весь пламенел местными цветами: лупином, аквилеей, пенстеомом, лилия-марипоза сияла над пандерозовой сосной») [5, с. 212];

- детализация, создающая эффект «плетения словес». При этом читатель невольно попадает в сети слова, но это не попытка манипулировать сознанием, а стремление к сотворению нового идеального мира и расширения границ сознания;

- динамичное изменение пространственно-временного, позволяющее создать некий пространственно-временной континуум и расширить рамки восприятия. Например: *«Ощущение предельной беззаботности, благоденствия, густого летнего тепла затопляет память и образует такую сверкающую действительность, что по сравнению с нею паркероно перо в моей руке, и самая рука с глянцем на уже веснушчатой коже, кажутся мне довольно аляповатым обманом. Зеркало насыщено июльским днем. Лиственная тень играет по белой с голубыми мельницами печке. Влетевший*

шмель, как шар на резинке, ударяется во все лепные углы потолка и удачно отскакивает обратно в окно. Все так, как должно быть, ничто никогда не изменится, никто никогда не умрет» [5, с. 173];

- использование намеренных речевых и стилистических сбоев, которые на фоне безукоризненно грамотного языка воспринимаются словесной игрой («фатальная нищета с фаталистическим богатством» – использование стилистических возможностей паронимии).

4. Создание образа потустороннего мира (описание явлений сродни галлюцинациям, «наркотических снов», состояний типа дежа-вю, мистических «сеансов», посещения мира мертвых). Например: *«Когда мне снятся умершие, они всегда молчаливы, озабочены, смутно подавлены чем-то, хотя в жизни именно улыбка была сутью их дорогих черт...; И хоть мало различаешь во мгле, все же блаженно верится, что смотришь туда, куда нужно» [5, с. 157].*

5. Использование мифологических, исторических сюжетов, реминисценций, обобщенных олицетворенных образов – Мнемозина, хронология. Например: *«В холодной комнате, на руках у беллетриста, умирает Мнемозина» [5, с. 184].*

6. Комментарии, выраженные в лирических, исторических, ретроспективных, биографических, рефлексивных отступлениях (оформленные с использованием вставных конструкций, привлечение прецедентных текстов и персонажей). Например: *«Я научился читать по-английски раньше, чем по-русски; некоторая неприятная для непетербургского слуха – да и для меня самого, когда слышу себя на пластинке – брезгливость произношения в разговорном русском языке сохранилась у меня и по сей день (помню при первой встрече, в 1945 что ли году, в Америке, биолог Добжанский наивно мне заметил: “А здорово, батенька, вы позабыли родную речь”» [5, с. 174].*

7. Обобщения нарративного плана, стремление к философскому осмыслению и афористичности; при этом афоризмы также обладают свойством парадоксальности. Например: *«...однажды увиденное не может быть возвращено в хаос никогда; Я должен проделать молниеносный инвентарь мира, сделать все пространство и время соучастниками в моем смертном чувстве любви, дабы, как боль, смертность унять и помочь себе в борьбе*

с глупостью и ужасом этого унижительного положения, в котором я, человек, мог развить в себе бесконечность чувства и мысли при конечности существования; Спираль – одухотворение круга. В ней, разомкнувшись и высвободившись из плоскости, круг перестает быть порочным» [5, с. 283].

В ракурсе исследования роль автора проявляется в том, чтобы привлечь к себе внимание, заставить слушать, представлять описываемое, подвергнуть насмешке, предложить задуматься, вспомнить, оценить былое и настоящее как философский момент. В любом случае автор предстает в высокомерной роли принимающего гостей в своем королевстве: он повествует и демонстрирует реликвии и драгоценные артефакты своего окружения. Читатель этикетно внимает, следя за рассказом. Без сомнений, автор рассчитывает на определенный круг читателей, умеющих ценить раритеты. Причастность к высшему кругу, статусу избранных заставляет читателя принимать те же условия игры. При этом оказывают воздействие яркие иллюстрации панорамно-картинного плана, развернутые открытые пейзажи и живые натюрморты, экзистенциалистские рассуждения и этические декларации, касающиеся духовно–нравственных и абстрактных понятий (материнство, детство, любовь, дружба, надежда, время, память-данные лексемы в таких пространных контекстах в рамках конкретных автобиографических фактов приобретают коннотативные значения, возникает возможность переформулировать внутренний опыт и мирозерцание читателя).

Заглавие «Другие берега» – знак «двупространственности» текста. Название носит символический характер и объединяет несколько смыслов: «другие берега» – это прошлое, детство, Россия; «другие берега» – это настоящее, откуда направлен взгляд лирического героя. Это получает развитие в развертывании лексико-семантических полей, объединенных концептом «память».

Лексема «память», употребляемая в романе 41 раз, становится ключевой, коннотативной; она концентрирует в себе множество ассоциаций, которые в свою очередь порождаются лексемами «детство», «время», «день рождения», «прошлое».

Концептуальное поле расширяется за счет лексем, образующих семантические группы с периферийным, коннотативным смыслом: «эра», «сновидения», «призраки», «видение», «измерение», «стихия». Связанные так или иначе с пространством воспоминаний, они

углубляют смысл дополнительными ассоциативными значениями. В метафорических словосочетаниях происходит трансформация смысла, возникает ряд ярких, художественных образов; смысловым ядром остается тема памяти: «винтик наставленной памяти», «столица памяти», «красный угол памяти», «полка памяти», «стеклянная ячейка памяти», «взгляд памяти».

Память – это дом, страна; память – это вместилище, резервуар, хранилище историй и коллекций; память – это и механизм, в котором главное – не четкий алгоритм воспроизведения, а точность, безошибочность, и даже эмоциональная отстраненность (лирический герой – наблюдатель, эскейпер); память – это своего рода оптическое устройство, позволяющее прицельно разглядеть прошлое издалека. Память – это живая, наделенная энергией и силой творческая сила; она определяет, избирает, оценивает прошлое и гармонизирует настоящее повествователя.

Кроме этого, в тексте обнаружены конкретные воздействующие приемы, которые можно расценивать как фасцинативные: обращение к резервам фоносемантики (исповедь синэстета – *«Летние сумерки («сумерки» – какой это томный сиреневый звук!)»*) [5, с. 175]; использование суггестивного потенциала глаголов; употребление большого количества восклицательных предложений. Например: *«Какое невероятное количество томов и томиков она перечла нам на этой веранде, у этого круглого стола, покрытого клеенкой!»* [5, с. 191].

Не претендуя на полноту и завершенность, данное исследование доказывает безграничность и глубину набоковского текста. В исследовании осуществлена попытка объяснить неповторимость стиля и явление фасцинации, свойственное стилю Набокова. В исследовательском плане это привлекательно еще и потому, что автор творил, казалось бы, не задумываясь о резонансе, не адресовал данного произведения широкой публике. Исследователи неоднократно отмечали, что Набоков действует отрешенно и хладнокровно, как истинный энтомолог. Несмотря на это, стратегия писателя неуловима и загадочна. По словам Б. Бойда, читая Набокова, «хороший перечитыватель находит ещё одну дверь, скрытую в том, что прежде казалось незыблемым пейзажем – дверь в иной запредельный мир» [цит. по: 4].

В ходе филологического анализа текста романа В. Набокова «Другие берега» мы обнаружили множество лингвистических явлений и структур, репрезентирующих суггестивный дискурс. Эти явления представляют собой интуитивно выстраиваемую коммуникативную стратегию автор-читатель. Это приводит к изменению восприятия мира и состояния сознания читателя – возникает эффект замедления времени, что позволяет еще раз перечитать написанное, насладиться вкусом и ароматом, представить более объемно картины, остановить мгновение для созерцания: создается тип «континуального сознания» [2, с. 201], рушится барьер между сознанием и подсознанием, гармонизируются разум и чувства. Вероятно, явление фасциативности данного текста – еще один шаг к разгадке тайны стиля и притяжения творчества великого писателя.

Список литературы

1. Арутюнова Н. Д. Метафора // БСЭ Языкознание. – М., 1998. – С. 20.
2. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
3. Карасик, В. И. О типах дискурса [Текст] / В. И. Карасик // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 2000. – С. 5–20.
4. Люксембург, А. Амбивалентность как свойство набоковской игровой поэтики [Электронный ресурс]. URL: http://www.relga.sfedu.ru/n21/cult21_2.htm (дата обращения 21.01.2011).
5. Набоков В. Собрание сочинений в четырех томах. Т. 2 / В. Набоков. – М.: Правда, 1990. – 477 с.
6. Призма памяти в романах Набокова // Вопросы литературы, 2003. – № 4. – С. 159.
7. Телия В. Н. Метафоризация и её роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. – М., 1988. – С. 173–203.
8. Черепанова И. Ю. Дом колдуньи. Язык творческого бессознательного / И. Ю. Черепанова. – М.: «КСП+», 1999. – 416 с.
9. Фасцинация. Коммуникация. Общение / сб. под ред. В. Соковнина. – Екатеринбург, 2010. – 134 с.
10. Шелестюк Е.В. Комплексная методика исследования речевого воздействия произведения письменной речи // Вестник Челябинского государственного университета (Серия «Филология. Искусствоведение»). Выпуск 22. № 20 (121), 2008. - С. 166–176.

ЛИНГВИСТИКА LINGUISTICS

УДК 81'42

О. А. Барташова, Н. А. Алексеева
O. A. Bartashova, N. A. Alexeeva

Специфика реализации текстовых категорий в тексте песни *Peculiarities of text categories realization in a song text*

В настоящей статье рассматриваются особенности реализации текстовых категорий в креолизованном тексте песни. Вследствие поликодового характера текста реализация некоторых текстовых категорий происходит посредством интеграции средств вербального и музыкального компонентов, либо при доминирующей роли музыкального компонента.

This article deals with the problem of text categories realization in a specific type of creolized text – the song text. Due to the polycode character of the text the realization of some text categories is implemented with the help of the musical component: its means either integrate or influence or dominate over the means of the verbal component.

Ключевые слова: креолизованный текст, категории текста, связность, членимость, эмотивность, музыкальная коммуникативная система, музыкальный компонент, семантика музыки, авербальность, синсемантия.

Key words: creolized text, text categories, cohesion, dividedness, emotionness, musical communicative system, musical component, musical semantics, averbality (non-verbal character), sinsemantia (semantic insufficiency).

На сегодняшний день проблема текстовых категорий в песенном тексте остается лишь фрагментарно исследованной. Текст песни рассматривался с точки зрения смысловой структуры, языковых особенностей, в когнитивном, коммуникативном, стилистическом, лингвокультурном аспектах, однако специфики его как особого тек-

стового типа ученые касались лишь поверхностно. Вероятно, это связано с неоднозначностью определения самого песенного текста.

В настоящий момент представлены три подхода к описанию феномена текста песни: 1) рассмотрение его как однородного вербального образования; 2) признание дуальной природы песенного текста, но сосредоточение на его вербальной стороне; 3) причисление песенного текста к разряду креолизованных текстов. Так, Г.Д. Андронаки и В.В. Васильева считают песенный текст стихотворным произведением, включенным в полисинтетический комплекс песни, т.е. собственно песенный текст признается гомогенным текстом [1, с. 2]. В диссертационных исследованиях О.С. Кострюковой, Е.В. Нагибиной предлагается рассматривать текст песни как словесно-музыкальный жанр массовой культуры, однако исследование различных аспектов данного типа текста производится без учета музыкальной составляющей и ничем не отличается от исследования гомогенных текстов различных стилей и жанров (художественных, поэтических, публицистических и т. д.) [7, 9]. Существует ряд исследований, посвященных особенностям русской рок-поэзии, в которых тексты рок-песен рассматриваются как поэтические произведения (Ю.В. Доманский [5], А.В. Яркова и др.). Под иным углом зрения предлагает исследовать песенный текст Ю.Е. Плотницкий: в своем исследовании он применяет понятие креолизованного текста песни, однако практический анализ данного автора также сосредоточен исключительно на вербальной стороне текста, что объясняется сложностью, многоаспектностью и размытостью семантики музыкального компонента [10, с. 3, 5].

Полноценным представляется изучение песенного текста как гетерогенного, включающего в свой состав вербальный и музыкальный компоненты, каждый из которых участвует в формировании структуры и смысла текста, что отражается на функционировании и реализации текстовых категорий. В качестве подтверждения данной гипотезы можно привести следующие факты: во-первых, разделение вербального и музыкального компонентов песенного текста приводит к частичному изменению формы (например, вербальный компонент меняет свою ритмическую структуру) и восприятия текста (теряется ведущая роль музыки в восприятии), во-вторых, происходит определенная потеря смыслов, рождающихся в процессе взаи-

модействия музыки и слова. Доказательством синсемантии компонентов креолизованного текста песни может служить и феномен некачественных песен. Данное понятие было введено Л.В. Кулаковским, который считал, что в случае несовпадения по эмоциональности, настрою, ряду формальных параметров мелодии и слов, а также при различии музыкальных и языковых смыслов рождаются незапоминающиеся плохие песни, не завоевывающие популярность у аудитории [8]. Необходимо подчеркнуть, что феномен некачественной песни рождается не только в случае низкого качества одного из компонентов, но и тогда, когда существует расхождение между компонентами, при этом уровень каждого текста не вызывает сомнений: например, если темп, лад, динамика мелодии не соответствуют информации, передаваемой вербальным компонентом, может происходить расхождение модальностей и нарушение смыслового континуума песни, что и делает ее некачественной.

Признание поликодового характера текста песни и синсемантии его компонентов позволяет предположить особый характер реализации текстовых категорий в данном типе текста. На настоящем этапе проблема текстовых категорий в креолизованном тексте была рассмотрена только Е.Е. Анисимовой на материале креолизованных текстов с иконическим компонентом. Исследователь утверждает, что в плане текстовых категорий креолизованные тексты ведут себя как большинство других текстов, т. е. отсутствуют специфические категории, присущие исключительно креолизованному тексту. Стоит отметить, что Е.Е. Анисимова изучает такие категории как связность, целостность, локативность, темпоральность, модальность [2]. При этом категории связности и целостности рассматриваются с позиции отношений между вербальным и иконическим компонентами и способами их интеграции в общую структуру. Категории локативности, темпоральности и модальности исследуются с точки зрения их реализации отдельно в каждом компоненте и дальнейшего пересечения, дополнения или ассоциативной связи между ними.

Музыкальный компонент песенного текста по своим характеристикам и способу восприятия отличается от иконического компонента. Это порождает специфику реализации текстовых категорий не только по отношению к гомогенным текстам, но и в сравнении с кре-

олизованными текстами иконического типа. Семантика иконического компонента оказывается близка по способу восприятия вербальной семантике и может быть более или менее однозначно передана знаками естественного языка. Семантика музыкальной коммуникативной системы носит принципиально авербальный характер, т. е. не заключена в дискретных единицах, не может быть переведена однозначно на естественный язык. Более того, музыкальный язык характеризуется семантической слитностью, континуальностью мышления (см. исследование А.В. Денисова «Музыкальный язык: структура и свойства»), выступает исключительно как целостный художественный образ [4]. В связи с этими особенностями функционирование текстовых категорий в музыкальном тексте осуществляется, с одной стороны, на основе целостного художественного образа, когда речь идет о содержательных категориях, и, с другой стороны, на основе определенных структурных единиц и частных средств музыкальной выразительности в случае формальных грамматических категорий. Поясним сказанное: целостный музыкальный текст имеет в своей структуре дискретные элементы различных уровней иерархии; за вычетом единиц низших уровней, данные элементы обладают контекстной семантикой и способны передавать уже не только интра-, но и экстрамузыкальные значения [3, с. 317–318], а кроме того участвуют в реализации категорий формальных. Абстрактная семантика музыкального компонента способна в той или иной степени передавать внемузыкальную действительность, при этом основным предметом ее отображения выступают эмоционально-экспрессивные смыслы, психические процессы и т. д. Данные смыслы совокупно создают художественный музыкальный образ, который сочетается или противопоставляется информации в вербальном компоненте. Синсемантика музыкального и вербального компонентов приводит к тому, что они взаимодействуют и влияют друг на друга в плане реализации текстовых категорий.

С точки зрения присущих креолизованному тексту песни набору текстовых категорий нами не было обнаружено каких-либо различий: в песенном тексте присутствуют как формальные, так и содержательные категории, которые встречаются в различных типах гомогенных текстов (категории связности, цельности, модальности,

интертекстуальности, автора, адресата, времени, пространства, события и т.д.). Специфика песенного текста заключается в том, что некоторые категории подвергаются, как было сказано, воздействию со стороны музыкального компонента – таким образом, как и во всех прочих аспектах, происходит интеграция, синтез двух компонентов, направленный на создание целостного восприятия. К таким категориям можно отнести категории связности, целостности, членимости, эмотивности, категории образа автора и адресата.

Рассмотрим некоторые случаи воздействия музыкального компонента на реализацию данных категорий. Категория связности традиционно передается на формальном уровне при помощи различного рода повторов (тождественных, деривационных, синонимических, антонимических и т.д.). Тематическая связность, проявляющаяся в единстве темы и ее последовательного развития, направленности всех микротем на раскрытие макротемы, формирует целостность текста, обеспечивает интеграцию всех его частей в единое целое. В песенном тексте данные средства также присутствуют, при этом повтор закреплен как центральное средство создания песенного текста, обладающего рефренной структурой, т.е. чередованием куплета и припева, где припев выступает как тождественный повтор, квинтэссенция основной идеи песни, ее тема. Куплет представляет собой ремю или новую информацию, которая накладывается и развертывает тему припева. В некоторых случаях припев выступает также в качестве проспективного начала, поскольку не имеет логической событийной связи с первыми куплетами, а объединен только персонажами или отношением автора, и как бы анонсирует дальнейшее развитие событий. В качестве примера можно привести американскую народную песню “Clementine”, в которой первые 2 куплета представляют нам героев и никоим образом не намекают на печальный конец, в то время как припев сообщает о трагической потере главной героини (You are lost and gone forever, Dreadful sorrow, Clementine).

Однако помимо этого средства связности присутствуют и в музыкальном тексте: к ним в первую очередь также относятся повторы музыкального материала в виде точного повторения, вариации или секвенции. В отличие от вербального компонента, где материалом для повтора служат, как правило, лексемы (исключение припев, ха-

ракторный только для структуры песенного текста) в тексте песни повтор осуществляется на уровне музыкальной фразы. Это связано с тем, что на уровнях ниже еще нет возможности для передачи экстрамузыкальной семантики и основное значение заключается в отношениях между звуками. Структура мелодии в песне по объему значительно меньше вербального компонента, поэтому каждый куплет исполняется на повторяющуюся мелодию с допущением некоторых изменений в ней или вариации гармонии (аккомпанемента). То же самое происходит и в случае припева. Подобные масштабные повторы позволяют связать воедино не только отдельные части музыкального текста, но и сопровождающие их фрагменты вербального компонента. Помимо этого в качестве связующих элементов можно отметить начало следующей музыкальной фразы с идентичного или соседнего звука, что звучал в конце предыдущей фразы, начало музыкальной фразы, не являющейся вариацией, с того же звука, что и другая музыкальная фразы, затакты. Данные музыкальные средства выступают в некоторой степени как союзы в естественном языке: несмотря на цезуры, которые разделяют между собой музыкальные фразы и предложения и могут быть выражены в том числе паузой достаточно длительной по звучанию, данные средства выступают как мост, способствуют подхвату мелодии, а с ней связывают и фрагменты вербального текста, попадающие в рамки данной музыкальной фразы.

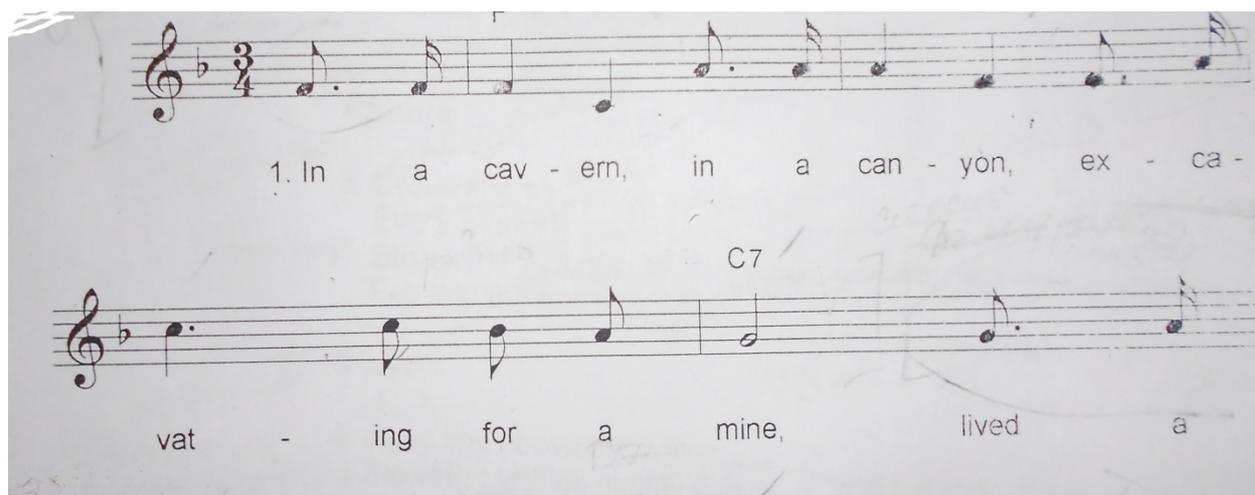

Рис. 1

На рис. 1 представлен небольшой фрагмент песни "Clementine", в котором связность между отдельными частями мелодии оформ-

лена следующим образом: начало первой и третьей музыкальных фраз, не являющихся вариациями друг друга, с одного и того же звука – фа, а также окончание второй и начало третьей фразы с тождественного звука (также фа).

Музыкальный компонент в принципе является ведущим в восприятии песенного текста. В том случае если музыкальная цезура оказывается в середине предложения и даже словосочетания, она его расчленит. Естественно, что для создания качественного текста, отвечающего ожиданиям реципиента и соблюдающего правила построения текста, автор и композитор учитывают данный фактор, поэтому музыкальная фраза, как правило, совпадает со строкой вербального компонента и не членит ее в недопустимом месте. Тем не менее, мы наблюдаем ведущую роль музыкального компонента в реализации категории членимости. С этим, вероятно, связана и акцентуация определенных элементов текста: в том случае, когда они не попадают на сильную долю в музыке, они могут потерять свою сильную позицию, даже находясь в начале или конце предложения, если вербальное предложение не совпадает по протяженности и границам с музыкальным.

Обратимся к примеру песенного текста, в качестве которого был использован фрагмент (первый куплет и припев) песни Гарта Брукса “Unanswered Prayers”.

1 [Just the other night] | [at a hometown football game] ||

2 [My wife and I ran into] || [my old high school flame] ||

3 [And as I introduced them]_[the past came back to me] |

4 [And I couldn't help but think of] || [the way things used to be] |||

5 [She was the one] || [that I'd wanted for all times] |

6 [And each night I'd spend prayin'] | [that God would make her mine] ||

7 [And if he'd only grant me]_[this wish I wished back then] |

8 [I'd never ask] [for anything again] ||

CHORUS:

9 [Sometimes I thank God] ||| [for unanswered prayers] ||

10 [Remember when you're talkin'] | [to the man upstairs]

11 [And just because he doesn't answer] [doesn't mean he don't care] |||

12 [Some of God's greatest gifts] ||| [are unanswered prayers]

«|» – краткая пауза

«||» – средняя пауза

«|||» – долгая пауза

«_» – связь посредством долгого звука

[] – музыкальная фраза

Первые 2 строки представляют собой одно предложение, но музыкальный компонент при этом делится на 4 фразы, в результате чего и в вербальном компоненте выделяется 4 отрезка. При этом слова, оказывающиеся в начале каждой новой музыкальной фразы, стоят в сильной позиции и акцентируются: таким образом, под ударением оказываются слова *hometown, my, past*. В отличие от этого между 10 и 11 строками пауза отсутствует, объединяя предложения, что усиливает значение и роль соединительного союза *and*. Внутри первого куплета долгая пауза между 4 и 5 строками делит его на 2 части. Помимо этого эффект членимости здесь достигается вследствие схожего построения музыкальных периодов, при этом второй выступает в качестве вариации первого. Таким образом, производится одновременно и членение куплета на 2 части и объединение его музыкальным материалом, противопоставленным мелодии, звучащей в припеве. В результате создается четкое впечатление разграничения куплета и припева песни, а благодаря долгой паузе и сходной структуре выделяются две части куплета.

Что касается содержательных категорий текста, наибольшее влияние музыкальный компонент оказывает на реализацию категории эмотивности [6]. Вслед за С.В. Ионовой мы принимаем термин эмотивность, отказываясь от терминов модальность, тональность, оценка, так как полагаем, что понятие эмотивности включает в себя все данные явления. Не останавливаясь подробно на проблеме определения эмотивности, приведем некоторые примеры взаимодействия вербального и музыкального компонентов в сфере реализации категории эмотивности. Рассмотрим американскую песню "Buffalo gals". В вербальном компоненте текста присутствуют несколько эмотем, представленных прецедентными ситуациями *pretty girl I chanced to meet, danced, marry*, выражение эмоционального состояния героя *I'd be happy*. Помимо этого в тексте представлены эмоциональные тональности эгоцентрического и адресатного типа: первая характеризует проявления эмоционального состояния героя, вторая является стратегией заражения слушателя положительными эмоциями персонажей и автора. В отличие от эмотем, которые мак-

симально передаются вербальным компонентом – наличием в тексте соответствующих тематических лексем – значительно больший объем эмоциональной тональности формируется за счет музыкального компонента и его соответствия информации вербального компонента. Это осуществляется следующим образом: использование композитором мажорного лада, умеренного темпа с временными ускорениями за счет дробления долгих долей на более краткие, частое использование устойчивых звуков тонического трезвучия и движение по ним, отсутствие диссонирующих интервалов, включение синкоп создает задорный, веселый музыкальный образ. Это, с одной стороны, передает эмоциональное состояние персонажа, его отношение к происходящему, а с другой стороны служит средством «заражения» адресата определенным настроением – особенно этому способствует синкопированный несколько танцевальный ритм. Исходя из характера музыкального образа, мы также можем говорить о положительной оценке автором всего происходящего.

Таким образом, рассмотрев особенности функционирования таких категорий как связность, членимость, эмотивность в песенном тексте, мы можем говорить о том, что существуют специфические средства их реализации по сравнению с гомогенными некреолизованными текстами. Сюда можно отнести следующие факты: 1) реализация текстовых категорий посредством или при доминирующей роли музыкального компонента; 2) реализация текстовых категорий совместно средствами вербального и музыкального компонентов, интеграция которых не является их простой суммой. Так, ведущая роль музыкального компонента в восприятии текста песни делает его доминантой в реализации категории членимости. Категории связности и эмотивности реализуются обоими компонентами, при этом средства реализации в каждом компоненте наслаиваются, усиливают, подчеркивают средства другого компонента. Как правило, мы говорим о наложении средств музыкального текста на вербальный компонент. Различия в строении, семантике, средствах музыкальной коммуникативной системы и коммуникативной системы изображения приводят к тому, что функционирование текстовых категорий в тексте с дополнительным музыкальным компонентом нетождественно текстам иконического типа: хотя основной принцип креолизованности – интегрированность в полисинтетический комплекс

– сохраняется, присутствуют особые взаимоотношения между вербальным и музыкальным компонентами. Все это в целом рождает специфику функционирования текстовых категорий в песенном тексте.

Список литературы

1. Андронаки Г.Д., Васильева И.И. Опыт лингвокультурологического анализа: песенный текст. [Электронный ресурс] – режим доступа: <http://psujourn.narod.ru/lib/vasilyeva1.htm>. (дата обращения: 23.11.11)
2. Анисимова Е.Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов). – М., 2003. – С.128.
3. Арановский М.Г. Музыкальный текст: структура и свойства. – М., 1998. – С.344.
4. Денисов А.В. Музыкальный язык: структура и функции. – СПб., 2003. – С.207.
5. Доманский Ю.В. Русская рок-поэзия: проблемы и пути изучения // Русская рок-поэзия: текст и контекст. Вып. 2. Тверь, 1999. – С.30–44.
6. Ионова С.В. Эмотивность текста как лингвистическая проблема: автореф. дис... канд. филол. наук. – Волгоград, 1998. – С.14.
7. Кострюкова О.С. Текст современной популярной лирической песни в когнитивном, коммуникативном и стилистическом аспектах: дис. ... канд. филол. наук. – М., 2007. – С.24.
8. Кулаковский Л.В. Песня, ее язык, структура, судьбы (на материале русской и украинской народной советской песни). – М., 1962. – С.342.
9. Нагибина Е.В. Содержательные и языковые особенности текстов современных эстрадных песен: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ярославль, 2002. – С.29.
10. Плотницкий Ю.Е. Лингвостилистические и лингвокультурные характеристики англоязычного песенного дискурса: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Самара, 2005. – С.21.

Языковая картина мира баллад лирического характера

The linguistic picture of the world of English lyrical ballads

Статья посвящена изучению особенностей языковой картины мира английских баллад лирического характера, которая отражает структуру представления знаний в балладах данной жанровой модификации.

The article studies the peculiarities of the linguistic picture of the world of English lyrical ballads, which reflects the structure of knowledge presentation in the ballads of this genre modification.

Ключевые слова: картина мира, языковая картина мира, лексикон, лирика, лирическая баллады, троп, метафора.

Key words: picture of the world, linguistic picture of the world, lexicon, lyric poetry, lyrical ballad, trope, metaphor.

Языковая картина мира – это естественный для мыслительно-языковой деятельности продукт сознания, который возникает в результате взаимодействия мышления, действительности и языка как средства выражения мыслей о мире в актах коммуникации. Как отмечает Ю.Д. Апресян, каждый естественный язык отражает определённый способ восприятия и концептуализации мира. Выражаемые в нём значения складываются в своего рода коллективную философию, которая обязательна для всех носителей языка [1, с. 67]. Следовательно, язык играет важную роль не только в передаче сообщений, но и во внутренней организации того, что подлежит общению.

Существует мнение о том, что язык влияет на формирование коллективной ментальности, на культурно-национальное самосознание. Это объясняется тем, что в языке закрепляется опыт нации, её историческая память, основой которой являются эмпирические

знания о мире. Законы природы и отношения между предметами и явлениями материального мира существуют независимо от сознания человека и отражаются в языке вполне объективно, вне зависимости от того, как человек хочет их себе представить. Следовательно, именно они являются определяющими и через язык влияют на сознание человека [4, с. 41].

Языковая картина мира хранит модели строя данного языка, его лексикон, культурно-национальное самосознание на определённом этапе развития, так как между языком и культурой существует тесная, неразрывная связь. Этим обеспечивается существование различных вариантов картин мира, наличие национальных картин мира [3; 7, с. 34]. Отмечая специфику каждой языковой картины мира, А. Вежицкая справедливо указывает, что язык национально специфичен, так как в нём отражаются особенности культуры, национального характера его носителей. Кроме того, существуют понятия, фундаментальные для модели одного языка и отсутствующие в другом. Определённые мысли и чувства могут быть продуманы и испытаны в рамках одного языкового сознания, но не другого [4]. Таким образом, языковая картина мира представляет собой национально-культурное наследие, а язык является одной из форм фиксации и хранения этого наследия.

Языковая картина мира английских и шотландских баллад это продукт самореализации и речемыслительной деятельности языковой личности того времени, когда жанр баллады был популярен, и тексты баллад находились в стадии своего становления и развития. Баллада является смешанным жанром. Это краткое повествовательное поэтическое произведение, для которого характерно сочетание черт лирики и эпоса. Среди баллад выделяются произведения, в которых явно преобладает лирическое начало. Это произведения романтические. Главным предметом описания является любовь, которая часто заканчивается трагически, ненависть, ревность. Анализ лирических баллад показал, что для некоторых из них характерна медитативная лирика. Произведения медитативной лирики включают речь автора или персонажа, выражающую его эмоции, размышления и раскрывающую его внутренний мир. Медитативные баллады лирического характера встречаются в творчестве Р. Бёрнса и В. Вордсворта.

В текстах баллад представлены некоторые события идеальной (эстетической) действительности, в которой в виде художественных образов отражается реальная действительность. Событийные значения наиболее конкретно отображают действительность и образуют базисный уровень. За ним следуют предметные и призначные значения, которые вычленяются речевым мышлением из целостности события [5, с. 142].

Для выявления особенностей языковой картины мира медитативных баллад лирического характера в текстах были выделены четыре основные разряда семантических единиц, создающих его смысловое и структурное ядро. Это семантические единицы предметности с субъектным и объектным значением, а также семантические единицы с процессуальным, темпоральным и локальным значением [6, с. 32]. Эти единицы формируют языковую картину мира. Л.М. Лосева трактует предметность широко. К словам с предметным значением она относит единицы речи, обозначающие предметность в широком смысле слова, то есть слова, не только содержащие в себе общий категориальный признак предметности, но, фактически, всё, что может обозначаться существительными, то есть всё, что мыслится как предмет. К семантическим единицам предметности она относит также собственные, абстрактные существительные; существительные, обозначающие события (гроза, концерт, война), качества, состояния, действия (белизна, суровость, усталость, хождение); местоимения; численные определения (пара, десяток) и так далее [6, с. 32–37]. Это соответствует пониманию предметности в традиционной грамматике. В.В. Богданов отмечает, что все вещные существительные, независимо от того, являются ли они таковыми по онтологии денотата или по соглашению, имеют в составе своих семантем сему «вещность» [2, с. 34–35]. Это и позволяет, по нашему мнению, объединить их в единую группу. В отличие от традиционной грамматики, Л.М. Лосева исключает из группы предметности слова с предметно-темпоральным и предметно-локальным значением, так как в данном случае, как правило, значение предметности вытесняется значением темпоральности или локальности. Например: Москва, станция, парк, осень, май и т.д.

В группу процессуальности входят единицы, называющие процессы, действия, передающие развитие описываемых событий.

Семантические единицы процессуальности выделяются в пределах предложения и являются основой событийного значения предложения, так как события реальной действительности базируются на действиях. Семантические единицы темпоральности обозначают время описываемых событий в масштабах всего текста, семантические единицы локальности являются средствами передачи пространственного размещения описываемых событий [6, с. 17–32], то есть место и время действия – это признаки, характеризующие события.

Семантические единицы предметности, процессуальности, темпоральности и локальности можно назвать основными опорными вехами текста, так как они являются выразителями значений, взаимосвязей основных объективно существующих категорий (материи, движения, времени, пространства) и по количеству преобладают над всеми другими семантическими единицами в тексте. В тексте выделяются также семантические единицы со значением причины, цели, условия. Однако эти единицы не играют решающей роли в организации текстовой структуры [6, с. 33].

Подобно тому, как в организации предложений принимают участие распространённые и нераспространённые члены предложения, семантические единицы предметности, процессуальности, темпоральности и локальности, составляющие текст, также могут быть распространёнными и нераспространёнными. Они могут выражаться словами, сочетаниями слов, различными оборотами речи и целыми предложениями. Так, например, семантическая единица с предметно-субъектным значением может выражаться отдельным словом (стол), именным словосочетанием (маленький столик) и более сложной конструкцией типа (маленький столик, на котором лежали книги). Семантическая единица с предметно-объектным значением может также выражаться придаточным дополнительным предложением или дополнением с придаточным определительным предложением. Семантические единицы процессуальности выражаются глаголами-сказуемыми как не распространёнными, так и распространёнными обстоятельствами образа, меры, степени действия (читает, быстро читает, быстро читает вслух). Семантические единицы темпоральности могут обозначаться словами, сочетаниями слов, придаточными предложениями времени, деепричастными

оборотами, а также целыми предложениями, имеющими в масштабах текста значение времени для последующих предложений. Семантические единицы локальности могут выражаться аналогичными способами: словами, словосочетаниями, а также частью сложного предложения, состоящей из соотносительного слова и придаточного предложения места. Таким образом, каждая семантическая единица, независимо от её конкретного синтаксического состава, выступает в тексте как целостная семантическая единица, выражающая определённое значение предметности, процессуальности, темпоральности или локальности.

Л.М. Лосева также отмечает, что деление текста на семантические единицы не тождественно делению предложения на его члены, так как часто определение входит в состав семантической единицы предметности, темпоральности или локальности; дополнение выступает в качестве разновидности семантической единицы предметности и т.д. Следовательно, семантические единицы и члены предложения – это разные категории, хотя часто они бывают синонимичны по функциям [6].

Под семантической структурой текста, в соответствии с этой теорией, мы понимаем взаиморасположение в тексте указанных выше единиц, которые, взаимодействуя между собой, образуют семантическое целое текста, определяющее принцип представления реальной действительности. Специфика языковой картины мира текстов различных жанров проявляется в способах выражения основных, обязательных для каждого текста значений (предметности, процессуальности, темпоральности, локальности), а также в качественном и количественном использовании семантических единиц одного и того же общего значения.

Тропы также принимают участие в создании языковой картины мира. Сама метафора «языковая картина мира» говорит о том, что используемые при формировании понятий вербально-языковые и образные ассоциации и технические средства языка не исчезают бесследно, а придают этим понятиям именно языковую окраску [8, с. 179]. Функция любого тропа состоит в образовании некоторого нового понятия, и любой троп, как иносказание в самом широком понимании этого термина, возбуждает множество ассоциаций, посредством которых действительность, воспринимаемая сознанием,

воплощается в языковой форме. Ассоциации, которые возникают в процессе формирования тропов (метафоры, метонимии, гиперболы и т.д.), усматривая сходство или смежность между гетерогенными объектами, устанавливают их аналогию. Это касается, прежде всего, элементов физически воспринимаемой действительности и невидимого мира идей, абстрактных понятий. Таким образом, языковая картина мира во многом обусловлена явлением идиоматичности, но не сводится к ней, так как представляет собой продукт речемыслительной деятельности.

Язык окрашивает через систему своих значений и их ассоциаций концептуальную модель мира в национально-культурные цвета. Он придаёт ей и собственно человеческую – антропоцентрическую интерпретацию, в которой важную роль играет и антропометричность, т. е. соизмеримость универсума с понятными для человеческого восприятия образами и символами, которые имеют статус ценностно определённых стереотипов (лиса – хитрое животное, камень – эталон бесчувствия и т.д. [8, с. 175–178].

Для выявления и изучения особенностей языковой картины мира жанра баллады нужна качественная и количественная характеристика составляющих её семантических единиц предметности, процессуальности, темпоральности и локальности, изучение способов их комбинаторики в текстах баллад, принадлежащих различным жанровым модификациям.

Текстовые категории пронизывают текстовую структуру и функционируют также на уровне её языкового оформления. Континуальность целостного произведения, его смысловое единство, объединяющее значимые фрагменты сюжетного пространства на уровне концептуальной модели действительности, находит отражение на уровне его лексико-семантической репрезентации, то есть на уровне языковой картины, так как связь между однородными семантическими единицами в масштабах всего текста является фундаментом его смысловой связности.

Как уже отмечалось, семантические единицы являются эффективным средством межфразовой связи. Взаимодействуя внутри своих групп, а также с другими семантическими единицами на протяжении всего текста, они создают его смысловое и структурное ядро. Семантические единицы с предметно-субъектным, предметно-

объектным значением и со значением процессуальности являются сильнейшими средствами связи, так как они выражают наиболее важные для текста значения и характеризуются, как правило, высокой частотностью употребления. Семантические единицы темпоральности и локальности также являются сильными средствами связи. В организации семантической структуры предложений эти единицы обычно играют второстепенную роль, однако в масштабах всего текста, особенно находясь в абсолютной препозиции, они проявляют себя как средства, организующие смысловое ядро текста. Семантические единицы темпоральности и локальности обычно объединяют значительные участки сюжетного пространства [6, с. 15–58]. Это качество было проиллюстрировано нами при изучении повествовательной перспективы текста баллады, а именно, при рассмотрении его пространственно-временной категоризации.

В процессе анализа языковой картины мира медитативных баллад лирического характера (R. Burns «Lord Gregory»; W. Wordsworth «The Last of the Flock», «The Complain of the Forsaken Indian Woman», «The Female Vagrant», «The Convict», «Anecdote for Fathers», «The Mad Mother») были выявлены следующие закономерности.

В результате выделения в текстах семантических единиц предметности, процессуальности, темпоральности и локальности были установлены следующие процентные соотношения: семантические единицы с предметно-субъектным значением – 32,5 %, семантические единицы с предметно-объектным значением – 25,3 % (всего 57,8 %), семантические единицы процессуальности – 28 %, темпоральности – 6,5 %, локальности – 5,7 %, причины – 0,5 %, цели – 0,5 %, условия – 1 %.

Эти данные указывают на количественное преобладание в балладах данного типа семантических единиц предметности и процессуальности, что свидетельствует об их нарративности и динамичности. Семантические единицы предметности значительно преобладают в количественном отношении над остальными семантическими единицами. Они характеризуются принадлежностью к различным лексико-семантическим группам. Наиболее частотны семантические единицы с предметно-субъектным значением,

обозначающие действующих лиц. В балладах они, как правило, выражены именами собственными или нарицательными существительными (в некоторых случаях в сочетании с атрибутами, в качестве которых могут выступать притяжательные местоимения, традиционные балладные эпитеты), или их местоименными заменами (boy, my child, my poor forsaken child, his whole body, dear baby, her father, my boy, woeful wanderer, exile frae; I, they, he, we, she, you). Косвенная местоименная номинация персонажей чрезвычайно частотна в балладах этого типа, и это соответствует традициям лирических произведений. Иногда для обозначения персонажей используется косвенная метафорическая номинация:

«My little joy! My little pride!»

W. Wordsworth «The Complaint of the Forsaken Indian Woman» (строфа 5, строка 1)

Значительно реже семантические единицы с предметно-субъектным значением выражаются отвлечёнными существительными (wicked fancies, my pride, mercy, message, feelings, my thoughts, last thought, time, true love, my true love и т. д.), нарицательными существительными, обозначающими части человеческого тела, (my limbs, heart, my heart, my fond heart, his face, his cheeks и т. д.), существительные, обозначающие животных, в сочетании с атрибутами или без них (this lusty lamb, wolf, ewe, wether, bird, healthy sheep и т. д.); в некоторых случаях они выражены собирательными существительными (my stock, my pretty flock, my precious flock, my poor family и т. д.). В состав этих семантических единиц чрезвычайно редко входят эпитеты. Таким образом, в балладах данного типа мало внимания уделяется предметной изобразительности и образы персонажей раскрываются путём описания их состояний и действий. В целом, семантические единицы с предметно-субъектным значением просты по своему синтаксическому составу и чаще всего выражаются словами или словосочетаниями. Иногда - нарицательными существительными в сочетании с придаточными определительными (... the frost, that freezes the life at my heart; my fire, all shift with ice and ashes lie, и т. д.).

Семантические единицы с предметно-объектным значением в балладах данного типа, более разнообразны по своей принадлеж-

ности к различным лексико-семантическим группам, по способам морфологического выражения и синтаксическому составу. В их состав чаще входят традиционные балладные эпитеты. Наиболее часто они бывают представлены отвлечёнными существительными (despair, desire, pleasure, care, thought, regret, happiness, shame, peace, comfort, work, store, sight, former pleasures, pardon, of poverty, vain, in our grief, my gains, pain of joy, to my prayer, thy love, this reply, false love, youthful folly, to my pains и т. д.), именами собственными, нарицательными существительными или их местоименными заменами, обозначающими персонажей (lord Gregory, false friends, my friends, dear friends, boy, woman, man, helpless child, my forsaken child; I, on me, thou, thy, to me, with me, for me, them, thee, we, she, you и т. д.), отвлечёнными существительными (pain, pleasure, desire, joy, despair, my prayer, pain of dying, pity, rest, false love, heaven, pardon, thy love, my life, walk, talk, much happiness, charm, idleness, reply, reason, care, taught, poverty, distress, with shame, woeful time, wicked fancies и т.д.), реже общими существительными (star, fire, grove, thunder, flash, northern gleams, blast, favored place, tower, weathercock, thy door, for clothes, in his rustic dress и т. д.), существительными, обозначающими части человеческого тела (my body, breast, his head, his eye, my heart, by the arm, to the feet и т. д.). Эти семантические единицы также просты по своему синтаксическому составу и обычно бывают выражены словами, реже – словосочетаниями, а иногда существительным с придаточным дополнительным предложением (... a woman, who was not thy mother; ... wind, that over my head art flying, ... the water, which beside you stood; ... intermitted talk, as we are wont to do; и т. д.).

Семантические единицы процессуальности также принадлежат различным лексико-семантическим группам. Часто они выражаются глаголами бытия и чувственного восприятия (be, feed thrive, grow, raise, die, die away, live; love, see, hear, listen, look, gaze и т. д.), глаголами, обозначающими активную деятельность (raise, buy, sell, do, fetch, buy, follow, seek, show, deny, bring, muster, find, open, freeze, set, sink down, dwindle, hide и т. д.), глаголами движения (cross, go, run, run away, drop, turn aside, stroll, trip и т. д.), глаголами речи

и произведения звуков (say, talk, tell, cry, pray, weep, echo и т. д.), реже – глаголами чувственного восприятия и ментальной деятельности (see, hear; wish, know, think, learn и т.д.), глаголами изменения состояния (blush, ease his mind и т.д.). Они несложны по своему синтаксическому составу.

Семантические единицы темпоральности, фиксируя события во времени, часто указывают на их повторяемость (every year, many a time, oft times, every week, every day), в некоторых случаях указывают на соотнесённость с другими событиями (when I was young...; in a time of need). Иногда они чётко фиксируют события во времени (now, today), указывают на их очерёдность (then) или неопределённость во времени (ever, never). Как показал анализ, чётко фиксируются во времени лишь частные события. Семантическая единица темпоральности, относящаяся ко всему событию, описанному в балладе, указывает на его неопределённость во времени (ever). Как показал анализ, они просты по своему синтаксическому составу и обычно выражаются словами или словами или сочетаниями слов и лишь в одном случае придаточным предложением времени.

Семантические единицы локальности указывают место описываемых событий. Они обычно точно фиксируют события в пространстве (from the rock, upon the mountain, at home, in the broad highway, along the broad highway, across the snow и т. д.). Это свидетельствует о присутствии эпического начала в текстах баллад.

Анализ семантической структуры баллад данного типа свидетельствует о преобладании в них лирических качеств. Семантические единицы с предметно-субъектным значением чаще всего обозначают действующих лиц и обычно бывают выражены личными местоимениями. Как известно, личные местоимения служат средством автосемантического обозначения личности лирического героя в поэтических произведениях. Особенно ярко это качество проявляется в таких балладах как «The Complain of the Forsaken Indian Woman», «The Last of the Flock», «The Female Vagrant», «The Mad Mother»(W. Wordsworth). Среди семантических единиц процессуальности в балладах данного типа наиболее частотны единицы, выраженные глаголами бытия, существования, состояния, реже

глаголами чувственного восприятия, движения. Семантические единицы темпоральности обычно фиксируют события во времени, указывая на их взаимную соотнесённость, а время события, явившегося предметом повествования всего текста, обычно является неопределённым, то есть для лирических произведений характерно пренебрежение к календарному, объективному времени. Семантические единицы локальности также фиксируют в пространстве и времени лишь частные события. Событие, явившееся предметом повествования всего текста, часто не имеет чёткой локализации в пространстве. Исключением являются такие баллады как «The Last of the Flock», «The Female Vagrant», «The Convict» (W. Wordsworth).

Эпическое начало также находит отражение в организации семантической структуры этих баллад. В балладах этого типа встречаются семантические единицы предметности, обозначающие конкретных действующих лиц и выраженные собственными или нарицательными существительными. Семантические единицы процессуальности бывают выражены глаголами, обозначающими активные действия, что соответствует традициям эпических произведений. Семантические единицы локальности и темпоральности фиксируют частные события в пространстве и времени.

Наиболее частотной в балладах данного типа является структурно-семантическая модель предложения с прямым, традиционным порядком слов. Однако встречаются и модели других типов, свидетельствующие о выделении таких свойств описываемых событий как время и место их протекания, а также об акцентировании внимания на объекте действия. Это указывает на стремление к многогранному представлению описываемых событий, что соответствует эпическим традициям, а также свидетельствует об экспрессивности повествования.

В целом, анализ языковой картины мира баллад данной жанровой модификации свидетельствует о простоте и экспрессивности повествования, характерной для данного жанра.

Список литературы

1. Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания, 1993. – № 1. – С. 37–68.
2. Богданов В.В. Семантико-синтаксическая организация предложения. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та., 1977. – 204 с.
3. Вежбицкая А. Язык. Культура, Познание. – М.: Русские словари, 1996. – 411 с.
4. Воронцова Т.И. Текст баллады. Концептуальная картина мира. – СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2003. – 152 с.
5. Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. – Л.: Наука, 1972. – 215 с.
6. Лосева Л.М. Как строится текст? – М.: Просвещение, 1980. – 96 с.
7. Серебренников Б.А. Роль человеческого фактора в языке: язык и мышление. – М.: Наука, 1988. – 244 с.
8. Телия В.Н. Метафоризация и её роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. – М.: Наука, 1988. – С. 173–204.

**Структура лингвокультурного концепта:
методы выявления и механизмы семантизации**

**The structure of a cultural concept:
methods of analysis and mechanisms of semantization**

В статье проводится обзор современных подходов к анализу структуры лингвокультурного концепта, получивших наиболее широкое распространение в научной литературе, и предлагается собственный метод, дополняющий наиболее актуальные из существующих концепций. Описываемый в статье метод может быть применен при выявлении диахронических изменений национальных концептосфер.

The article views modern approaches to the analysis of the structure of a cultural concept. The author introduces a new method adding to the most actual approaches to the concept structure existing in modern linguistics. The suggested method can be used in analyzing the diachronic changes of national concept sphere.

Ключевые слова: концепт, концептосфера, лексическая микропарадигма, структура концепта.

Key words: concept, conceptual sphere, lexical microparadigm, concept structure.

К настоящему моменту в лингвокультурологии сложилось несколько подходов к выявлению структуры концепта. Все они основываются на положении о том, что как структурная единица концептуальной системы концепт репрезентируется семантически-ми структурами различного уровня сложности и абстрактности и имеет свои «представительства» в лексической системе языка. Многослойность лингвоконцепта проявляется в присутствии в его структуре нескольких качественно отличных составляющих (слоев, измерений, компонентов, уровней и пр.), мнения исследователей расходятся здесь лишь относительно количества и характера

последних. Наиболее известные в настоящее время подходы к выявлению структуры концепта, лежащие в основе целого ряда современных исследований в области лингвоконцептологии, принадлежат Ю.С. Степанову, В.И. Карасику, И.А. Стернину, В.В. Колесову и Г.Г. Слышкину.

Широко известна трактовка структуры концепта Ю.С. Степанова, который утверждает, что концепт имеет *многослойную* структуру и выделяет: (1) «основной признак», «актуальный слой» концепта, в котором «концепт актуально существует для всех пользующихся данным языком (языком данной культуры) как средство их взаимопонимания и общения»; (2) дополнительный, или несколько дополнительных, «пассивных» признаков, являющихся уже неактуальными, «историческими», актуализирующимися «при общении людей лишь некоторых социальных групп»; (3) «буквальный смысл» или «внутреннюю форму, обычно вовсе не осознаваемую, запечатленную во внешней, словесной форме», или этимологический, наиболее удаленный в историю, признак концепта [15]. Данный подход можно назвать **диахроническим**, в его рамках структура концепта рассматривается в процессе ее эволюционирования в рамках культуры.

Оригинальная концепция структуры лингвокультурного концепта принадлежит Г.Г. Слышкину [13, с.51–67], который предлагает **ассоциативную модель концепта**, исходя из того, что последний функционирует как процесс непрерывной номинации и реноминации объектов, появления новых и утраты старых ассоциативных связей между языковыми единицами и номинируемыми объектами. Номинативная плотность концепта в рамках данного подхода является основной характеристикой *интразоны* концепта (совокупности входящих в концепт ассоциаций), а метафорическая диффузность – его *экстразоны* (совокупности исходящих ассоциаций) [13, с. 60].

По мнению В.В. Колесова, смысловое единство концепта обеспечивается последовательностью его «проявления в виде образа, понятия и символа» [8, с.107], где образ представляет психологическую основу знака, понятие отражает логические функции сознания, а символ – общекультурный компонент словесного знака [см.: 8, с. 42].

И.А. Стернин и З.Д. Попова предлагают **полевою модель концепта** по аналогии с полевой организацией значения слова (разви-

вая идеи Э. Рош, Е.В. Рахилиной, Л.О. Чернейко и др.). Исходя из того, что значение слова имеет полевую структуру (архисема в ядре, дифференциальные семы на ближней периферии, скрытые семы на дальней периферии), авторы предлагают допустить, что и концепт имеет *многослойную организацию*, которая может быть выявлена через анализ языковых средств ее репрезентации [11]. По мнению авторов подхода, концепт может получить полевое описание – в терминах ядра и периферии. К ядру относятся прототипические слои с наибольшей чувственно-наглядной конкретностью, первичные яркие образы; более абстрактные признаки составляют периферию концепта. Базовый образ может исчерпывать содержание концепта, если концепт отражает конкретные чувственные ощущения и представления, либо вычленяется в сознании примитивно мыслящих индивидов. В более сложных концептах на базовый образ наслаиваются дополнительные концептуальные признаки. Признаков может быть много, они могут образовывать относительно автономные концептуальные слои от более конкретного слоя к более абстрактному. Совокупность базового образа, его когнитивных признаков и концептуальных слоев составляют объем концепта. Авторы подчеркивают, что «многочисленных концептуальных слоев в концепте может не быть, но базовый когнитивный слой с чувственно-образным ядром есть у каждого концепта, иначе концепт не может фиксироваться в универсальном предметном коде как дискретная единица мышления (смысловая отдельность), не может функционировать как мыслительная единица» [12, с. 34]. Периферия состоит из слабо структурированных предикаций, отражающих интерпретацию отдельных концептуальных признаков и их сочетаний в виде утверждений, установок сознания, вытекающих в данной культуре из менталитета разных людей. Этот слой содержания концепта был обозначен термином «интерпретационное поле концепта» [11].

В.И. Карасик, выявляя структуру концептов – **духовных ценностей**, выделяет в ней, помимо образной, понятийную и ценностную составляющие [6, с. 39]. Образную составляющую автор понимает как «след чувственного представления в памяти в единстве с метафорическими переносами» [7, с. 27]. Понятийная составляющая представляет собой, по мнению В.И. Карасика, «*совокупность*

существенных признаков объекта или ситуации и итог их познания» [6, с. 39]. С лингвокультурологической точки зрения доминирующей является ценностная составляющая, поскольку она более всего культурно значима.

Принимая подход к моделированию структуры концепта В.И. Карасика в целом, С.Г. Воркачѳв выделяет в семантическом составе лингвоконцепта, помимо образной, ценностной и понятийной, также значимостную составляющую, «определяемую местом, которое занимает имя концепта в языковой системе» [3, с. 7]. В значимостную составляющую входят также этимологические и ассоциативные характеристики имени концепта. Термин «значимостная» в концепции С.Г. Воркачѳва восходит к Ф. Соссюру, который назвал совокупность имманентных характеристик, определяющих место языковой единицы в лексико-грамматической системе «значимостью» (*valeur*) [14, с. 113–114, 146–148]. Исследовать ее Соссюр призывает не только по «оси одновременности», в синхронии, но и по «оси последовательности», в диахронии [14, с. 114]. Последняя ось в случае значимостной составляющей лингвокультурного концепта раскрывается, по мнению С.Г. Воркачѳва, как «этимологическая память слова», фиксирующая эволюцию внутренней формы лексической единицы, путь ее «этимона» [3, с. 124]. В синхронии значимостная составляющая лингвоконцепта описывается, по мнению С.Г. Воркачѳва, через внутрипарадигматическую «равнозначность» и «разнозначность» ЛСВ этого имени: отношения синонимии и омонимии в границах соответствующей словарной статьи. В число значимостных характеристик концепта входит, по предположению автора, также соотношение частеречных реализаций его имени, его словообразовательная продуктивность. Значимостными являются и прагмастилистические свойства лексико-грамматических единиц, поскольку они реализуются исключительно на фоне синонимического ряда [3, с.124]. Из вышесказанного следует, что содержание значимостной составляющей концепта выводится автором из ассоциаций его языкового имени, его словообразовательной продуктивности и номинативной плотности, однако из ассоциативных отношений имен концепта выводится в рамках данного подхода также содержание понятийной составляющей концепта. В.И. Карасик, впервые выделивший эту составляющую в структуре лингво-

культурного концепта, предположил, что для концептов – духовных сущностей понятийный компонент является определяющим и представляет собой *«совокупность существенных признаков объекта или ситуации и итог их познания»* [6, с. 39]. Само по себе данное определение не вызывает сомнения, однако, ученые, развивающие данный подход, так и не пришли к единому и четкому мнению относительно способов выявления конститuentов понятийной составляющей концепта. С.Г. Воркачѳв, в частности, предположил, что *«определить ее изначально можно «апафатически», через отрицание: это – то в содержании концепта, что не является метафорически-образным и не зависит от внутрисистемных («значимостных») характеристик его языкового имени»* [3, с. 80]. Данный тезис также не позволяет достаточно ясно представить себе процедуру выявления признаков рассматриваемого компонента. Вероятно, сама природа концепта, его диффузность, размытость границ, не позволяют применить достаточно жесткую процедуру в процессе его моделирования. Положение также усложняется активным процессом терминотворчества. Имея в виду приблизительно одно и то же, авторы разных подходов к моделированию структуры концепта не могут прийти к единому мнению, попросту называя одно и то же разными словами.

Термин «понятийный», вероятно, должен подразумевать, что данный компонент включает определение содержания входящего в него понятия. В частности, понятийная составляющая морально-этического концепта должна включать определение данного нравственного принципа или чувства. Например, *«conscience – the sense or consciousness of the moral goodness or badness of one's own conduct, intentions or character together with a feeling of obligation to do right or be good»* [17]. Определение представляет собой логическую операцию, раскрывающую содержание понятия, в ходе которой устанавливаются функции семантических признаков и их иерархия в составе понятия. *Дистинктивные*, родовые признаки обеспечивают тождественность понятия самому себе при использовании его в различных теориях и фиксируют его *объем*. *Эссенциальные* признаки связаны с интерпретацией *содержания* понятия в рамках определенной концепции [2, с. 121; 4, с. 6]. Философские понятия-термины могут быть определены и наполнены конкретным содержанием,

лишь будучи включенными в теорию, которая выступает границей их смысла. Даже не придерживаясь столь жесткого подхода, то есть, по сути, пытаясь моделировать понятийные составляющие концептов на уровне обыденного сознания, мы вынуждены выявлять в их структуре родо-видовые признаки, в противном случае термин «понятийная» теряет адекватность.

В ряде существующих в настоящее время исследований по лингвоконцептологии, следующих описанному выше подходу, «понятийная» составляющая культурных концептов на деле выводится путем выявления доминантных ассоциаций (тематических, парадигматических, синтагматических), в которые вступают ЛСВ конкретных частеречных реализаций имен концепта в разнообразных условиях дискурса [10; 5, с.36–40 и пр.]. О.В. Евтушенко, анализируя структуру концепта «ревность» в русской культуре, отмечает, что для выявления «понятийного уровня» концепта ею было описано ассоциативное поле слова *ревность*, для чего исследовалась его сочетаемость в художественных текстах XVIII–XXI вв. «Мы исходим из того, – пишет далее автор, – что анализ сочинительных связей слова и включающих его перечислительных рядов позволяет выявить ядерные элементы понятийного уровня соответствующего концепта» [5, с. 36]. Не вызывает сомнения тот факт, что признаки понятийной составляющей лингвокультурного концепта, действительно, могут выводиться на базе доминантных, прототипических ассоциаций, выявляемых в индивидуальных дискурсивных трактовках концепта. Но необходимо учитывать, что основой любого понятия являются родовые компоненты смысла, ассоциации же фиксируют достаточно редко. Возвращаясь к концепту «ревность», можно предположить, что определение, отражающее понятийную составляющую концепта, должно включать гипероним «чувство». Толковый словарь под редакцией С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой предлагает следующее определение значения слова *ревность*: «мучительное чувство сомнения в чьей-то верности, любви» [16]. Однако анализ ассоциативных связей имени концепта «ревность», проведенный О.В. Евтушенко, позволил автору заключить, «что ядерными элементами понятийного уровня концепта являются «обида», «злость», «стремление» и «месть» [5, с. 37]. Таким образом, ассоциации выводят нас на признаки концепта эквивалентного

уровня обобщения, что не позволяет методике выявления ассоциаций имен концепта быть адекватной (и достаточной) при выявлении его понятийной составляющей.

Нами был предложен подход к моделированию структуры лингвокультурного концепта, уточняющий и развивающий положения описанных выше концепций [9, с. 91–104].

В соответствии с предлагаемым подходом структура лингвокультурного концепта включает **образную, ассоциативную, понятийную, ценностную, этимологическую** и **историческую** составляющие.

Этимологическая составляющая («этимологический слой» по Ю.С. Степанову) концепта определяется внутренней формой слова, являющегося ключевым репрезентантом концепта. Этимологическая составляющая концепта служит средством дополнительной мотивации его ценностной составляющей. С целью иллюстрации вышесказанного рассмотрим этимологическую составляющую британского морально-этического концепта «conscience». Исследуя факты языковой репрезентации концепта «совесть» в русском языке, Н.Д. Арутюнова отмечает, что он «входит в группу социо-оценочных концептов, регулирующих взаимодействие человека с «Другим» (другими, социумом)» [1, с.54]. Благодаря фактору «Другого» и формируется сознание (от греч. syneidesis; лат. conscientia). «Сознание не просто сознает, но сознавая, оно судит и осуждает. В нем присутствует система норм, с которой человек соотносит свои действия – предстоящие и уже совершенные. Приобретая судебскую функцию, сознание становится совестью» [1, с. 55]. В большинстве европейских культур связь совести и сознания сохранилась. В английском языке лишь с XVII в. стали различать *consciousness* «сознание, осознание» и *conscience* «совесть».

Ассоциативная составляющая концепта индуцируется наиболее частотными (прототипическими) ассоциативными отношениями имен, имеющих внеконтекстную связь с концептом.

Понятийная составляющая концепта имеет зоны пересечения с ассоциативной, так как может включать смыслы, выводимые из доминантных ассоциативных связей концепта, однако базовыми в ее содержании являются дистинктивные, родовые признаки. Понятийная составляющая, хоть и может включать смыслы, выводимые

из доминантных ассоциативных связей концепта, неинформативна при выявлении национально-культурных смыслов, так как содержит гипер-гипонимические признаки понятия, которые в случае концептов духовных сущностей могут совпадать в формулировках представителей разных культур. Более того, не будучи спрошенными, многие представители национально-языкового сообщества, никогда не пытаются сформулировать содержание понятийной составляющей концепта, успешно оперируя им в сознании. Сравнительный анализ определений морально-этических понятий, данных в современных толковых словарях английского и русского языков, выявил лишь крайне незначительную степень их этноспецифичности¹.

Образная составляющая концепта может включать наглядно-чувственное представление («мыслительную картинку», перцептивный образ), а также комбинацию концептуальных метафор, выводимых носителем языка из сочетаемости имени, объективирующего концепт в языке. Метафорическое ядро концепта ментальной сущности поддается эмпирической верификации средствами языка и во многом мотивирует ценностную составляющую концепта.

Обратимся для примера к образному ядру концепта «*conscience*». Использование имени *conscience* отражает двойственность положения данного нравственного чувства во внутреннем пространстве человека – с одной стороны, и сложность структуры образного ядра соответствующего концепта – с другой. Совесть может выступать в роли контрагента (Другого), не тождественного Эго, она возвышается над ним, то есть занимает по отношению к нему внешнюю позицию. Ср.: Everyone has some sort of ***conscience***, and sooner or later it will find you out [W.S. Maugham, The moon and sixpence]. Совесть может принимать также образ внутренней компоненты человека, части его души. Ср.: I had the appetite of youth and he of a hardened ***conscience*** [W.S. Maugham, The moon and sixpence].

---

¹ Ср.: Modesty – the quality of being characterized by a moderate estimation of oneself or one's capabilities [ODE];

Скромность – сдержанность в обнаружении своих достоинств, заслуг [БТСРЯ].

Таким образом, очевидно, что одним из факторов, влияющих на синтаксические позиции слова *conscience*, является колебание между двумя базисными концептуальными метафорами, образующими ядро репрезентированного им концепта, – *conscience – a counteragent* (высшее существо) и *conscience – a psychic organ* (своего рода барометр, реагирующий на нарушение со стороны Эго нравственных норм и являющийся средоточием его грехов).

В рамках первой базисной метафоры можно выделить ряд частных метафор:

- *conscience – God, a guardian* (to go against one's conscience, to hear the voice of conscience, according to the law of conscience);
- *conscience – a judge* (the trial of conscience, the verdict of conscience, A guilty conscience needs no accuser);
- *conscience – an executioner* (to feel pangs / suffer from pangs (torments, tortures, twinges, worm, qualm) of conscience);
- *conscience – an inner enemy* (to come to terms with one's conscience, to make an agreement with one's conscience).

Концептуальная метафора *conscience – a psychic organ* лежит в основе следующих случаев стандартной сочетаемости имени *conscience* в английском языке: a guilty conscience, a clear conscience, a hardened conscience, to get something off one's conscience, to have something on one's conscience, to lie heavy on one's conscience, the pangs (qualm) of conscience.

Ценностная составляющая лингвокультурного концепта понимается ними, вслед за Г.Г. Слышкиным, как его компонент, который может быть разложим на два измеряемых аспекта: актуальность и оценочность. Аспект оценочности находит выражение в наличии оценочной составляющей в значении языковой единицы, являющейся именем концепта, а также в сочетании этой единицы с оценочными эпитетами. Наличие оценочного аспекта проверяется методами компонентного и контекстуального анализа. Аспект актуальности реализуется в численности языковых единиц, являющихся средствами апелляции к данному концепту. Наличие аспекта актуальности проверяется методом количественного подсчета [13, с 23].

Историческая составляющая лингвокультурного концепта включает наиболее значимые признаки ассоциативных составляющих концепта, входящие в его структуру на более ранних этапах

существования в концептосфере этноса и, в значительной степени, определяющие его синхронное состояние.

По мере обогащения ассоциативной составляющей концепта новыми ценностно акцентуированными признаками, ряд старых, теряющих актуальность и интенсивность оценочности, переходит в историческую составляющую. Важно учитывать при этом, что ни один из когда-либо ценностно акцентуированных признаков концепта не элиминируется полностью. Оставаясь в «пассивном» (историческом) слое, они способны актуализироваться в особых условиях дискурса.

Основное внимание в исследовании структур лингвокультурных концептов следует уделять, на наш взгляд, выявлению структур их ассоциативных составляющих, так как последние *подвергаются верификации фактами языка, наиболее полно представляют национальное своеобразие концептов, в первую очередь отражают диахронические изменения в структуре и ценностном статусе концептов, структурируют субконцептосферы и, в конечном итоге, национальную концептосферу.*

Национальное своеобразие концептов определяется также их *этимологической составляющей*. Однако в силу того, что концепт в процессе своего исторического развития неоднократно «меняет одежды», обретая с диахроническими изменениями лексической системы языка новых репрезентантов, его этимологическую составляющую необходимо выявлять в рамках отдельных исторических срезов. Информация о прежних этимонах отходит в исторический слой концепта и не осознается носителями языка более поздних эпох [9, с. 95].

Диахроническое исследование ассоциативных составляющих концептов позволяет сделать вывод о структуре их *исторических составляющих, включающих наиболее значимые в тот или иной период развития концепта ассоциаты, а также признаки этимологических составляющих предыдущих эпох*. Историческая составляющая актуализируется в специфических условиях дискурса, однако, мотивирует современную структуру и национально-культурную специфику концепта.

Говоря об иерархической организации составляющих лингво-концепта, можно утверждать, что *образная составляющая концепта (перцептивный и/или метафорический образы) совместно с ее ингерентными когнитивными признаками является ядром концепта*. При этом бесосновательно было бы утверждать, что существует иерархия в отношении к ядру прочих пяти составляющих концепта.

В терминах полевого подхода более целесообразно рассуждать, реконструируя ассоциативную составляющую концепта, так как последняя изоморфна репрезентирующему ее лексико-семантическому полю. Ассоциативная составляющая является значимым конструктом концепта, отражающим его бытие в актуальном срезе, однако все содержание концепта к ней ни в коем случае не сводится. Именно это позволяет концепту «пережить» своих номинантов, не диссимилироваться вместе с распадом актуализирующих его лексических микропарадигм.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. О стыде и совести // Логический анализ языка: Языки этики. – М.: Яз. рус. культуры, 2000. – С. 54–77.
2. Войшвилло Е.К. Понятие как форма мышления: логико-гносеологический анализ. – М.: URSS: Изд-во ЛКИ, 2007. – 236 с.
3. Воркачѳв С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт. – М.: Гнозис, 2004. – 236 с.
4. Гусейнов А.А. Об идее абсолютной морали: [доклад на международной конференции «Философия морали в контексте многообразия культур, Москва, июнь 2002]. Вопросы философии. – 2003. – №3. – С.3–12.
5. Евтушенко О.В. О перспективах изучения структуры концептов // Вопросы когнитивной лингвистики: Научно-теоретический журнал. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2009, № 1. – 153 с. – С. 35–43.
6. Карасик В.И. Языковая личность: аспекты лингвистики и лингводидактики: сб. науч. тр. – Волгоград: Перемена, 1999. – 195 с.
7. Карасик В.И., Прохвачева О.Г., Зубкова Я.В. и др. Иная ментальность. – М.: Гнозис, 2005. – 352 с.
8. Колесов В.В. Философия русского слова. – СПб.: ЮНА, 2002. – 444 с.
9. Кононова И.В. Структура и языковая репрезентация британской национальной морально-этической концептосферы (в синхронии и диахронии): дис. на соиск. уч. степ. д-ра филол. наук: 10.02.04. – Санкт-Петербург: СПбГУЭФ, 2010. – 361 с.

10. Лаврентьева Л.Р. Концепт «верность» в языке англосаксонской поэзии VII–XII веков (лингво-этнический аспект): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – Владивосток, 2006. – 25 с.
11. Попова З.Д., Стернин И.А. Интерпретационное поле национального концепта и методы его изучения // Культура общения и ее формирование. Вып. 8. Воронеж, 2001. – С. 34–56.
12. Попова З.Д., Стернин И.А. Язык и национальное сознание. Вопросы теории и методологии. – Воронеж: ВГУ, 2002. – 313 с.
13. Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты: моногр. – Волгоград: Перемена, 2004. – 340 с.
14. Соссюр Ф. Труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1977. – 695 с.
15. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. 3-е изд., испр. и доп. – М.: Академ. проект, 2004. – 991 с.
16. Толковый словарь русского языка / под. ред. С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой, 4-е изд., дополненное. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.
17. ODE – Oxford Dictionary of English. – 2 nd. ed. / ed. by Catherine Soanes, Angus Stevenson. – Oxford: Oxford univ. press, 2003. – 1345 p.

**Научные подходы к проблемам изучения неологизмов
в современном терминоведении**

**Scientific approaches to the study
of neologisms in modern terminology**

В данной статье рассматриваются основные направления исследования путей появления и способов использования терминов в специализированных текстах. Особое внимание уделяется вопросу определения понятия «термин».

The article discusses the main directions in the study on the appearance and usage of terms in specialized texts. Particular attention is paid to the definition of the notion "term".

Ключевые слова: термин, специальная лексика, терминологическое поле, специальный подъязык, термины-словосочетания, многокомпонентный термин, терминология.

Key words: term, special lexis, terminological field, special sublanguage, term phrase, multi-component term, terminology.

В настоящее время проблемы, связанные с появлением новых слов в языке становятся объектом исследования лингвистов, занимающихся изучением процессов появления и использования терминов в специализированных текстах. По выражению выдающегося учёного А.А. Реформатского, терминологии и «термины как их составные части, являются инструментом, с помощью которого формируются научные теории, законы, принципы, положения; в терминах отражается социально организованная действительность, поэтому термины имеют социально обязательный характер» [10, с. 87]. В связи с современным прогрессом науки и техники и сопутствующими ему социальными изменениями, вызывающими радикальную перестройку понятийного аппарата многих научных

дисциплин и возникновение новых отраслей знаний, возникают новые понятия, что естественным образом резко увеличивает потребность в номинации. Наряду с «неологическим бумом» в лингвистике возникает понятие «терминологический взрыв». Массовое возникновение новых терминов вносит серьёзные изменения в существующие терминологические системы. Задача лингвистов превратить этот носящий стихийный характер «взрыв» в управляемый процесс.

Согласно концепции А.В. Суперанской, термины относятся не к общей, а к специальной лексике и существуют не в литературном или общенародном языке, а в специальных подъязыках [11, с. 117]. Отсюда, можно сделать вывод, что в каждом национальном языке подъязыков столько, сколько отраслей знаний и производства представлено в стране. Само понятие термин по материалам свободной энциклопедии Википедия трактуется как слово или словосочетание, точно и однозначно именуемое понятие и его соотношение с другими понятиями в пределах специальной сферы. Термины служат специализирующими, ограничительными обозначениями характерных для этой сферы предметов, явлений, их свойств и отношений. В отличие от слов общей лексики, которые зачастую многозначны и несут эмоциональную окраску, термины в пределах сферы применения однозначны и лишены экспрессии [13]. Термины как разряд специальной лексики представляют собой слова и словосочетания, употребляемые преимущественно людьми определённой профессии, специальности. Лексические единицы подобного плана могут иметь различную структуру. По числу компонентов выделяют термины-слова, или однословные термины, реже именуемые монологическими, к которым могут быть отнесены и сложные термины, образованные сложением основ и имеющие слитное или дефисное написание; термины-словосочетания, или составные, многокомпонентные термины.

В отличие от общей лексики, которой пользуются люди разных профессий в повседневном общении друг с другом, специальная лексика сопровождает трудовую деятельность человека и содержит те слова, которые редко требуются в иной обстановке, вне определённой целенаправленной деятельности. Научная и техническая терминология составляет лишь некоторую часть специальной лексики, появляется в условиях значительного научного прогресса.

С самого начала специальную лексику отличала продвинутость в развитии по сравнению со словами общей лексики. Профессиональная направленность обуславливала её более узкую сферу применения по сравнению с общей лексикой. Специальная лексика существует в особых условиях, регулируется не только языковыми, но и социальными, юридическими и иными факторами, сдерживающими развитие одних и стимулирующими развитие других её элементов. Таким образом, специальная лексика оказывается структурно и семантически продвинутой в своём развитии по сравнению с общей лексикой, при этом в разных сферах своего применения подвинута по-разному. Но самое важное отличие слов специальной лексики от слов общей лексики заключается в их повышенной денотативной связи, т. е. в том, что специальное слово не может быть понято без предварительного знакомства с предметом, который оно обозначает.

Л.В. Щерба характеризовал составные термины как сочетания слов, обладающие структурным и семантическим единством и представляющие собой расчлененную терминированную номинацию [12, с. 32]. Нередко всю специальную лексику называют собирательно одним словом – терминология. Однако неоднородность специальной лексики и сфер её употребления требует дифференцированного подхода к ней.

Внутри подъязыков специальная лексика распределяется по терминологическим полям и микрополям, где отдельные слова увязаны друг с другом тематически, понятийно и лингвистически. Исследовательский интерес к структуре терминов постоянно наблюдается в современных лингвистических работах. Проблему анализа и оптимизации формальной структуры термина нельзя решить без применения методов лексикологического и словообразовательного анализа, хотя вопрос о том, существует ли особое терминологическое словообразование остаётся до конца не выясненным. Мы попытаемся продемонстрировать, что в сфере терминообразования действуют те же закономерности, что в сфере образования любых лексических единиц определённого естественного языка.

Попробуем проанализировать имеющиеся подходы к исследованию обозначенных языковых явлений и выяснить, за счёт чего

происходит тематическая, понятийная и лингвистическая увязка и существуют ли принципиальные отличия между такими понятиями, как специальная лексика и специальная терминология. Являясь элементами языка (пусть специального, своеобразного), термины не могут существовать вне его закономерностей, хотя последние могут отличаться от закономерностей, свойственных общей лексике. Соответственно, можно говорить о том, что единицы специальной лексики, если не составляют грамматического единства с единицами общей лексики, то очень близки к ним грамматически. А вот на лексическом уровне они представляют собой разные лексические системы и распределяются по разным предметно-понятийным полям. Скорость и объём формирования понятийного аппарата напрямую связаны с интенсивностью развития какой-либо области знания: чем быстрее развивается та или иная отрасль науки, тем активнее создаются лексические единицы, закрепляющие достижение человеческой мысли в языковых формах. Во многих культурах в результате использования национального языка в научной сфере сложился особый функциональный стиль, предназначенный для экспликации научной информации. Во многих языках сформировались национальные терминосистемы, отражающие систему знаний по данной дисциплине. Являясь существенной составляющей лексической системы языка, термины подчиняются закону сохранения языка и в связи с этим образуют различные группы неологизмов.

Поскольку в XXI веке терминологически развитые языки пополняются главным образом за счёт специальной лексики, всестороннее изучение её приобретает первостепенное значение. Именно всестороннее изучение специальной лексики на фоне лексики общей, а так же рассмотрение отдельных её разрядов по контрасту друг с другом и с общей лексикой помогают выявить характерные особенности каждого. Исходя из того, что термины – это, прежде всего, слова и словосочетания, то методы, которыми пользовались терминоведы в течение длительного подготовительного периода формирования этой научной дисциплины, были заимствованы из наук, на базе которых оно выросло. Ясно, что основными здесь являются лингвистические методы. И по настоящее время важнейшими и плодотворными способами изучения терминов остаются методы лексикологии, словообразования, семасиологии, ономасио-

логии, социолингвистики, психолингвистики, когнитивной лингвистики, теории перевода, прикладной лингвистики, лингвистической теории текста и т.д. Структурно терминоведение можно разделить на два раздела: теоретическое, дающее анализ терминов и терминосистем, а также исследующее закономерности их создания и функционирования; и, конечно же, прикладное, продуктами которого являются словари, стандарты, сборники терминов, банки терминологических данных, картотеки, базы данных и др. Так, в настоящее время можно говорить о терминоведении как о самостоятельной научно-прикладной дисциплине, выросшей из лингвистики и впитавшей в себя достижения ряда современных наук и прикладных областей деятельности.

Весьма плодотворным можно считать такой подход к изучению терминов, как выявление становления терминологических дефиниций. Терминологическая дефиниция представляет собой семантизацию термина через минимальный текст, в котором объект познания – термин и взаимоотношения коммуникантов объективируются в вербальной форме. Терминологическая дефиниция – это неотъемлемая часть научной коммуникации. Она является одной из составляющих научного текста. В ней проявляется действие металингвистической функции, так как она является результатом совместной деятельности языка и мышления. На базе научной коммуникации в процессе взаимодействия идёт значительное по объёму использование терминов. При этом новые термины нуждаются в толковании. За счёт металингвистической функции терминов происходит процесс многообразных семантических преобразований и способов совершенствования языкового сознания участников коммуникации. Толкование значений новых терминов происходит посредством дефиниций, которые выступают мостиком взаимопониманий. В семантическом плане дефиниция не равняется научному понятию, а лишь приближается к нему. Дефиниции терминов способны образовывать системы. Система дефиниций это та основа, которая обуславливает особый статус терминологии. Термины могут проникать в разряд общеупотребительной лексики и, наоборот, общеупотребительные слова могут становиться терминами. Обозначенные проблемы не нашли ещё достаточного решения в современном языковедении [5, с. 83].

Другим аспектом изучения процесса появления новых терминов в языке является проявленный научный интерес лингвистов к анализу их семантики. Подробно исследуя семантическое наполнение технических терминов на материале русского языка, Т.А. Новикова прилагает усилия к решению проблемы языкового значения и языкового смысла. По её мнению языковой смысл применительно к техническому термину является по отношению к языковому значению его инвариантом. Рассматривая терминологическое поле существование термина «железная дорога» лингвист обнаруживает присутствие сформированных в этом поле специфических словообразовательных и словоизменительных парадигм, отсутствующих в общей лексике [8, с. 449].

Терминология, как система научных терминов, представляет собой подсистему внутри общей лексической системы языка. Между терминологией и общелитературным языком существует постоянный контакт. Попадая в неспециальные языковые сферы, термин приобретает коннотации и происходит процесс, который называется детерминологизация. Другими словами, слова и словосочетания заимствуются из терминологической системы и осваиваются языком художественной литературы. Такой процесс обладает древней историей, и языковедение знает много примеров использования терминов из мореплавания, военного дела в общеупотребительной лексике. На их базе в литературном языке возникают фразеологические единицы, в которых термины переосмысляются, и за ними закрепляется переносное значение. До сих пор в языкознании не решена проблема о разграничении терминосочетаний и фразеологических единиц.

В термине находит своё выражение специальное знание, и оно включается в семантическую систему специального языка, становясь неотъемлемым компонентом лексико-семантической системы общего языка. Рост значения и развития научно-технического знания сегодня отражается в том, что свыше 90 % новых слов, появляющихся в современных словарях, составляет специальная лексика. Наблюдается тот факт, что увеличение числа терминов различных областей специального знания превышает рост числа общеупотребительных слов языка. Так, большинство терминов банковского дела образуют лексические антонимы [2, с. 85].

В наши дни отмечается огромное количество терминов, перешедших из английского языка в другой язык. Они вступают в конкуренцию с существующими терминами принимающего языка. Наряду с этим происходит создание собственных терминов согласно языковым обычаям при названии профессий, должностей, степеней и званий.

Адаптация термина-заимствования – это постоянная тема лингвистов, занимающихся изучением словообразования терминов. Так с позиции когнитивной лингвистики рассматривается процесс адаптации заимствованных терминов в новом языковом пространстве на материале русского языка. Легче адаптируется термин такого порядка при его использовании в транскрибированной или транслитерированной форме. Может использоваться калькированная переводная форма, но возникает сложность проявления других терминологических значений [6, с. 346].

Терминологические реалии в любом языке обладают национальной окраской. Большой культурологический потенциал терминологических реалий образует уникальные национально-окрашенные единицы. Они не всегда фиксируются в словарях. Особый интерес вызывают переводы терминологических словосочетаний с одного языка на другой, которые обладают спецификой национальных реалий [4, с. 312].

В наши дни отмечается солидное количество терминов-заимствований из английского языка, которые получают название англицизмы. В научной литературе термин «англицизм» в узком понимании – это исконно английское слово или оборот речи. В широком понимании в группу англицизмов включены слова из американского, австралийского и других вариантов английского языка. В лингвистике отмечается присутствие работ, где предлагается классификация тематических рубрик английских заимствований в сфере определённой области человеческой деятельности.

Не обходят своим вниманием языковеды вопрос сохранения или утраты первоначальных значений терминов-заимствований. С позиции социолингвистики в языковедении исследуются термины для выяснения признака, положенного в основу их номинации, вводится понятие «эпонимный термин».

В современном переводоведении существует несколько параллельных терминологических систем. Рассматривает при этом переводческие термины в русском и немецком языках, опираясь на толковый переводоведческий словарь Л.Л. Нелюбина. При этом отмечается как в русском, так и в немецком языке высокая степень проявления лексической вариативности [1, с. 227].

На материале русских публицистических текстов в отечественной лингвистике анализируется семантика терминологических фразеологизмов типа «чёрный ящик» и возможности их перевода на другой язык. При этом делается акцент на сложность перевода, на частые использования описательного метода, но с обязательным сохранением прагматической ценности данного лексического образования.

В сопоставительном языкознании также присутствует подход к изучению схем построения сложных терминов во французском и итальянском языках, используя данные словарей. Отмечается при этом значительное влияние на формирование терминологической системы английского языка. Калькирование английских терминов ограничивается заимствованием в виде отдельных слов. Однако построение терминологических словосочетаний во французском и итальянском языках подчиняется правилам собственной системы словообразования. При этом высказывается точка зрения, что терминами могут быть не только существительные и созданные на их основе словосочетания, но и все знаменательные части речи, а именно прилагательные, глаголы, причастия, деепричастия и наречия. Но ведущую роль всё-таки играют имена существительные. Причастия и наречия, как и прилагательные, могут входить в состав сложных терминов в качестве терминологических элементов.

В языковедении отмечается такой подход к изучению терминов как определение их словообразовательных моделей, где они классифицируются исходя из процесса серийного словообразования [3, с. 74]. В терминоведении на примере определённых областей деятельности человека разрабатываются принципы классификации терминов.

Для терминов языка критерий однозначности является весьма важным, так как принцип единства выражения и содержания является необходимым условием реализации их семиологической функ-

ции. Термин – это не просто знак, который указывает на определённый элемент в системе, но и является лексической единицей, функционирующей по законам естественного языка. Однако лингвисты констатируют нарушение закона знака терминами, то есть появление его неоднозначности. Отсюда весьма важным становится выявление реального семантического объёма терминов. Поэтому следует выделить такой подход, существующий в языкознании, как исследование терминов с позиции выяснения специфики языковой личности, особенно в сопоставительном аспекте на материале нескольких языков, использующих термины в своём речевом общении.

В лингвистике в конце XX века отмечается использование когнитивного подхода к рассмотрению терминов и терминосистем с целью выделения его когнитивной составляющей. Термин стал мыслиться как концепт, выступающий субстратом картины мира профессиональной языковой личности. Основным условием выделения термина из лексического массива является наличие у него дефиниций. Если, как указывает Е.Д. Малёнова, сопоставить механизм формирования картины мира с особенностями отражения её в терминологии предлагает выстроить такую логическую цепочку: *Мир – концептуальная картина мира – частная картина мира – впечатление – понятие – дефиниция – термин.*

В такой цепочке термин предстаёт знаковым репрезентантом фрагмента картины мира и представляет собой заключительный этап процесса познания. Проведённое ею исследование клинической и анатомической терминологии на материале английского языка показало большой процент терминов, которые несут печать личности исследователя. Эти термины зафиксированы в словарях, хотя образованы явно ассоциативным путём. Отсюда лингвист считает правомерным рассмотреть термины такого вида как форму отражения наивной картины мира профессиональной языковой личности. Такой подход помогает выявить систему связей форм и способов отражения наивной картины мира в терминологии и раскрыть когнитивную базу процесса терминотворчества [7, с. 284–288].

Совершенно новое направление, отмечаемое в современном языкознании – это исследование диахронического плана становления терминологических систем определённых отраслей знаний. Примером тому может служить исследование М.В. Овчинниковой

«Зарождение терминологии уголовного права в древнерусском периоде с учётом возникновения специальных родовых и видовых номинаций». Лингвист не обходит своим вниманием и процесс устойчивости использования заимствований из церковнославянского языка, западно-европейских языков. Приводится в качестве примеров подробный комментарий терминов – основных номинаций юриспруденции с обязательным указанием на учёт степени продуктивности иноязычных терминов в период становления норм русского литературного языка. В исследовании перечисляются главные тенденции переосмысления ресурсов церковнославянского языка, вытеснения старых терминов, стремления к устранению многозначности [9, с. 74].

Следовательно, в современном языковедении наших дней существует много перечисленных выше продуктивных подходов к изучению терминосистемы языка, убедительно демонстрирующих актуальность её исследования.

Список литературы

1. Алексеева М.Л. Вариативность в терминосистеме переводоведения (на примере термина реалия в немецком и русском языках) // Изменяющаяся Россия: новые парадигмы и новые решения в лингвистике: материалы I Международной научной конференции (Кемерово, 29-31 августа 2006). – Кемерово: Юнити, 2006. Ч. 1. – С. 237–241.
2. Анисимова А.Г., Шетле Т.В. Роль терминологии при обучении языку для специальных целей // Филологические науки. 2008. № 3. – С. 83–89.
3. Вашунин В.С. Субстантивные сложные слова в немецком языке. – М.: Высшая школа, 1990. – С. 67–98.
4. Глызина В.Е. О культурологическом аспекте иноязычных юридических терминов // Лингвистические парадигмы и лингводидактика: Материалы XII Международной научно-практической конференции, Иркутск, 13–15 июня 2007. – Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2007. – С. 307–312.
5. Калдыкозова С.Е., Нуржанова Д.К. Терминологическое значение как учебная единица в курсе русской научной речи // Языковые культурные контакты различных народов: Сборник статей междунар. науч. конф. – Пенза: Приволжский Дом знаний, 2009. – С. 81–84.
6. Кудрина Н.А. Конкуренция калькированных и транскрибированных форм в заимствованных терминах (на примере лингвистической терминологии) // Лингвистические парадигмы и лингводидактика: Материалы XII Международной научно-практической конференции. Иркутск: БГУЭП, 2007. – С. 346–350.

7. Малёнова Е.Д. Ассоциативный термин как высшая форма отражения наивной картины мира профессиональной языковой личности // Лингвистические парадигмы и лингводидактика: Материалы XII Международной научно-практической конференции. – Иркутск: БГУЭП, 2007. Ч.1. – С. 283–288.
8. Новикова Т.А. К вопросу о языковом значении и языковом смысле технического термина // Лингвистические парадигмы и лингводидактика: Материалы XII Международной научно-практической конференции. – Иркутск: БГУЭП, 2007. Ч.2. – С. 448–452.
9. Овчинникова М.В. Закономерности формирования терминологии уголовного права 18 века // Филологические науки. 2008. – № 5. – С. 70–78.
10. Реформатский А.А. Мысли о терминологии. – В кн.: Современные проблемы русской терминологии. – М., 1986. – С. 15–24.
11. Суперанская А.В. Терминология и номенклатура // Проблематика определений терминов в словарях разных типов. – Л., 1976. – С. 115–164.
12. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. – Л., 1974. – С. 31–34.
13. Википедия – свободная энциклопедия [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. (827 624 статьи). – URL: <http://ru.wikipedia.org> (дата обращения: 12.01.2012).

И. Ю. Павловская
I. Yu. Pavlovskaya

Средства звуковой аттракции в художественном аудиотексте

Means of sound attraction in audio literary texts

В статье рассматриваются теоретические вопросы фоносемантики. Проводится фоносемантический анализ произведений Д. Томаса «Под сенью Молочного леса» и Л. Уэббера и Т. Райса «Иисус Христос – суперзвезда», рассчитанных на аудиальное восприятие. Исследуются как сугубо лингвистические средства звуковой организации текста, так и музыкально-ритмические символы.

The paper deals with the theoretical basis of sound iconism. Works by D. Thomas – “Under Milk Wood” and L. Webber and T. Rice - “Jesus Christ – Superstar”, which are meant for auditive perception by the audience, are analyzed from the point of view of both linguistic means of sound attraction and symbols of musical intonation and rhythm.

Ключевые слова: фоносемантика, фоностилистика, аудиальное восприятие, оноματοпы, идеофоны, аллитерация, ассонанс, консонанс, редупликация, ритмический повтор.

Key words: sound iconism, phonetical stylistics, audio perception, onomatopoeia, ideophones, alliteration, assonance, consonance, reduplication, rhythmical repetition.

Вопрос о том, мотивирован ли языковой знак примарно, т. е. отражается ли в звуковой форме слова (в частности, корневой морфемы) его смысл, имеет такую же долгую историю, как и само языкознание. Отношение между звуком и значением ученые разных времен пытались установить часто, но не всегда успешно. Это породило мнение о том, что подобного рода исследования носят характер дилетантства. Однако это не убило интерес к фоносемантике. В определенных условиях прямая связь звука и смысла вполне доказуема. Во многом проблема снимается, если

перейти от уровня языковой системы к уровню речи, речевой деятельности, общению на языке. В коммуникации, где мы имеем ситуацию передачи информации путем ее кодирования и декодирования отправителем и получателем, элементы звукового кода, безусловно, будут иметь чувственное, помимо условного, воздействие на коммуникантов. Поэтому звуковая форма передаваемого сообщения имеет немаловажное значение.

Будучи присущей коммуникации вообще, фоносемантика особо проявляет себя в тех ситуациях, где есть установка на восприятие звуковой формы. В частности, к таким ситуациям можно отнести создание текстов, направленных на устное восприятие – фольклора, детских сказок, драматических произведений, поэзии, рекламных текстов, материалов, передаваемых в эфире или на аудионосителях. Последние, однако, редко попадают в поле зрения фоносемантиков.

В настоящей статье рассматривается проявление фоносемантики в драматическом произведении, предназначенном для передачи по радио (на примере аудио-пьесы Дилана Томаса «Под сенью молочного леса») и в музыкально-драматическом произведении (на материале известной рок-оперы Ллойда Уэббера и Тима Райса «Иисус Христос-суперзвезда»).

В теоретическом плане автор придерживается той точки зрения, что фоносемантический компонент в вербальном общении не имеет своего определенного носителя (фонемы, морфемы, фонестемы и т. п.). Весь текст в целом и определенная дистрибуция фонем в нем [1] может быть экспонентом «фонетического значения» [2]. При этом дистрибуция фонетических элементов в тексте может носить как хаотичный, так и упорядоченный характер. В литературоведении такой порядок принято называть инструментровкой или, фоностилистическими средствами [3], к которым относится аллитерация, ассонанс, консонанс, редупликация, ритмический повтор, паронимия. Эти элементы, вместе с лексическими категориями звукоизобразительных слов – звукоподражаниями и идеофонами (звуко-символическими словами) [4] и составляют фоносемантическую ткань текста.

Валлийский писатель Дилан Томас (1914–1953) часто выступал с публичным чтением своих произведений, по большей части стихов, зачастую еще до того, как они были опубликованы. В них он

дерзко экспериментирует с языком, использует игру слов, свойственную литературе Уэльса, что придает его текстам точность и необыкновенную красочность изложения.

Его пьеса «Under Milk Wood» имеет подзаголовок «пьеса для голосов». Это не случайно. Она выросла в самостоятельное произведение из эпизодов небольшой радиопередачи. Полностью пьеса прозвучала по Британскому радио лишь в 1954 году, уже после смерти автора. До этого он читал ее с большим успехом в США для небольших аудиторий. Строго говоря, это произведение трудно назвать пьесой в общем смысле. Это скорее этюд, пронизанное солнцем и весенним настроением описание родного поэту городка в Уэльсе. Это видение доброго мира простых людей, которым нравится обитать в крошечном городке, окруженном таинственным, но веселым, полным жизни Молочным лесом. Язык автора отличается лиризмом, искрящимся юмором, неким комическим оптимизмом. Поначалу кажется, что когезия текста нарушена, логики нет, властвует лишь чувственная стихия. Но по мере погружения в дискурс автора читателя теснее обступают образы, острее чувствуется присутствие самого поэта, слово приобретает волшебную притягательность, а текст – необъяснимое очарование.

Причина этого, как представляется, во многом определяется фоносемантическим компонентом текста. Анализ произведения показывает, что на 80 страницах текста насчитывается 309 примеров единиц фонетической организации текста – или фоносемантических аттракторов – отмеченных выше. Их распределение выглядит следующим образом: аллитераций – 148, ассонансов – 94, звукоподражательных слов – 70, ритмических повторов – 26, консонансов – 43, звуко-символизмов – 10, рифм – 8, редупликаций – 6.

Аллитерация традиционно занимает лидирующее положение в организации англоязычного текста. В анализируемом произведении обращают на себя внимание аллитерированные говорящие имена: Donkey Down, Butcher Benyons, Bessie Bighead (всего 20 примеров). Остальные примеры представляют собой частотные коллокации: women's welfare, high heels, come closer, bad boys. Повтор гласных также фонетически организует текст (98 примеров): green peas, with big pink lips, sent a letter. Консонансов (неначального повтора согласных) в тексте почти в 2 раза меньше – например: bad end;

crepon, muslin; fields, sands. Ритмические повторы составляют небольшую, но довольно заметную группу: he loves me, he loves me not; and never, never; boys, boys, boys. Редупликации с аблаутом и без него (rat-a-tat, pit-pat) и рифма:

*"We are not wholly bad or good
Who live our lives under Milk Wood,
And thou, I know, wilt be the first
To see our best side, not our worst..."*, -

самая немногочисленная, но весьма выразительная группа средств звуковой аттракции.

Из собственно звукоизобразительных слов первое место занимают акустические ономотопы – 54 примера: swash, splash, squeak, knock, crackle. Артикуляторных ономотопов (подражание физиологическим процессам, производимым речевым аппаратом человека) значительно меньше – 16 примеров: snore, whistle, whisper, sip, hiss, sniff, yawn, giggle. Звукосимволические средства немногочисленны, но важны с точки зрения элементарного (фонемного звукового символизма): "He brawls with broken bottles", "... her toes grow big and black as balloons". Билабиальная фонема /b/ в идеофонах bottles, balloons, наряду с огубленными гласными /o,u/, будучи подчеркнутой аллитерационным рядом, указывает на понятие «округлости».

В качестве другого примера проявления звукосимволизма в произведении, рассчитанном на аудиальное восприятие, может служить нашумевшая в свое время и популярная до сих пор рок-опера Ллойда Уэббера и Тима Райса «Jesus Christ- Superstar», написанная ими в 1971 году сначала в качестве номера для студенческого капустника, затем вышедшая в качестве двойного альбома, и лишь впоследствии поставленная на сцене и воплощенная в кинематографе режиссером Норманом Джюисом.

Несомненной заслугой Уэббера и Райса является то, что они демифологизировали образ Христа, придав ему черты нашего современника. На это работают язык оперы, представляющий собой сленг той эпохи, язык молодежной контркультуры, и великолепный музыкальный материал, в котором смешались самые различные стили и направления музыки XX века. Нельзя не добавить, что эта рок-опера выступила своего рода ликбезом для целого поколения в таком атеистическом обществе, как советское. Молодежь смогла,

хотя бы и в утрированном виде, познакомиться с основным сюжетом евангелической драмы.

Поскольку текст и музыка в жанре музыкально-драматического произведения представляют собой единое целое, целью анализа было не только обнаружить символическое значение звуков в тексте в фоносемантическом аспекте и их влияние на целостное восприятие и портретную характеристику персонажей, но и проследить проявления мелодического символизма на основе музыкальной ткани произведения.

Первая задача решается по методике статистического анализа на основе экспериментальных данных, полученных в поисках ответа на вопрос, насколько комплекс потенциально присущих звукам символических значений влияет на целостное восприятие художественного прозаического текста [5]. В эксперименте на восприятие структурного звуко-символизма материал оценивался информантами (носителями языка) по пятнадцати шкалам, составленным из пар семантически противоположных признаков. Каждый звук оценивался исходя из 3-х баллов, например, шкала «большой-маленький»: 1 – большой, 2 – никакой, 3 – маленький. Статистическая обработка полученных данных велась на базе основных положений математической лингвистики.

Исследование текстов арий ключевых персонажей оперы¹ проведено с точки зрения его звукового состава по формуле:

$$Q = \frac{m}{q} \times 100\% - p, \text{ где}$$

m – абсолютное содержание звука в тексте;

q – относительное содержание звука в тексте;

p – нормативная частота встречаемости звука в английской речи (%);

Q – отклонение от нормы.

Величина Q показывает степень выделенности данного звука по частоте. Положительное значение Q говорит о том, что звук встречается в тексте чаще, чем в обычной речи, отрицательное свидетельствует о необычно редком его употреблении в данном тексте.

---

¹ В статье использованы материалы дипломного сочинения Л.Ф. Пилипенко «Фоносемантический анализ рок-оперы «Иисус Христос – суперзвезда»», защищенной под руководством автора статьи на специальном филологическом факультете в 2008 г.

Вторая задача решается на основе музыковедческой теории Яворского [6] в отношении символики музыки И.С. Баха. Борис Яворский в своем письме С. Протопопову от 6 августа 1917 года показал ряд примеров различных музыкальных символов и прокомментировал их:

- «1. Равномерное движение нижнего голоса уподоблялось шаганию (четверть, 2 восьмые, 2 шестнадцатые);
2. Быстрые восходящие и нисходящие движения выражали полет ангелов, когда в рождественскую ночь пастухи увидели реющих с неба на землю и обратно ангелов в сиянии;
3. Короткие, быстрые, размашистые обрывающиеся фигуры изображали ликование;
4. Такие же, но не слишком быстрые фигуры – спокойное довольство;
5. Пунктирный ритм – бодрость, величие, торжество;
6. Триольный ритм – усталость, уныние;
7. Скачки вниз на большие интервалы – септимы, ноны – старческую немощь;
8. Хроматизм из 5–7 звуков – острую печаль, боль;
9. Спускающиеся движения по два звука – печаль, горе;
10. Трелеподобное движение – веселье, смех» [6, с. 81].

В Баховской системе Яворский находит также ряд других музыкальных символов:

Символ креста, распятия – опевание звука с использованием хроматизмов (в обращенном виде означает искупление через свершившуюся крестную муку);

Постижение воли Господней – восходящий и нисходящий тетрахорд;

Символ неминуемого свершения (восходящий и нисходящий секстаккорд);

Символ жертвенности (квартсекстаккорд, нередко с проходящим звуком);

Символ чаши (фигура *circulatio*);

Символ печали – падение на терцию;

Символ пребывания – перебор по звукам трезвучия.

Таким образом, по Яворскому, музыкальные символы имеют ясное смысловое (семантическое) значение. Их прочтение позволяет дешифровать нотный текст, наполнить его смысловой программой, соотнести с литературным текстом.

Ввиду того, что первоисточником как у Баха в «Страстях по Матфею» так и у Уэббера-Райса в «Иисусе Христе» является Евангелие от Матфея, мы можем провести и музыкологические параллели между символикой ритмов Баха и Уэббера.

Анализ фоносемантического компонента текста можно проиллюстрировать ариями двух центральных персонажей оперы – Иуды и Марии Магдалины.

Тема противостояния Иуды и Христа, сомнений Искарриота в его божественности и его чисто человеческой нежности к Иисусу заявлена уже в увертюре и первой арии произведения, которая представляет собой как бы внутренний монолог Иуды. Тот уже в начале оперы приходит к выводу: чтобы понять Иисуса, нужно отделить человека от мифа. «Я покончил со слепым преклонением перед тобой», – ведет мысленный спор с Иисусом Иуда. У него целый список претензий к учителю: Иисус, якобы, стал слишком серьезно верить в то, что говорят о нем, уверовал в свою божественность, оторвался от их вполне земного дела – борьбы за справедливость и поиска истины. Иуда вполне точно предрек своему оппоненту-наставнику: те, кто провозглашает тебя мессией, они же тебя и уничтожат. Тема общего дела – борьбы (в контексте шестидесятых, читай – революции) звучит в текстах обоих: у Иуды (как отход Иисуса) и у Христа (как вынужденный отказ ради выполнения божественной миссии). В дальнейшем к обвинениям Иуды в «аполитичности» Иисуса присоединяется его призыв к Христу возглавить антиримское восстание.

В арии Иуды для гласных величина отклонения от нормы Q максимальна для звука [u:] – $Q = 1,92$. С точки зрения элементарного звукового символизма, согласно сводной таблице символического восприятия звуков речи, звук [u:]: большой, темный, низкий, тусклый, тяжелый, простой, безрадостный, глубокий бесцветный, медленный, сильный, громкий, неприятный.

Для согласных величина отклонения от нормы Q максимальна для звуков [z] – $Q = 1,73$ и [s] – $Q = 1,36$. Согласные коррелируют между собой по 10 позициям и по 6 позициям с гласным: тусклый, сложный, бесцветный, медленный, громкий, неприятный.

Таким образом, можно заметить, что структура звукового оформления арии Иуды с точки зрения текста во многом совпадает с эмоционально-экспрессивной общепринятой «негативной» оценкой персонажа.

Распределение наиболее частотных фонем по тексту поддерживается звуковыми повторами – аллитерациями (Ал), ассонансами (А), консонансами (К), ритмическими повторами (РП), рифмой (Р).

My mind is clearer now (Ал)

at last all too well (К)

I can see

Where we all soon will be (К, Р, Ал)

If you strip away (А),

the myth from the man (Ал)

You will see

where we all soon will be (Ал, К, Р)

Jesus!

You've started to believe (Р)

The things they say of you

You really do believe

This talk of God is true

And all the good you've done (А)

will soon get swept away

You've begun to matter more (А)

than the things you say (Р)

Listen Jesus I don't like what I see (А)

All I ask is that you listen to me (Р)

And remember – I've been your

right hand man all along (А)

You have set them all on fire

They think they've found the new (А) Messian (Р)

And they'll hurt you when they (Ал., А)

Found they've wrong

I remember when this whole thing began

No talk of God then –

we called you a man (А, Р)

And believe me (Ал, А)

my admiration for You hasn't died

But every word you say today (Р)

Gets twisted round some other way (Р)

And they'll hurt you if they think

You've lied

Nazareth your famous son
 should have stayed a great unknown
 Like his father carving wood –
 he'd have made good (P)
 Tables chairs and oaken chests (Ал)
 Would have suited Jesus best (P)
 He'd have caused nobody harm –
 no-one alarm (P)
 Listen Jesus do you care for your race? (A)
 Don't you see we must keep in our place? (P)
 We are occupied - have you forgotten
 How put down we are?
 I am frightened by the crowd (A)
 For we are getting much too loud (P)
 And they'll crush us if we too far (A)
 If we go too far
 Listen Jesus to the warning I give (A)
 Please remember that I want us to live (P)
 But it's sad to see our chances
weakening with every hour (Ал)
 All your followers are blind
 Too much heaven on their minds
 It was beautiful but now it's sour
 Listen Jesus to the warning I give (A)
 Please remember that I want us to live (P)
 So come on, come on (РП)
 He won't listen to me ...

Рассмотрим эту же арию с точки зрения интонационно-ритмического символизма, используя баховские символы (по Б. Яворскому).

Главная идея арии Иуды – передать настроение беспокойства, неуверенности, страха, временности, внутреннего конфликта.

Используемые музыкально-ритмические средства:

1 часть, вступительная:

- звукоизобразительность (то же, что и элемент фоносемантических средств в тексте) – ритмическая фигура такта, имитирующая «стук в дверь» – «провал» четвертой доли такта за счет синкопы (пунктир, залигованные шестнадцатые). Эта ритмическая фигура

звучит как бас-остинато на протяжении всей 1-й части арии, передавая настроение нарастающей нервозности, скрытое опевание тонического звука после скачка на октаву (по Яворскому – символ креста, распятия);

- Мелодический рисунок соло – поступенные низходящие интонации в 1-ом предложении и поступенное восходящее движение во втором (по Яворскому – печаль, горе).

2 часть, основная:

- речитативность, преобладание ровных мелких длительностей, интонации и ритмический рисунок «увещевания», появление триолей – смена «тактики». Нисходящие терции – по Яворскому символ печали. В момент, когда Иуда говорит, как хорошо было бы для Иисуса жить тихо и спокойно, плотничать, как его отец и никого не беспокоить, ритмический размер меняется – становится чуть ли не танцевальным – 7/8, меняется лад – мажор вместо минора, словно рисуется картина безмятежной и счастливой жизни.

Есть тут и символ жертвенности – квартсектаккорд с проходящим звуком.

Второй линией не божественного, а человеческого восприятия Иисуса в опере является лирическая тема, олицетворяемая Марией Магдалиной. Для нее Христос – не Бог, а человек уже по определению, и любит она его не как апостолы, требующие от того истины в последней инстанции, а как женщина – преданно и беззаветно. Она успокаивает и излечивает Иисуса после изматывающего для него общения с калеками и увечными, пресекает наскоки Иуды, укоряет Петра и организует апостолов после ареста учителя. Ария Марии «Я не знаю, как мне любить его» – это не только лучшее с музыкальной точки зрения произведение в опере, но и апофеоз темы «Иисус-человек». И в этом хочет убедить себя Мария, когда Иисус засыпает у нее на коленях: он человек, он всего лишь человек – твердит она себе. Лирический образ Магдалины – это одно из лучших решений любовной темы в мировой музыке и самое трогательное – в рок-музыке.

В арии Марии Магдалины для гласных величина отклонения от нормы Q максимальна для звука: [ai] = 2,55. Для согласных величина отклонения от нормы Q максимальна для звуков [m] – Q = 1,91 и [h] – Q = 1,83. Согласные коррелируют между собой по параметрам: маленький, светлый, плавный, несложный, бесцветный, медленный, мяг-

кий, добрый, с гласным – по параметрам светлый, мелкий, медленный, добрый. Эти характеристики коррелируют с общепринятой условно «положительной» оценкой данного персонажа.

С точки зрения ритмического рисунка преобладают ровные длительности, очень небольшое содержание пунктирного ритма, нет синкоп.

Мелодический рисунок в первой и третьей части арии насыщен нисходящими тетра хордами – по Яворскому символизирующими Постыжение воли Господней. Во второй части – восходящая секвенция – символ вопроса, нарастающего беспокойства, неопределенности:

Should I bring him down

Should I scream and shout

Should I speak of love

Let my feelings out

И кульминация:

I never thought I'd come to this

What's it all about

Авторская ремарка *Slowly, tenderly and very expressively* (медленно, нежно и очень выразительно) уже предполагает некую характеристику персонажа, которая раскрывается с помощью как фонетического состава текста арии, так и ритмического и интонационного рисунка.

Фоносемантические средства, используемые в арии Марии Магдалины: аллитерация (7), ассонанс (8), рифма (6), аллитерация + консонанс (1).

Таким образом, мы показали, что в произведениях, рассчитанных на аудиальное восприятие, средства звуковой аттракции – фоносемантические лексические единицы (ономатопы и идеофоны), фонетическая организация текста (частотное распределение фонем) и средства фоностилистики (аллитерация, ассонанс, консонанс, редупликация, ритмический повтор) имеют особое значение.

Список литературы

1. Шамина Е. А. Фонема и фонетическое значение // Проблемы и методы экспериментально-фонетических исследований. – СПб., 2002. – С. 99–102.
2. Журавлев А.П. Фонетическое значение. – Л., 1974. – 154 с.
3. Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык. – М., 2006, 384 с.
4. Воронин С.В. Основы фоносемантики. – М., 1982, 244 с.
5. Павловская И.Ю. Фоносемантический анализ речи. – СПб., 2004, 291 с.
6. Яворский Б.Л. Статьи, воспоминания, переписка. – М., 1972, 814 с.

Понятие и причины возникновения коммуникативных неудач
The concept and causes of communication failures

В статье дается определение понятия «коммуникативная неудача», а также анализируются различные причины возникновения непонимания, недоразумения и сбоев в общении, обусловленные, как внешними, экстралингвистическими факторами, так и собственно языковыми.

The paper defines the concept of "communicative failure" and analyses various causes of misunderstanding and failures in communication, caused by external, extra-linguistic and actually linguistic factors.

Ключевые слова: коммуникация, культурный феномен, межкультурные конфликты, успешность / неуспешность коммуникации, коммуникативная неудача.

Key words: communication, cultural phenomenon, cross-cultural conflicts, success / failure of communication, communication failure.

Коммуникация способствует выявлению различий в понимании, которые связаны с существованием специфических для каждой культуры способов кодирования культурных феноменов. Структура представлений об одном и том же явлении может разительно не совпадать у разных культурных сообществ. Даже при наличии сходного опыта одни и те же факты могут восприниматься и оцениваться по-разному, что еще раз подтверждает мысль Фуко о существовании основополагающих кодов культуры, которые управляют языком и схемами восприятия культурных феноменов [19].

Характерно, что представители разных культурно-языковых сообществ не всегда осознают несовпадение в структуре восприятия феноменов культуры, но различия в оценке обнаруживаются сразу и могут явиться источником коммуникативных неудач и межкультур-

ных конфликтов [3, с. 5]. «Успешность речевого общения – это осуществление коммуникативной цели инициатора (инициаторов) общения и достижение собеседниками согласия» [13, с. 59]. Учеными был разработан ряд принципов, соблюдение которых гипотетически ведет к достижению успешной коммуникации. Среди них: принцип релевантности Д. Шпербера и Д. Уилсона [20], принцип вежливости Р. Лакоффа [11], принцип кооперации Г. Грайса [7].

Е.М. Лазуткина выделяет следующие условия удачной коммуникации:

1. Коммуникативная заинтересованность.
2. Настроенность на мир собеседника, близость мировосприятия говорящего и слушающего. Среди речевых форм правильной настроенности на мир слушающего автор называет интонацию, тембр голоса, темп речи, повторы, особые средства выражения отношения говорящего к предмету речи (эпитеты, оценочные наречия, вводные слова и предложения), паузы, молчание и т. п.
3. Главное условие успешной коммуникации, по мнению автора, – это умение слушателя проникнуть в коммуникативный замысел говорящего. В связи с этим слушатель проделывает огромную работу по интерпретации речевого потока и *«реконструкции замысла говорящего, по переосмыслению ранее сказанного и понятого»* [13, с. 62].
4. Способность говорящего варьировать способ языкового представления того или иного реального события. Говорящий строит свою речь с ориентацией на мир знаний адресата, приспособляя форму подачи информации к возможностям ее интерпретации.
5. Благоприятные внешние обстоятельства, такие как канал общения, настроение, эмоциональный настрой, физиологическое состояние тоже очень важны. «Разговор «творят» речевые отрезки (реплики), паузы, темп, жесты, мимика, взгляды, позы, разговор развивается во времени, и каждая последующая реплика «наслаивается» на все сказанное ранее, взаимодействует с ним, и результат этого взаимодействия непредсказуем. Атмосфера диалога становится не менее существенной, чем его содержание» [там же: 63].
6. Знание коммуникантами норм этикетного речевого общения.
7. Соответствие планов и схем речевого поведения собеседников. Существуют строгие правила ведения диалога, так как каждая

реплика разговора предопределяет последующую и обуславливает течение разговора.

По утверждению Е.М. Лазуткиной, «успешность речевого общения зависит от желания участников в форме диалога выразить свои мнения, желания, просьбы, сообщить что-либо и т.д.; от умения определить все личностные особенности коммуникантов, организовать в соответствии с этим свои реплики, содержащие информацию по определенному вопросу, выражающие мнение, побуждение к действию или вопрос в оптимальной при данных обстоятельствах форме, на достойном собеседников интеллектуальном уровне, в интересном ракурсе» [13, с. 74].

Такая классификация подтверждает положение о важности прагматических компонентов, в том числе эмоционального состояния участников общения. Можно предположить, что эмоциональное состояние является первостепенным и определяющим по отношению к другим условиям удачной коммуникации, так как речь и коммуникация как следствие являются выражением внутреннего состояния человека в определенный момент и именно оно определяет, что и как участник коммуникации будет говорить и воспринимать. В связи с этим можно сказать, что эмоциональное состояние является важнейшим фактором, влияющим на успешность/неуспешность коммуникации.

Неуспешную коммуникацию принято называть «*коммуникативной неудачей*». При рассмотрении феномена коммуникативной неудачи мы исходим из того, что участники речевого общения, вступая в диалог, расположены к выполнению принципов организации коммуникации, однако в конкретной коммуникативной ситуации в силу объективных или субъективных причин коммуниканты эти принципы нарушают.

Коммуникативной неудачей называют полное или частичное непонимание высказывания партнером коммуникации, такой «*сбой*» в *общении, при котором определенные речевые произведения не выполняют своего предназначения, а их элементы не реализуются как инструкции по преобразованию окружения*» [1, с. 53].

Существуют различные подходы к феномену «*коммуникативной неудачи*». Разными исследователями предлагаются различные дефиниции и классификации в зависимости от причин возникнове-

ния коммуникативной неудачи, силы и длительности производимого эффекта.

Б.Ю. Городецкий дает следующее определение: *«сбой в общении, при котором определенные речевые произведения не выполняют своего предназначения, т.е. имеет место неосуществление или неполное осуществление коммуникативных намерений говорящего»* [6, с. 69]. Автор отмечает, что при изучении данного феномена необходимо учитывать такие критерии, как источники и последствия коммуникативных неудач. Классифицируя коммуникативные неудачи по источникам, он выделяет коммуникативные неудачи, причиной которых является сам коммуникант, и коммуникативные неудачи, вызванные обстоятельствами коммуникативного акта [6]. Автор разделяет коммуникативные неудачи на глобальные и частичные. Глобальной коммуникативной неудачей называется тот случай, когда коммуникативная деятельность не реализуется, определенная стратегическая цель не достигается. Частичная коммуникативная неудача – это задержка, временный сбой в коммуникативном процессе.

О.Н. Ермакова, Е.А. Земская понимают под коммуникативными неудачами неосуществление или неполное осуществление коммуникативного намерения говорящего, обусловленное различными причинами. Исследователи выделяют три типа коммуникативных неудач с точки зрения причин их возникновения: коммуникативные неудачи, порождаемые устройством языка; коммуникативные неудачи, порождаемые различиями говорящих; коммуникативные неудачи, порождаемые прагматическими факторами [8]. В связи с этим уместно отметить, что недоразумение и сбой в общении могут быть обусловлены самыми разными причинами, как экстралингвистическими, так и языковыми. Например, к коммуникативным неудачам приводят и различия в картинах мира, сформированные разными культурами, и социальное «неравноправие» коммуникантов и прочие факторы [19].

В своем диссертационном исследовании Е.К. Теплякова изучает коммуникативные неудачи, возникающие при реализации речевых актов побуждения. По мнению автора, появление коммуникативных неудач определяют такие факторы как адресант и адресат речи, в то время как внешние факторы редко являются причиной коммуни-

кативной неудачи. При этом автор выдвигает мнение о том, что *коммуникативные неудачи* могут быть «запланированными» (спровоцированное возникновение коммуникативной неудачи) и «незапланированными» (*коммуникативные неудачи, непреднамеренно возникшие под влиянием языковых или экстралингвистических факторов*) [16]. Однако такое разделение представляется не совсем верным, так как, исходя из приведенных определений, в широком смысле коммуникативная неудача – это недостижение поставленной коммуникативной цели. *Однако желание спровоцировать коммуникативную неудачу – это тоже коммуникативная цель, определяющая речевое поведение коммуниканта.* В этом случае возникновение коммуникативной неудачи – это как раз реализация коммуникативной интенции, коммуникативный успех. В защиту данного положения можно привести мнение Н.К. Къневы, согласно которому *коммуникативной неудачей* могут считаться только те случаи, которые происходят непреднамеренно и воспринимаются как проблема одним или более участником коммуникативного общения. Автор выделяет частные и глобальные коммуникативные неудачи, а также подразделяет *коммуникативные неудачи на вызванные нарушением правил организации речевого взаимодействия, организации дискурса, организации информационного обмена, учета статусных ролей* [10].

С.И. Виноградов выделяет следующие неблагоприятные факторы, приводящие к коммуникативной неудаче: *чуждая коммуникативная среда; ритуализирование живого речевого общения; нарушение правила кооперации, солидарности, релевантности; неоправданные коммуникативные ожидания слушателя.* Также, по мнению автора, к непониманию может привести различие схем поведения участников диалога, что находит отражение в несвязности частей диалога, в нереализованной коммуникативной валентности реплик, неоправданных паузах [4]. Как будет показано далее в данной работе, такими особенностями обладает речь в состоянии эмоциональной напряженности.

Т.Н. Воронина в качестве факторов, чаще всего способствующих возникновению коммуникативной неудачи отмечает отрицательное психологическое состояние собеседников. Однако автор не исключает и того, что такие чувства, как радость, восхищение,

состояние эйфории, также могут вызвать коммуникативную неудачу. В связи с этим необходимо отметить, что как отрицательное психологическое состояние собеседников, так и положительное являются состояниями, которым сопутствует эмоциональная напряженность. Появлению коммуникативной неудачи также способствуют неподготовленность, спонтанность речи, ее эмоциональность, частая импульсивность общения [5, с. 20]. Последние два фактора являются сопутствующими эмоциональной напряженности разных уровней.

Интересна предложенная Е.М. Мартыновой дифференциация понятий «*коммуникативный дискомфорт*», «*коммуникативная неудача*» и «*коммуникативный конфликт*». Автор определяет успешную коммуникацию как совпадение ожидаемого и действительного эффектов речевого высказывания; если же говорящий не достигает ожидаемого эффекта, то имеет место коммуникативная неудача или коммуникативный дискомфорт. Коммуникативным дискомфортом здесь называется «особое негативное интенциональное состояние, возникающее в рамках неуспешной или квазиуспешной коммуникации» [12, с. 6], неотъемлемым условием которого является «наличие в речевом обмене показателей, которые сигнализируют о том, что коммуникант испытывает определенное неудобство в связи с тем, что стратегия его коммуникативного поведения или коммуникативного поведения собеседника не соответствует его намерениям и/или ожиданиям» [15, с. 10]. В рамках этой классификации выделяется коммуникативный дискомфорт, обусловленный личностными особенностями коммуникантов; коммуникативный дискомфорт, обусловленный обстоятельствами общения; коммуникативный дискомфорт вербализации и понимания; коммуникативный дискомфорт, вызванный трудностями достижения коммуникативной цели и практической цели, и коммуникативный дискомфорт, связанный с нарушением принципа Коммуникативной контактности [12]. Коммуникативный конфликт определяется как «*явление диалогической ситуации, в которой коммуниканты сознательно идут на конфликт, т.е. столкновение мнений о приемлемости той или иной стратегической линии в развитии диалога*» [15, с. 10]. *Коммуникативная неудача* же, согласно Е.М. Мартыновой, – это положение вещей, при котором коммуниканты не могут реализовать свои намерения или коммуникативные ожидания.

Как отмечает В.В. Бахтин, разговорная речь отличается диалогизмом, а во всяком живом диалоге слово установлено прежде всего на *ответное понимание*, причем понимание активное. Говорящий стремится ориентировать свое слово со своим определяющим его кругозором в чужом кругозоре и вступает в диалогические отношения с моментами этого кругозора. Говорящий пробивается в чужой кругозор слушателя, строит свое высказывание на чужой территории, на его, слушателя, апперцептивном фоне [2, с. 93–95].

Любая диалогическая реплика может быть охарактеризована, прежде всего, как событие, ограниченное факторами говорящего и слушающего. Она есть проявление двусторонней эгоцентричности: адресант учитывает фактор адресата, а последний, в свою очередь, принимает во внимание особенности речевой манеры исполнения первого, проявляя активность или пассивность в поддержании речевого контакта. Подобная коммуникативная ситуация предстает как идеальный вариант протекания коммуникации [1, с. 53]. Однако такие идеальные ситуации, особенно при межнациональном общении, встречаются редко. Это объясняется наличием культурных и языковых барьеров.

Очевидно, что культурный и языковой барьеры тесно взаимосвязаны и находятся в непрерывном взаимодействии. Культурный барьер, обусловленный разницей культур, по мнению С.Г. Тер-Минасовой, опаснее языкового, изначально ясного и очевидного, потому что он скрыт завесой уверенности, что своя культура – единственно возможная, правильная и нормативная (просто – «нормальная») [17, с. 66]. Осознание этого препятствия в общении людей приходит в момент столкновения или конфликта «своей» и «чужой» культуры.

Культурные ошибки, сопровождающие и провоцирующие конфликт культур, воспринимаются гораздо болезненнее и вызывают более негативную реакцию, чем ошибки языковые, которые прощаются, главным образом, иностранцам.

Культурный барьер, таким образом, опаснее и труднее языкового, потому что он не осознаваем до момента столкновения, конфликта, войны культур, и нарушение культурных норм воспринимается гораздо более болезненно, чем языковые промахи. Самое худшее, к чему могут привести ошибки в речи, – это насмешки

и снижение репутации человека, ошибки же культурного поведения могут вызвать этнические конфликты, насилие, кровопролитие [там же, с. 92].

Понимание в диалоге, с одной стороны, основано на постоянном учете дистанции между участниками коммуникации, с другой стороны, понимание невозможно и без «согласия» психического состояния коммуникантов. Интерпретация феноменов другой культуры всегда представляет собой осознанную или неосознанную попытку преодолеть дистанцию между двумя культурами. Главной причиной непонимания в межкультурной коммуникации является не различие языковых систем, а различие национальных сознаний субъектов [9, с. 11].

Непонимание, недоразумение и сбой в общении могут быть обусловлены самыми разными причинами, как внешними, *экстралингвистическими, так и собственно языковыми*. Например, к коммуникативным неудачам приводят и различия в картинах мира, сформированные разными национальными культурами, и разные ментальные модели фрагментов действительности и социальное «неравноправие» коммуникантов, и нарушения условий места и времени коммуникации [14, с. 118].

Типология коммуникативных неудач (КН) в диалогическом общении строится по следующим параметрам:

1. Типы КН по их последствиям (явная – скрытая).
2. Типы КН по источникам (в аспекте вербализации);
3. КН, связанные с коммуникативной ситуацией;
4. КН, связанные со структурой коммуникативного текста;
5. КН, в которых не повинен говорящий [1, с. 53–54].

Очевидно, что основными источниками КН при диалоговом взаимодействии предстают как различия в языковой компетенции партнеров: неодинаковый характер намерений и тактических приемов их реализации у говорящего и способности их адекватной интерпретации слушающим, так и различия во внеязыковой компетенции общающихся: несовпадения в их системах этических и эстетических ценностей.

При многомерном подходе к классификации коммуникативных неудач следует учесть такие важные критерии, как последствия коммуникативных неудач и источники коммуникативных неудач.

Классифицируя коммуникативные неудачи по источникам, исследователи выделяют коммуникативные неудачи, причиной которых является сам коммуникант, и коммуникативные неудачи, вызванные обстоятельствами коммуникативного акта [6, с. 67–72].

Поскольку в настоящем исследовании мы сосредотачиваемся на коммуникативных сбоях в политическом дискурсе, то для нас более приемлемо *определение*, подтверждающее важность учета прагматических компонентов, культурного барьера, эмоционального настроения, а также намеренного вуалирования истинного положения вещей. Поэтому под коммуникативной неудачей в работе понимается *«такой сбой в общении, при котором определенные фрагменты дискурса не выполняют своего предназначения в силу несовпадения ожидаемого и действительного эффекта речевого высказывания, причинами которого оказываются речевые явления, порождаемые прагматическими факторами, различиями говорящих в их культурном и психологическом отношении к действительности, эмоциональными особенностями индивидуума и сокрытием реального положения вещей при использовании эвфемизмов»*.

Вслед за И.А. Садыковой мы выделяем три типа коммуникативных неудач с точки зрения их причин:

- 1) коммуникативные неудачи, порождаемые устройством языка;
- 2) коммуникативные неудачи, порождаемые различиями говорящих;
- 3) коммуникативные неудачи, порождаемые прагматическими факторами.

Для настоящего исследования последняя классификация представляется наиболее актуальной.

Список литературы

1. Агапова С.Г. Основы межличностной и межкультурной коммуникации. – Ростов н/Д: Феникс, 2004. – 282 с.
2. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. – М.: Художественная литература, 1975. – 502 с.
3. Богданова Л.И. Понимание как оценочный акт в межкультурной коммуникации // Понимание в коммуникации: тезисы докладов Междунар. науч. конф. (28 февраля – 1 марта 2005 г.). – М., 2005. – С. 5–6.

4. Виноградов С.И. Культура русской речи. – М.: Издательская группа НОРМА-ИНФРА, 2006. – 549 с.
5. Воронина Т.Н. Причины коммуникативных неудач // Вузовская наука – Северо-Кавказскому региону: материалы VII регион. науч.-техн. конф. – Ставрополь: Сев.-Кавказ. гос. техн. ун-т, 2003. – С. 15–23.
6. Городецкий Б.Ю. К типологии коммуникативных неудач // Диалоговое взаимодействие и представление знаний: сб. ст. – Новосибирск, 1985. – С. 4, 64–78.
7. Грайс Г.П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1985. – Вып. 16. – С. 220–234.
8. Ермакова О.Н., Земская Е.А. К построению типологии коммуникативных неудач // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. – М., 1993.
9. Кабакчи В.В. Практика англоязычной межкультурной коммуникации. – СПб.: Союз, 2004. – 475 с.
10. Кънева Н.К. Интегральный подход к проблеме коммуникативных неудач: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тверь, 1999. – 19 с.
11. Лакофф Р. (Lakoff R.) Logic or Politeness: or minding your P's and Q's // Papers from the ninth Regional Meeting, Chicago Linguistic Society. –1973. – P. 292–305.
12. Мартынова Е.А. Типология явлений коммуникативного дискомфорта в ситуациях диалога: дис. на соис. учен. степени канд. филол. наук. – Орел, 2000. – 192 с.
13. Лазуткина Е.М. Коммуникативные цели, речевые стратегии, тактики и приемы // Культура русской речи: учебник для вузов. – М., 1998. – С. 50–79.
14. Садыкова И.А. Корректирующие высказывания как способ передачи коммуникативного опыта // Русская и сопоставительная филология: Исследования молодых ученых. – Казань: Казан. гос. ун-т им. В.И. Ульянова-Ленина, 2004. – С. 114–123.
15. Смирнова М.Н. Коммуникативные неудачи в неофициальном диалоге (на материале английского языка): дис. на соис. учен. степени канд. филол. наук. – М., 2003. – 165 с.
16. Теплякова Е.К. Коммуникативные неудачи при реализации речевых актов побуждения в диалогическом дискурсе (на материале современного немецкого языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тамбов, 1998. – 17 с.
17. Тер-Минасова С.Г. Война и мир языков и культур. – М.: АСТ, 2007. – 286 с.
18. Формановская Н.И. Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения. – М., 1998. – 291 с.
19. Фуко М. Археология знания. – Киев: Ника-Центр, 1996. – 206 с.
20. Шпербер Д., Уилсон Д. Релевантность // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 23: Когнитивные аспекты языка. – М., 1988. – С. 212–233.

**Механизмы развития значения
существительных синкретических форм**

Mechanisms of semantic shift in the nouns of syncretic forms

В статье рассматриваются семантические механизмы обеспечивающие развитие значения в синкретических формах существительных. Автор приводит обоснование выявленным механизмам развития значения по сходству и по функции. Новые значения возникают в результате в результате сенсорного и логического взаимодействия человека с окружающей его действительностью.

The article is devoted to the problem of semantic change also known as semantic shift. It describes the mechanisms which act in the process of change in the meanings of words. The two mechanisms that change a meaning of a word have been identified: the mechanism of similarity and the mechanism of function.

Ключевые слова: семантические механизмы, синкретические формы, развитие значения.

Key words: semantic mechanisms, syncretic forms, semantic change.

Вопрос о том, как происходят изменения значения слова, какие механизмы задействованы в процессе возникновения нового значения поднимались неоднократно в лингвистике такими учеными, как Е.Л. Боярская, М.В. Никитин, М.А. Стернина, М.Г. Шкуропацкая. В зависимости от поставленных целей авторы рассматривали процессы изменения значения в различных грамматических классах, с различных точек зрения на содержательную составляющую эволюционных процессов.

В работах М.В. Никитина речь идет о семантических механизмах конверсии, явлении, рассматриваемом с точки зрения словообразовательного средства. Ученый ставит вопрос о моделировании семантических отношений конверсионных дериватора и деривата,

об упорядоченности и прогнозируемости их семантических отношений. С точки зрения М.В. Никитина, семантика конверсионного деривата имеет не жесткую модель, и наибольшая семантическая свобода наблюдается в моделях с вектором V – N (глагол-существительное) и Adj – N (прилагательное – существительное), наименьшая – в моделях Adj – V (прилагательное – глагол), N1 – N2 (существительное – существительное), что предполагает предсказуемость значения конверсионного деривата. Предложенные ученым базовые модели семантических изменений включают четыре типа: 1) орудийно-средственная модель основывается на функции класса (вещей) – wall – стена / обнести стеной; 2) поведенческая, основывается на конститутивном характере действия денотата (cook – повар/готовить пищу), 3) метаморфная (hook – крючок/скрючиться, crowd – толпа/толпиться), 4) результативно-следственная: выполнение действия, обозначаемого конверсионным глаголом, имеет следствие или результатом наличие D (N) у субъекта этого действия (действовать так, чтобы имелось «She dressed quickly – she had a dress on»). В основу каждой модели был положен прототипический образ, который обобщает обширный класс явлений. Разрабатывая модели семантических изменений в конверсных парах, М.В. Никитин стремился определить направление, в котором возникает значение производного слова, и сделал вывод о размытости семантических структур, что не дает надежной опоры для направления деривации [6, с. 455–462].

В работах М.Г. Шкуропацкой механизмы семантической деривации строятся на двух типах содержательных связей между любыми видами дериватов – импликационных и классификационных [11]. Эти два универсальных способа организации концептуальных структур сознания были определены М.В. Никитиным, который признавал за импликационными связями когнитивный аналог реальных связей сущностей объективного мира. Классификационные связи – это мыслительный аналог распределения признаков в вещах и явлениях, поэтому они отражают не какую-то реальную связь, а общность присущих им признаков [6, с. 225–227].

М. Г. Шкуропацкая разделяет два типа механизмов семантической деривации – гипергипонимический и метафорический. В основе механизмов лежат семантические отношения, которые строятся на

принципе подобия и ориентированы на выражение парадигматических отношений. В основе этих отношений находятся связи значений по общности – различию содержащихся в них признаков. По мнению М.Г. Шкуропацкой, весь объем лексического значения образует базу для развития значения. Интенциональная сфера значения является базой для развития значений по линии гипергипонимических и метонимических связей, импликациональная сфера, принципиально открытая сфера семантики слова, позволяет ему реализовать свои потенции по линии подобия (метафора) [11, с. 296–298].

Исследованию когнитивных механизмов, лежащих в основе порождения и развития новых значений, посвящена работа Боярской Е.Б. [2]. Автор использует процедуру анализа полисеманта на основе понятий *QUALIA структуры и процедуры наследования*, предложенной Дж. Пустейовским. Полисемант представляет сложную структуру – трехуровневый макрофрейм, состоящий из фреймов и подфреймов. Когнитивная структура новых значений существительных представлена набором четырех типов подфреймов: конститутивного, формального, целевого и прагматического. Каждый из подфреймов содержит определенную информацию, которая наследуется и влияет на процесс формирования и развития новых значений. Информация конститутивного подфрейма отражает отношения часть-целое, включает данные о величине, форме, качественных характеристиках, цвете, весе и т. п., т. е. информацию, получаемую сенсорно, а также получаемую в результате подсознательных мыслительных операций, направленных на обобщение и анализ полученного опыта. Содержание формального подфрейма зависит от информации предыдущего, так как вывод о категориальной принадлежности понятия делается на основании анализа совокупности признаков, предлагаемых в конститутивном подфрейме. Два типа концептуальной информации: данные о возможных действиях объекта и о возможных действиях над ним или с его помощью входят в целевой подфрейм. Прагматический подфрейм хранит данные о внешней и внутренней прагматике слова, контекстах его употребления и ограничений на употребление. Для анализа образования новых значений были определены области-доноры, послужившие реципиентами при образовании нового

значения. Процессы инференции и наследования рассматриваются на различном концептуальном уровне: на уровне макрофрейма, между фреймами и на уровне подфреймов. Механизм возникновения нового значения заключается в наследовании концептуальной информации из различных подфреймов областью-реципиентом [2, с. 193, 178].

Все упомянутые исследования вносят свой вклад в решение вопроса о механизмах возникновения дополнительного, производного значения. В работах Л.Е. Боярской анализируются новые значения многозначных существительных, появившиеся в английском языке в период с 1963 по 1998 годы. Таким образом, объем исследования составил ограниченное число лексического состава. Исследования М.Г. Шкуропацкой выявили системность деривационных процессов с точки зрения инновационного содержания в дериватах, образованных семантическим способом. Наиболее значимой для настоящей диссертации является работа М.В. Никитина по изучению эволюционных процессов в семантике конверсивов. Механизмы семантических связей слов, одинаковых по форме, но представляющих разные грамматические классы, рассматриваются автором с точки зрения словообразовательной деривации, дающей разные слова, каждое со своей семантической структурой и грамматической парадигмой.

В работе М.А. Стерниной слова, принадлежащие к различным грамматическим классам, но имеющие одинаковую форму рассматриваются в рамках лексико-грамматической полисемии. Для настоящего исследования важным является утверждение автора о том, что решающими условиями для сохранения тождества слова являются общность материальной формы в плане выражения и наличие отношений семантической производности между семемами в плане содержания. Поскольку сама полисемия основана на наличии единой лексемы и семантической производности, то оба эти критерии соблюдаются в случае лексико-грамматической полисемии. Автор рассматривает взаимоотношения лексико-грамматической полисемии и лексико-грамматической вариантности, определяя следующие различия. В лексико-грамматической вариантности одному набору лексических сем соответствуют две и более лексико-грамматические семы, находящиеся в отношениях дополнительной

дистрибуции и реализующиеся в зависимости от контекста. При лексико-грамматической полисемии слова каждому набору лексических сем соответствует отдельная лексико-грамматическая сема [9, с. 12, 14].

В настоящей статье речь идет о развитии значения в существительных синкретических форм, т.е. таких, которые имеют одинаковую форму, но относятся к различным грамматическим категориям, например, **coat** – *пальто / покрывать*, **shore** – *берег/сходить на берег*. Механизм развития значения существительных в синкретических формах имеет свои основания и представляет совокупность мыслительных операций. Само понятие механизм связано с техникой и обозначает устройство, приводящее в действие. В ходе исследования синкретических форм были определены механизмы, приводящие к возникновению нового значения: механизм развития по сходству и механизм развития по функции. Оба механизма, на наш взгляд, являются универсальными, что подтвердилось большим материалом выборки. Такой фактор как сходство, будь то предметов или явлений, наблюдается часто не потому, что так много одинаковых вещей, а в связи с тем, что они могут совпадать частично по каким-либо отдельным параметрам, и такой параметр дает возможность сравнивать и находить общее, а значит давать развитие по сходству. Все, что мы воспринимаем зрительно, дает нам возможность сравнивать, находить аналогии, соизмерять, примерять на другие предметы, факты, явления. Далее приводятся примеры существительных, в которых развитие значения происходит в соответствии с механизмом по сходству: **crane** – *журавль, подъемный кран*, **fleece** – *овечья шерсть, «барашки», перистокучевые облака, густо падающий снег, густая копна волос, начёс, ворс*, **goose** – *гусь, портновский утюг*, **hook** – *крюк, секач, серп, закорючка (при обучении письму), хук (короткий боковой удар в боксе), шип, излучина (реки)*, **horse** – *лошадь, рама, козлы*, **top** – *швабра, копна волос, космы*, **nail** – *ноготь, гвоздь, шпилька, сигарета «гвоздик»*, **paste** – *тесто, паста, мастика, паштет, сл. мозги*, **scallop** – *гребешок, патиссон*, **shrimp** – *креветка, морщинистый человек*, **tar** – *смола, негритянское происхождение*. Зрительно воспринимаемые параметры включают в себя форму, величину, цвет, движение.

Механизм развития по функции – второй по значимости в развитии значений, область его применения связана с действиями, которые выполняют предметы или объекты, а также субъекты и их свойства. Выявленные механизмы участвуют и в образовании переносного значения. Функция любого предмета есть та работа, которая им выполняется, либо реализуемые свойства: **churn** – *маслобойка, мешалка, сильная тряска* (функция «трясти»), **comb** – *расческа, гребень, скребница* (функция «чесать»), **crutch** – *костыль, поддержка, опора* (функция «не дать упасть»), **fan** – *веер, опахало, вентилятор, фен, сушилка для волос* (функция «создавать движение воздуха»), **file** – *напильник, слесарная пила, пилочка для ногтей, шлифовка* (функция «стачивать»), **harness** – *упряжь, сбруя, вожжи, поводок (для ребёнка), ремни безопасности (в автомобиле), снаряжение, спорт. мягкое крепление, мор. рангоут и такелаж* (функция «сдерживать»), **key** – *ключ, гаечный ключ, ключ, кнопка, рычажный переключатель, ключ (к упражнениям, решению задач и т.п.)* (функция «открывать»), **lance** – *пика, копье, острога*, (функция «колоть»), **lock** – *замок, запор, затвор, шлюз, плотина, перемычка, захват «на ключ» (приём в борьбе), мёртвая хватка, тиски* (функция «запирать»), **manacle** – *наручники, ручные кандалы, путы, оковы, препятствие* (функция «ограничить движение»), **por** – *швабра, тампон* (функция «промачивать»), **oar** – *весло, гребец* (перенос функции предмета на выполняющего эту функцию), **plane** – *рубанок, струг, калевка, гладилка, мастерок* (функция «стругать, сглаживать»), **rake** – *грабли, кочерга, лопаточка крупье* (функция «сгребать»), **shear** – *ножницы, стрижка (шерсти, овец), настриг* (перенос функции предмета на выполняемое им действие), **shovel** – *совок, лопатка, черпак, экскаватор, механическая лопата, сошник* (функция копать, загребать»), **screw** – *винт, пропеллер, гребной винт, прыжок винтом* (функция «кругового движения»).

Для обоснования природы этих механизмов необходимо обратиться к концепту. Многие ученые считают, что концепт в языке представлен словом [3, с. 77–79; 4, с. 434–484; 1, с. 543–640], на этом основании составлен и словарь концептов Ю.С. Степанова [8]. Слово в этом случае получает статус имени концепта – языкового знака, передающего содержание концепта наиболее конкретно, концентрированно и адекватно. Концепт материализуется посредством

слова, приобретая языковое выражение и выступая условной единицей, связующей мышление и речь. Являясь основной и элементарной понятийной данностью, концепт не существует изолированной единицей, а взаимодействует с окружающими его семантическими единицами, обращенными к тому же понятию, но дополняющими его содержательно, стилистически и хронологически.

Описывая способы формирования концепта, исследователи сходятся во мнении, что концепты возникают в результате сенсорного и логического взаимодействия человека с окружающей его действительностью. Основополагающими источниками возникновения концептов считаются следующие: непосредственный чувственный опыт, который приходит как результат восприятия действительности органами чувств; непосредственные операции человека с предметами, результат его предметно-практической деятельности; экспериментально-познавательная деятельность; мыслительная деятельность, результаты которой отражаются в умозаключениях, суждениях, выводах; вербальный и невербальный опыт, результат познания человеком значений языковых единиц, усваиваемых в процессе жизни.

Для настоящей работы принципиальными являются эти положения, так как обозначенные в них процессы и результаты их деятельности ложатся в основу предлагаемых в исследовании механизмов эволюции значения. Чувственный опыт, который мы приобретаем благодаря пяти органам чувств – зрению, слуху, вкусу, обонянию и осязанию, позволяет определить сходство. Глядя на предмет, например, трубу, человек воспринимает форму – пустотелый круглого сечения предмет. Подобную форму имеют музыкальные инструменты (дудки, свирели), курительные трубки, сигары, трубы различного назначения. Все эти предметы имеют общее имя труба, поскольку объединяет их один признак формы, а основанием для называния одним словом, одним именем стал механизм развития значения по сходству, который задействуется в ходе чувственного опыта. В английском языке слово **pipe** имеет все перечисленные значения. Мы воспринимаем зрением не только форму, но и размер, и цвет, эти параметры или признаки присутствуют в различных предметах и явлениях. Например, глядя на вспышку, мы фиксируем ее яркий свет и характер свечения, что

дает основания назвать этим словом и другие внешне схожие явления: **flare** – яркий неровный свет; сверкание, вспышка или язык пламени, взрыв, осветительная ракета или бомба, блик, диффузный ореол. Восприятие горького вкуса отразилось в названии пива в английском языке: **bitter** – горечь, горькое пиво. Человек находит сходство и в воспринимаемых звуках: **blare** – бляение, мычание, звук трубы, автомобильный гудок, **lisp** – шепелявость, шёпот, **roar** – грохот, хохот, **snort** – храп, фырканье. Так наш чувственный опыт отражается в развитии значения, становясь источником этого развития, задействуя операцию сравнения и устанавливая сходство с помощью особого механизма.

Второй этап, влияющий на развитие значения, – предметно-практическая деятельность как результат логического взаимодействия человека и окружающей его действительности. Во время такого вида деятельности происходит познание человеком назначения, возможности употребления разного рода предметов и объектов. В результате манипулирования предметами, использованием объекта, употреблением на практике становятся понятными функции объектов и реалий: нож, чтобы резать, дом, чтобы жить в нем, крыша, чтобы защищать от осадков. Результаты познания отражаются в сознании как операции, действия, совершаемые человеком с помощью предмета, предметом, на предмет, в сфере предмета. Человек различает свои действия и действия, совершаемые предметами и объектами. Представляется важным подчеркнуть эти операциональные моменты с опорой на классификацию типов действий, предложенную С.Л. Чарековым. Классификация строится на общих закономерностях, лежащих в основе выделения глагола в самостоятельную грамматическую категорию. Анализ глагольных значений позволил выявить пять типов действий: а) действие при помощи предмета, б) действие, направленное на предмет, в) действие самого предмета, г) действие, обозначающее производство предмета, д) действие в сфере предмета [10, с. 9]. Принцип такого деления не семантический, как видим, а основанный на предметно-практической деятельности человека. В нашей работе рассматриваются синкретические формы типа существительное/глагол, анализ которых полностью подтверждает убедительность данной классификации: **crutch** – костыли/ходить на костылях, **nail** –

гвоздь/ забивать гвоздь, mold – плесень/плесневеть, crumb – крошка/крошить, pocket – карман/класть в карман. Именно предметно-практическая деятельность человека фактически связана с применением различного рода предметов: орудий, инструментов, объектов различного назначения. Находясь в постоянном контакте со средой обитания, человек находит и другие предметы, объекты и явления, которые совпадают по функции, т.е. в общем виде выполняют одни и те же функции. Мы замечаем, например, что одетое на ребенка сплетенное из шнуров устройство выполняет ту же функцию, что лошадиная упряжь (**harness** – *сбруя, поводок, ремни безопасности*); что и веер, и опахало, и вентилятор создают поток воздуха (**fan** – *веер, опахало, вентилятор*). Все названные в качестве примеров предметы отличаются по внешнему виду, но, тем не менее, называются одним и тем же словом. В этом случае функция становится основанием для номинации уже имеющимся словом. Таким образом, механизм отбора по функции задействуется в поиске других предметов с такой же функцией, и совмещает на этом основании в одном слове несколько значений: **harness** – *упряжь, вожжи, поводок для ребенка*, **fan** – *веер, опахало, вентилятор*, **nose** – *нос, чутье*, **cap** – *шапка, колпачок*, **shower** – *ливень, душ*, **tower** – *башня, крепость*.

Экспериментально-познавательная деятельность человека – это этап сенсорного и логического взаимодействия человека с окружающей его действительностью, на котором соединяются два предыдущих. Познавательная деятельность – процесс весьма сложный и многоступенчатый, если исходить из того, что он не ограничивается получением знаний в абсолютном виде, а происходит практическое использование и преобразование материальных предметов и социальных явлений, то есть конкретных явлений окружающего мира. Человек в своей деятельности осуществляет контакт с миром материальных объектов, полученные знания позволяют переходить от частного к общему, выделять универсальность, общезначимость. Представляется, что именно на этом этапе чувственный опыт и предметно-практическая деятельность, соединяясь, становятся фундаментом, на котором формируется полученное порознь универсальное знание. Можно назвать этот этап и предметно-чувственной деятельностью, в ходе которой человек

обобщает познания и при этом механизмы развития по сходству и по функции становятся способами такого обобщения. Чувственная форма познания реализуется в ощущениях, восприятиях и представлениях, логическая – в понятиях, суждениях и умозаключениях. Процесс познания человеком окружающей действительности осуществляется в единстве и взаимосвязи его ступеней – чувственной и логической. Но не всякое явление доступно непосредственному чувственному восприятию, и тогда познание происходит опосредованным путем, путем мышления. Мышление – это обобщённое и опосредованное отражение человеком действительности в её существенных связях и отношениях, результат переработки не только опыта отдельного человека и его современников, но и предшествовавших поколений. Мыслительная деятельность как «процесс сознательного отражения действительности» связана с целенаправленным логическим познанием, с умственным отражением [5, с. 21]. В процессе мыслительной деятельности происходит обобщение, в том числе и тех результатов, которые получены на предыдущих этапах, в нашем случае речь идет о механизмах по сходству и по функции.

Мышление как социально обусловленный психический процесс неразрывно связано с речью (и языком), поэтому пятый этап связан с вербальной и невербальной репрезентацией концептов. Концепт как ментальное образование и продукт когниции имеет для экспликации своего содержания лексические единицы, а значит – значения многих слов. Значение, таким образом, является коммуникативно релевантной частью концепта, вербализованной частью концептуальной информации и выступает в виде стороны языкового знака в актах коммуникации [7, с. 39].

Таким образом, механизмы развития значения, выявленные при изучении синкретических форм типа существительное / глагол отражают результат сенсорного и логического взаимодействия человека с окружающей его действительностью. В одном случае изменения происходят на основе действия механизма по сходству: **cave** – пещера, впадина, **scallop** – гребешок, патиссон, в другом случае значение развивается по функции: **brain** – головной мозг, рассудок, разум, **cage** – клетка, тюрьма.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М.: Школа «Языки рус. культуры», 1999. – 895 с.
2. Боярская Е.Л. Когнитивные основы новых значений полисемантических существительных современного английского языка: дис... докт. филол. наук: 10.02.04. – Калининград, 1999. – 217 с.
3. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – М.: Рус. слов., 1996. – 411 с.
4. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. – М.: Яз. рус. культуры, 1999. – 777 с.
5. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность?. – М.: Гнозис, 2003. – 375 с.
6. Никитин М.В. Курс лингвистической семантики. – Изд.2-е. – СПб.: Изд-во РГПУ им.А.И. Герцена, 2007. – 819 с.
7. Попова З.Д., Стернин И.А. Лексическая система языка: Внутренняя организация, категориальный аппарат и приемы описания: учеб. пособие. – Изд. 3-е. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. – 176 с.
8. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры: Опыт исследования. – М.: Шк. "Яз. рус. культуры", 1997. – 824 с.
9. Стернина М.А. Лексико-грамматическая полисемия в системе языка: опыт разработки интегральной теории полисемии: автореф. дис док. филол. наук. – 10.02.19. – Воронеж, 2000. – 38 с.
10. Чареков С.Л. Эволюционная морфология. Часть II. Очерки формирования и эволюции категории глагола в алтайских языках. – СПб.: Наука, 2000. – 166 с.
11. Шкуропацкая М.Г. Деривационная системность лексики (на материале русского языка): дис. ... док. филол. наук: 10.02.19. – Кемерово, 2004. – 442 с.

Г. С. Рогожина
G. S. Rogozhina

Фоносемантика газетного заголовка
Phonosemantics of newspaper headlines

Газета – бестселлер одного дня.
Валерий Янц (английский биохимик)

В данной статье рассматривается вопрос влияния фоносемантического компонента газетного заголовка на желание читателя ознакомиться с содержанием статьи. Результаты проведенного исследования показывает, что наиболее фоносемантически значимые заголовки вызывают наибольший интерес читателя.

The article examines the impact of the phonosemantic component of a newspaper headline on the reader's desire to get acquainted with the content of an article. The research results show that newspaper articles with the most phonosemantically meaningful headlines attract the greater interest of the reader.

Ключевые слова: фоносемантика, газетный заголовок, ВААП, фоносемантический анализ, функции заголовка, публицистический стиль, газета.

Key words: phonosemantics, headline, VAAL, phonosemantic analysis, functions of headlines, journalism, newspaper.

В современном мире выше всего ценится оперативная и достоверная информация. Как говорится: «Кто владеет информацией – владеет миром». В настоящее время не только информированность позволяет человеку заработать, но и сама информация становится товаром, который, при определенных условиях, может принести хороший доход. Одним из старейших источников информации являются газеты, история которых насчитывает более тысячи лет. В Европе с изобретением печатного пресса началось развитие газет,

формирование профессии журналиста, появились первые «бюро сбора новостей».

В XX веке, помимо газет, источниками информации стали радио и телевидение, к которым в конце столетия присоединилась всемирная сеть Интернет. Таким образом, конкуренция в сфере торговли информацией неуклонно растет.

Для повышения конкурентоспособности своей газеты издатели прибегают к самым разнообразным способам: стараются как можно ярче оформить свое издание, используют витиеватый шрифт, публикуют красочные эксклюзивные фотоснимки. Но все это лишь привлекает внимание потенциального покупателя к газете, представленной на витрине. Чтобы сделать из потенциального покупателя читателя, нужно заинтриговать его, пробудить желание прочитать именно это издание. И здесь необходимо обратить внимание на заголовки, которые, собственно, и способны пробудить интерес к статье, являясь, своего рода, ее рекламой.

Заголовок представляет собой органичный первый элемент текстовой публикации, неразрывно с ней связанный, более того – вытекающий из ее содержания, который выполняет несколько функций: **коммуникативная** выражение сообщения о предмете статьи; **апеллятивная** – непосредственное обращение к читателю; **экспрессивная** функция характеризует личность автора. Кроме того, заголовок обладает **графически выделительной** функцией, то есть он отделяет один материал от другого на газетной полосе. Выделяется также **рекламная** функция, которая заключается в привлечении внимания читателя к статье.

Говоря о заголовках англоязычных газет, следует отметить ряд особенностей. Во-первых, в заголовках опускаются служебные слова (артикли a, the; глагол-связка to be), во-вторых, для английского заголовка характерны пассивные конструкции, кроме того, инфинитив часто используется для обозначения будущего времени, и зачастую ключевое слово в заголовке отделяется двоеточием [4].

Таким образом, в условиях жесткой конкурентной борьбы между изданиями, учитывая грамматические особенности заголовка, авторы стараются озаглавить свою статью так, чтобы в ней сочетались все вышеуказанные функции, и заголовок интриговал потенциального читателя, вызывая желание прочесть именно эту статью.

С этой целью авторами широко используются различные фигуры речи и стилистические приемы. Например, в заголовках часто встречается парафраз. Автор использует какую-либо известную фразу и меняет в ней один компонент: “*All roads lead **OUT** of Rome: Streets of Italian capital empty after 1915 prediction of ‘big one’ earthquake*” (Mail Online 11.05.2011; <http://www.dailymail.co.uk>) (“*All roads lead **to** Rome*”). В газетных заголовках можно встретить тавтологический повтор, который, привлекает к заголовку внимания за счет сочетания похожих слов: “*Johnny is the most **pleasant unpleasantness** we’ve ever seen*” (Zam 18.02.2011; <http://www.Zam.co.uk>). (В этом же заголовке присутствует оксюморон, который привлекает внимание читателя за счет сочетания слов с противоположным значением.)

Авторами часто используется аллюзия. Внимание читателя привлекается знакомой ему фразой, в которой был заменен какой-либо компонент: «*Wish you were heir! Prince William whisks Kate away on a £4,000-a-night tropical honeymoon 'in the Seychelles'*» (Mail Online 10.05.2011; <http://www.dailymail.co.uk>) - игра слов, основанная на квази-омофонии и квази-омографии слов here и heir, аллюзия на песню и на частотный фразеологизм “*Wish you were here...*”.

Не менее популярным средством является апозиопезис, представляющий собой внезапную остановку речи, выраженную графически с помощью многоточия или тире. Что позволяет заинтриговать читателя либо выделить главное в заголовке: “*Charanjit Singh on how he invented acid house ... by mistake*” (The Guardian 10.05.2011; <http://www.guardian.co.uk>).

Кроме того, авторы часто прибегают к графическому выделению отдельных элементов текста с помощью другого шрифта, либо за счет их написания прописными буквами, с целью обратить внимание именно на этот значимый элемент: “*At last, a judge who believes that prison **DOES** work... as he jails a prolific drug addict thief*” (Mail Online 17.06.2010; <http://www.dailymail.co.uk>).

К звуковым приемам, используемым авторами журналистских текстов, относится игра слов, основанная на омонимии: “*My face is **Depply** 'unpleasant'*” (The Sun 18.02.201; <http://www.thesun.co.uk>).

Часто в заголовках газет можно встретить **аллитерацию**. Наличие повторяющихся звуков (при чтении) и букв (на письме) обращает на себя внимание читателя: “*What are we to make of **pop pin-up***”

Justin Bieber? (*The Telegraph* 16.02.11; <http://www.telegraph.co.uk>). Здесь можно отметить также звуковые повторы и рифму: “*Two teen ‘witches’ named and shamed*” (*The Sun* 10.05.2011; <http://www.thesun.co.uk>) (эпифора и рифма).

Далеко не последнюю роль в привлечении внимания читателя к статье играет фоносемантический компонент газетного заголовка.

Фоносемантика – наука, зародившаяся во второй половине XX века на стыке фонетики, семантики и лексикологии. Она изучает звукоизобразительность как необходимую, существенную, повторяющуюся и относительно устойчивую, произвольную, фонетически мотивированную связь между фонемами слова и полагаемым в основу наименования признаком объекта [2, с. 21]. Основателем фоносемантики можно по праву считать С. В. Воронина, в 1982 году в работе «Основы фоносемантики» он продемонстрировал наличие объективных законов, управляющих связью между звуком и смыслом в слове.

Вопрос связи звука и смысла интересовал еще античных философов языка. Еще в XII веке монах Ефимий предложил классификацию звуков русского языка, основанную на впечатлении, производимом звуком, он разделил все звуки на 6 групп: гусни», «грубы», «громны», «натужны», «немы», «шепетливы» [1, с. 207].

В XVII–XIX веках звукоподражание и звуко-символизм изучались в основном в свете развития ономастической и междоименной теорий происхождения языка. Ранние исследователи внесли немалый вклад в дело фоносемантики, хотя их выводы зачастую строились на ограниченном фактическом материале, методики исследования не были достаточно строгими, и принцип звукоподражания не был однозначен. В XX веке Ч. Осгуд и А.П. Журавлев определили значение звуков английского и русского языков соответственно, собственно исследования А.П. Журавлева базировались на исследованиях Ч. Осгуда. А.М. Газова-Гинзберга провел анализ звукоизобразительных корней более чем десяти языков четырех неродственных языковых семей, что позволило говорить об исконной природной связи звука и смысла при возникновении человеческого языка. В.В. Левицкий делает выводы об интернациональном характере звуко-символизма, утверждая, что поиски универсального звуко-символизма должны вестись не на уровне фонемы, а на

уровне единиц меньше фонемы (акустических артикуляционных признаков).

И.Ю. Павловская экспериментально доказала, что фоносемантические проявления универсальны, так как психофизиологическая организация человека едина, независима от его языковой принадлежности. Кроме того, И.Ю. Павловская разработала метод фоносемантического анализа текста и экспериментально определила фоносемантическое значение английских звуков по 15 шкалам.

Среди современных ученых, работающих над вопросами фоносемантики, следует отметить кандидата медицинских наук А.А. Биркина, определившего «сложность» звуко-букв русского языка и влияние их дистрибуции по тексту на возможность его воспринимать. В.И. Шалак разработал компьютерную программу ВААП, позволяющую проводить фоносемантический анализ текста и корректировать его, именно эта программа была использована при анализе материала для данной статьи. И.Ю. Черепановой разработана программа Диатон, позволяющая выявлять суггестивное влияние текстов, данная программа в основном применяется для анализа молитв, заговоров. В. Сысуев разработал программу Псиофис, которая позволяет определить возможное влияние, которое может оказать текст посредством поиска вложенных слов (слова внутри другого слова или на стыке слов).

Являясь относительно молодой наукой, фоносемантика уже получила широкое распространение и применяется во многих сферах: начиная от лингвистики и заканчивая маркетингом. Интернет пестрит предложениями сделать фоносемантический анализ имени и фамилии или названия компании, о наилучшее впечатление на партнеров и клиентов. Соответственно не маловажную роль она играет и для журналистики. Во-первых, используя намеренно или непроизвольно фоносемантический компонент в тексте, автор может наилучшим образом донести свою идею до читателя. Во-вторых, говоря о газетных заголовках, следует отметить, что грамотно использованный фоносемантический компонент позволит автору преподнести свою статью в наиболее выгодном свете, пробуждая в читателе желание прочесть именно её и, соответственно, купить именно то издание, в котором она опубликована. Здесь следует вспомнить об эксперименте Е.И. Красниковой, описанном в работе

И.Н. Горелова «Основы психолингвистики». Двум группам испытуемых предлагалось два текста, тексты отличались двумя словами. Первой группе был предложен следующий текст:

«Жертва служебного долга.»

Одна из западных воскресных газет «Нибджет Фейдж» извинилась перед читателями за то, что в очередном номере отсутствует постоянная рубрика «Куда пойти поесть», рекламирующая рестораны, кафе и бары. Редакция пояснила, что репортер, поставляющий материал для этой рубрики, заболел, отравившись в ресторане «Чоффет» «при исполнении служебных обязанностей».

После чего испытуемым был задан вопрос: «Каким блюдом отравился репортер: горячим или холодным?» 73 процента испытуемых ответили, что репортер отравился горячим блюдом.

Второй группе был предложен текст, где слова «Нибджет Фейдж» и «Чоффет» были заменены на «Хэмэн Мод» и «Хэддок» соответственно. 82 процента этой группы утверждали, что репортер отравился холодным блюдом. Это связано с тем, что слова «Нибджет Фейдж» и «Чоффет» имеют значений горячих, а «Хэмэн Мод» и «Хэддок» – холодных. Этот эксперимент еще раз доказывает, что с помощью грамотно подобранных, с точки зрения фоносемантики, слов можно оказать нужное влияние на читателя, создать нужное впечатление [3, с. 16].

Так, 11 мая 2011 года три британские газеты опубликовали статьи о девочке, оставшейся в живых после удара молнией и отделавшейся лишь небольшим шрамом. Заголовок *“Girl, 10, left with Harry Potter-style scar after being struck by lightning as she watched storm ... through attic window”* (Daily Mail; <http://www.dailymail.co.uk>) характеризуется программой ВААП как **«яркий и острый»**. *“Flash in the attic”* (The Sun; <http://www.thesun.co.uk>) характеризуется как **«острый, быстрый, сильный, громкий и грубый»**. *“Girl left with Harry Potter-style scar after being hit by lightning”* (The Mirror; <http://www.mirror.co.uk>) – **«острый, яркий, сильный, громкий»**. Видная четкая связь между фоносемантическим значением заголовков и их смыслом, так как именно эту характеристику можно дать удару молнией. Следует отметить, что эти характеристики наиболее ярко выражены в последнем заголовке. И именно этот заголовок

выбрала большая часть филологов (83%), владеющих английским языком, опрошенных в ходе работы над данной статьей.

Четыре газеты написали о расставании Арнольда Шварцнегера с супругой. Среди заголовков этих статей можно наблюдать похожую картину:

- Arnold Schwarzenegger separates from wife Maria Shriver after 25 years (The Mirror; <http://www.mirror.co.uk/news/top-stories/2011/05/10/arnold-schwarzenegger-separates-from-wife-maria-shriver-after-25-years-115875-23120140/>) – «**сильный, громкий, грубый, острый**»;

- Arnie Terminates 25-year marriage (The Sun; <http://www.thesun.co.uk/sol/homepage/news/3572315/Arnie-Terminates-25-year-marriage.html>) – «простой, громкий, яркий, острый, сильный, грубый, неприятный»;

- Arnold Schwarzenegger and wife Maria Shriver separate (The Telegraph; <http://www.telegraph.co.uk>) – «темный, сильный, громкий»;

- Arnold Schwarzenegger and Maria Shriver split after 25 years (*The Guardian*; <http://www.guardian.co.uk>) – «сильный, темный, грубый, громкий».

Жирным шрифтом выделены повторяющиеся характеристики, которые отражают образ А. Шварцнегера (сильный, грубый). А характеристики «громкий, неприятный, грубый» частично отражают сложившуюся ситуацию. В первом заголовке эти характеристики наиболее выражены и именно его выбрала большая часть опрошенных (58 %).

В феврале 2011 года Daily Mail, Zam, The Telegraph и The Sun выпустили статьи посвященные интервью юной канадской знаменитости Джастина Бибера, опубликованному Rolling Stones (в интервью речь идет о мнении шестнадцатилетнего певца относительно весьма интимных моментов жизни). Заголовки этих статей имеют следующее фоносемантическое значение:

- *'You should wait for the person you're in love with': Justin Bieber shares his views on sex before marriage and abortion* (<http://www.dailymail.co.uk>) – «**сильный, простой, большой, грубый**»;

• *Who thought it was a good idea to ask Justin Beiber about sex?* (<http://www.3am.co.uk>) – «высокий, яркий, **грубый, острый**, светлый, легкий, медленный, **сильный**, неприятный»;

• *What are we to make of pop pin-up Justin Beiber?* (<http://www.telegraph.co.uk>) – «**острый**, высокий, поверхностный, **громкий, большой, сильный**»;

• *Never say never for Beibs* (<http://www.thesun.co.uk>) – «**сильный**, неприятный, **грубый, громкий**, скучный, тусклый, **большой**, светлый».

Хотя в характеристиках и наблюдаются сходные черты, нельзя сказать, что они в полной мере отражают смысл заголовков. Вероятно, фоносемантическое значение заголовков в данном случае связано с негативным отношением авторов к событию, с их настроением. Негативное отношение авторов можно увидеть в саркастическом вопросе: *Who thought it was a good idea to ask Justin Beiber about sex?* (И это подтверждается содержанием статей). В данном случае среди опрошенных не было такого единогласия, как в двух предыдущих. Но первый заголовок, в котором в наибольшей степени выражены общие для всех заголовков характеристики, оказался самым популярным (41,6 %), 25 % предпочли второй заголовок, который имеет выраженное значение «высокого и яркого» (что частично соответствует образу молодой поп-звезды).

Как видно из приведенных выше примеров, фоносемантический компонент помогает не только создать нужное автору впечатление, «нарисовать» определенный образ, как в примере с ударом молнии, так и отразить свое настроение, выразить свое отношение, как это сделали авторы статей о Джастине Бибере. Фоносемантические средства могут использоваться авторами произвольно или намеренно, но так или иначе, читатель их неосознанно воспримет, и это будет способствовать лучшему восприятию текста. Сейчас существуют возможности коррекции текста таким образом, чтобы он отвечал заданным заранее параметрам и имел необходимое автору фоносемантическое значение. Такими возможностями, например, обладает программа ВААП(Е) (В.И. Шалак), разработанная на основе исследований И.Ю. Павловской. Само собой разумеется, что стилистические явления, описанные выше очень важны, они помогают привлечь внимание именно к определенному заголовку, выделить его среди других, а фоносемантический компонент помогает

автору оказать на читателя необходимое впечатление и передать нужное настроение. Умелое и грамотное сочетание этих двух компонентов (стилистического и фоносемантического) способствует наилучшему восприятию газетного заголовка читателем. Что, в свою очередь побуждает читателя ознакомиться с самой статьей и, соответственно, приобрести именно то издание, в котором она опубликована.

Следует помнить, что фоносемантическое оформление текста обогащает смысл только в случае, когда наблюдается правильно подобранная гармония его формы и содержания, в противном же случае реципиент текста не воспринимает фонетическое значение сообщения [5, с.211].

Список литературы

1. Вестник Гуманитарного факультета ИГХТУ [Текст] / Вып. 3. – Иваново, 2008. – 353 с.
2. Воронин С.В. Основы фоносемантики [Текст] / С.В. Воронин, доктор филологических наук. – 2-е изд. (репринтное). – СПб.: Ленанд, 2006. – 248 с.
3. Горелов И.Н., Седов Ф.К. Основы психолингвистики [Текст] / И.Н. Горелов, Ф.К. Седов. – М.: Лабиринт, 2001. – 304 с.
4. Коппероуд Р., Нельсон Р. Как преподносить новости [Электронный ресурс] URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Gurn/kopper/index.php. (дата обращения: 15.03.11).
5. Павловская, И.Ю. Фоносемантический анализ речи [Текст] / И.Ю. Павловская. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2004. – 292 с.

**Вариативность английского языка
при изучении языковой картины мира в рок-дискурсе**

**Variation of English language in the study
of the language word picture in rock-discourse**

В статье рассматриваются понятия языковой картины мира, лингвистической вариативности и метафоры, а также выявляется и объясняется необходимость разграничения вариантов английского языка при исследовании языковой картины мира. Приводятся результаты анализа метафор американской и британской рок-поэзии, доказывающие основные теоретические положения статьи.

The concept of the language world picture, linguistic variation, and metaphors are discussed in the article. The need to distinguish variants of the English language in the study of language world picture is identified and explained. The results of the analysis of metaphors of the American and British rock-poetry presented in the article prove its main theoretical items.

Ключевые слова: лингвистическая вариативность, языковая картина мира, рок-поэзия, метафора, тематическая группа.

Key words: linguistic variation, language world picture, rock-poetry, metaphor, theme group.

В современных филологических научных исследованиях понятия американская и британская рок-поэзия обозначаются термином «англоязычная рок-поэзия», тем самым устанавливается некоторое семантическое тождество двух этих понятий. Это явление вполне объяснимо. Общность национального языка Америки и Великобритании позволяет считать рок-тексты данных стран единым лингвистическим пространством. Однако вопрос об оправданности такого подхода к исследуемому англоязычному материалу остается открытым, особенно в рамках четкого разграничения американского и британского вариантов английского языка. Кроме того, исследование таких явлений, как культурная языковая маркированность, фразеология, и наконец, языковая картина мира представляется

состоятельным лишь при четком установлении национальных и географических границ для изучаемых текстов. Таким образом, в данной статье будет предпринята попытка выявить и объяснить необходимость разграничения американской и британской рок-поэзии как текстового материала для исследования языковой картины мира, а также метафоры как лингвистического приема ее репрезентации.

Понятие «вариативности» принято рассматривать с точки зрения двух позиций: «как характеристика всякой языковой изменчивости, модификации, которая может быть результатом использования разных языковых средств для обозначения сходных или одних и тех же явлений», а также «как характеристика способа существования и функционирования единиц в синхронии» [8]. В данной статье под вариативностью подразумевается второе значение понятия.

Стоит отметить, что вопроса о языковой вариативности так или иначе в разное время касались многие ученые. Например, в 1967 году в статье «Различия в лексике американского и британского вариантов современного литературного английского языка» А.Д. Швейцер вводит понятие «территориальная разновидность нормированного литературного языка». Одной из основных идей данной статьи было подчеркнуть локальную отнесенность лексической вариативности английского языка, а значит указать на различие литературного английского языка (макросистемы) и ее территориальных вариантов (микросистем) при их безусловном общем лексическом ядре [9].

На современном этапе развития науки не остается сомнений в том, что вариативность – это признак развития, эволюции языка, а значит и его изменчивости. Это же свойство лежит в основе языковой картины мира, находящей свое воплощение в языке. Раскрытие и описание языковой картины мира англоязычного рок-дискурса представляет особый научный интерес, т. к. рок-культура как явление, моментально реагирующее на все происходящие политические, социальные процессы, является и своеобразным индикатором общественных настроений и мировоззренческих установок, получающих свое языковое выражение в тексте.

Языковая картина мира в сознании ее носителя как явление динамичное постоянно подвергается коррективам со стороны реалий

окружающего мира, причем мировосприятие представителя молодого поколения и образованная на основе этого мировосприятия языковая картина мира отличается от мировосприятия представителя другого поколения. Через раскрытие языковой картины мира в рок-дискурсе исследователь может не только зафиксировать определенные языковые явления, но и выяснить причины их возникновения, а также специфику мировосприятия молодого поколения, составляющего рок-сообщество. Таким образом, можно сказать, что, применительно к американскому и британскому вариантам английского языка, явления вариативности и языковой картины мира глубоко взаимосвязаны, поскольку изменения в мировосприятии отражаются в наборе языковых единиц, используемых в речи говорящего на том или ином варианте языка, а значит, обуславливает различие этих вариантов.

Основополагающим свойством картины мира (в том числе и языковой картины мира) является ее национальная обусловленность, которая проявляется в языке, а именно в том наборе языковых единиц, который использует ее носитель для выражения мыслей. При этом текстопорождающий субъект воспринимается «центральной, смыслополагающей и организующей в высказывании, тексте, дискурсе, коммуникативной ситуации» [4, с. 13]. Бесспорным является тот факт, что языковая картина мира отдельно взятой языковой личности является самобытной и неповторимой в силу различий в представлениях об окружающей действительности каждого отдельного человека и в силу неповторимости той «проекции объективного мира, существующей в виде языкового выражения в сознании каждого отдельного носителя языка» [6]. При этом язык, выступая универсальным средством получения, накопления и обобщения информации, играет ключевую роль в процессе познания мира человеком, его моделирования, классификации и интерпретации.

Однако языковая картина мира каждой отдельной языковой личности не может формироваться вне совокупности представлений о мире, заключенных в значении разных слов и выражений данного языка, складывающейся в некую единую систему взглядов, или предписаний, и являющейся обязательной для всех представителей той или иной нации. Наиболее распространенное определение язы-

ковой картины мира звучит следующим образом: «это исторически сложившаяся в обыденном сознании данного языкового коллектива и отраженная в языке совокупность представлений» [5].

По мнению С.А. Песиной, языковая картина мира включает две связанные между собой, но различные идеи: первая заключается в том, что каждый язык «рисует» свою картину, изображающую действительность, несколько иначе, чем это делают другие языки, а вторая в том, что картина мира, предлагаемая языком, отличается от «научной» [6]. Эта же идея высказана в монографии О.А. Корнилова: «Национальных языковых картин мира столько же, сколько языков, каждый из которых отражает уникальный результат многовековой работы коллективного этнического сознания над осмыслением и категоризацией бытия человека во Вселенной» [3, с. 140].

Данная трактовка языковой картины мира восходит к идее В. фон Гумбольдта о «языковом мировидении»: «Образ мысли и мироощущение народа, предающие окраску и характер его языку, с самого начала воздействуют на этот последний» [1, с. 163]. «Люди понимают друг друга не потому, что передают собеседнику знаки предметов, и даже не потому, что взаимно настраивают друг друга на точное и полное воспроизведение идентичного понятия, а потому, что взаимно затрагивают друг в друге одно и то же звено цепи чувственных представлений и начатков внутренних понятий, прикасаются к одним и тем же клавишам инструмента своего духа, благодаря чему у каждого вспыхивают в сознании соответствующие, но не тождественные смыслы» [там же, с. 14]. По его мнению, духовное своеобразие и строение языка «пребывает в столь тесном смешении друг с другом, что коль скоро существует одно, то из этого обязательно вытекает другое» [там же, с. 68]. Гумбольдтовская идея «языкового мировидения» указывает на структурное своеобразие семантики языков, на их историческую уникальность: «...Различия в характере языков лучше всего проявляются в состоянии духа и в способе мышления и восприятия. Влияние характера языка на субъективный мир неоспоримо» [2, с. 380]. Таким образом, принимая во внимание все сказанное, необходимость разграничения британской и американской языковых картин мира в рамках исследования англоязычного рок-дискурса выглядит вполне оправ-

данной в силу различных исторических и культурных условий их формирования.

Одним из распространенных приемов реконструкции языковой картины мира является анализ метафор, представленных в том или ином корпусе текстов. Метафоричность употребления является одной из возможностей создания экспрессии, т.к. она, как правило, связана с семантическими сдвигами, что приводит к дополнительной экспрессивной насыщенности текста в целом. Этим ее свойством объясняется частотность использования метафор рок-поэтами. При анализе метафор в современной лингвистике часто используется когнитивный подход. Описать метафору с когнитивной точки зрения – значит охарактеризовать ее роль в процессе познания мира и конструирования на основе этого познания языковой картины мира. Таким образом, метафора в данном случае понимается не как средство создания образности, а как одно из средств создания языковой картины мира.

Круг вопросов и проблем, передаваемых в поэтических рок-текстах при помощи метафор, довольно широк. Однако в существующих на сегодняшний день исследованиях по англоязычной рок-поэзии авторы традиционно выделяют проблему одиночества, противопоставления себя окружающему враждебному миру, свободы и любви.

Обращаясь непосредственно к рок-текстам американской и британской рок-поэзии, мы ставили себе задачу посредством метафор тематической группы «эмоции» выявить различия в языковых картинах мира представителей молодого поколения, говорящих на американском и британском вариантах английского языка, а также определить набор тематических групп, передаваемых при помощи метафор.

В следующей таблице приведены некоторые примеры метафор, обнаруженных в 100 текстах песен представителей британской рок-поэзии и 100 текстах песен представителей американской рок-поэзии:

Metaphors of emotions

Concepts	British rock-poetry (examples)	American rock-poetry (examples)
irritation, disappointment	Oh how just too slowly, sharply screw myself to death ("Horror Show" THE LIBERTINES)/ If you are the answer We are going straight to hell ("The Answer" Bloc Party)/ A simple man with simple de- sire I'm just a skeleton ("Skeleton" Bloc Party)	We held the world out in our hands and you ran away. ("All We Know Is Falling" PARAMORE)
distress	But there's a rumor spread nasty diseases around town/ Yes it's eating no it's chewing me up ("Time for heroes" THE LIBERTINES)	You rip my heart right out. ("Your house" JIMMY EAT WORLD)
anxiety	Oh I'm all levered off my face And just to work out what it's on about And see snakes in eyes And danger signs ("Tell the king" THE LIBERTINES)/ Next thing I knew, my heart was under attack I bought a one way ticket to hell...and back ("One Way Ticket" The Darkness)	Down an endless hole We'll both go ("Drugs or me" JIMMY EAT WORLD) / I scraped my knees while I was praying And found a demon in my safest haven ("Turn It Off" PARAMORE)
loneliness	She is yesterday's news And she screams out my name In the dead of the night ("She's Hearing Voices" Bloc Party)	You say that love goes any- where In your darkest time, it's just enough to know it's there When you go, I'll let you be But you're killing everything in me ("Drugs or me" JIMMY EAT WORLD) My mouth is dry with words I cannot verbalize Tell me why we live like this Keep me safe inside Your arms like towers Tower over me ("We Are Broken" PARAMORE)
sadness	You didn't want to see me draped in sadness ("Trojan Horse" Bloc Party)	Time never had a chance to heal your heart ("Dizzy" " JIMMY EAT WORLD)
Passion	Paralyze me, with your kiss /	You pierce my heart like a

	Oh how beauty burns , lips and eyes and fingertips The spark of desire on every point our bodies meet ("Halo" Bloc Party)	willing arm ("Night Drive" JIMMY EAT WORLD)
Love	My heart's in overdrive and you're behind the steering wheel "I Believe In A Thing Called Love" The Darkness / In the eye of the storm We keep each other warm ("Love On The Rocks With No Ice" The Darkness)	Hanging on a cigarette you need me, you burn me you'll burn me. ("Disintegration" " JIMMY EAT WORLD)
Irony	Honey, I'm the scourge of all mankind And everyone but me is destined just to be Slaves to the remorseless grind ("Givin' Up" The Darkness)	Our hearts littering the top-soil. ("Bleed American" JIMMY EAT WORLD) / And shame never crept close to our naked feet If there's something left to lose, Then don't let me wear out my shoes I'm still walking. ("Dizzy" " JIMMY EAT WORLD)

В исследуемых текстах было найдено 38 метафор (17 в текстах британских рок-групп и соответственно 21 в американских), в которых были выявлены следующие тематические группы: «irritation (disappointment)», «distress», «anxiety», «loneliness», «sadness», «passion», «love», «irony». Как показывает предварительный анализ выявленных метафор, в британской рок-поэзии в наибольшей мере представлены метафоры группы «irritation (disappointment)» и «anxiety», в меньшей мере – «loneliness», «distress» и «sadness». Что касается американской рок-поэзии, то здесь преобладают метафоры тематических групп «anxiety» и «loneliness», а менее всего представлены метафоры групп «irritation (disappointment)», «distress», «sadness», «passion». Остальные группы метафор представлены в примерно равном количестве.

Таким образом, уже предварительный анализ метафор, проведенный на сравнительно небольшом количестве текстов, показывает различия в мировосприятии представителей американского и британского рок-сообщества. Безусловно, данный анализ выявил и

сходства, которые могут быть объяснены общностью переживаний и проблем молодого поколения вне зависимости от национальной принадлежности его представителей. Вариативность англоязычной рок-поэзии – вопрос, требующий дальнейшего всестороннего изучения, однако уже на данном этапе развития науки о языке можно сделать вывод о необходимости разграничения вариантов английского языка в процессе изучения языковой картины мира.

Список литературы

1. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию / пер. с нем. под ред. и предисл. Г.В. Рамишвили. – М.: «Прогресс», 1984. – 398 с.
2. Дерига Е.С. Картина мира: проблема многообразия видов // Сборник научных трудов НГТУ. – 2006. – № 1 (43). – С. 159–164.
3. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: ЧеРо, 2003. – 347 с.
4. Маслова В.А. Современные направления в лингвистике. – М., 2008. – 272 с.
5. Нефедова Н.П. История формирования теории языковой картины мира. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://www.pglu.ru/lib/publications/University_Reading/2008/VII/uch_2008_VII_00011.pdf (дата обращения: 09.02.2012).
6. Песина С.А. Языковая картина мира в философском и лингвистическом осмыслении. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: ftp://lib.herzen.spb.ru/text/pesina_5_10_358_362.pdf (дата обращения: 18.03.2012)
7. Петелина Ю. Н. Концепт «торг» в английской и русской лингвокультурах: дис. .... канд. филол. наук: 10.02.20. [Электронный ресурс]. URL: <http://31f.ru/dissertation/page,8,385-dissertaciya-koncept-torg-v-anglijskoj-i-russkoj-lingvokulturax.html> (дата обращения: 18.03.2012).
8. Турдуматова Э.Б. Вариативность как эволюционный процесс развития языка. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://www.lib.kalmsu.ru/text/TRUD/Turdumatova_EB/p001.pdf (дата обращения: 23.03.2012).
9. Швейцер А.Д. Различия в лексике американского британского вариантов современного литературного английского языка // Вопросы языкознания. – М., 1967. – С. 65–72.
10. Тексты песен [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <http://www.azlyrics.com/> (дата обращения: 20.03.2012).

**Средства интертекстуальной диалогизации
в английском художественном тексте**

Language means of intertextual dialoguing in English prose

В фокусе данной статьи находятся такие средства интертекстуальной диалогизации, как афоризм, цитация и различные виды аллюзии (литературная, историческая и пр.). Представленные языковые средства являются маркерами диалогического признака текста – интертекстуальности. Они связывают события текста с явлениями мировой истории и культуры, способствуют выведению текста на межтекстовый уровень.

The article focuses on the language means such as aphorism, quotation and different types of allusion (literary, historical etc.) that represent the intertextual type of text dialoguing in the English prose. They are considered as the language means of intertextual dialoguing, that contribute to the building up of the text dialogism in the aspect of its connection and interrelation to other texts and generally to the events and facts of the world's culture and history.

Ключевые слова: интертекстуальность, диалогизация, средства диалогизации, афоризм, цитация, аллюзия.

Key words: intertextuality, dialoguing, language means, aphorism, quotation, allusion.

Категория диалогичности реализуется в английском художественном тексте определённым набором языковых средств диалогизации. Диалогизация художественного текста рассматривается в данной статье как актуализация текстовой категории диалогичности вследствие процесса наделения текста языковыми средствами, способствующими присвоению текстом диалогических признаков. Диалогизация является экспликацией в художественном тексте собственно диалога между адресантом (автором) и адресатом (читате-

лем), а также диалогических отношений внутри самого текста и вне его, т. е. его интертекстуальных связей.

Средства интертекстуальной диалогизации помогают автору (Автор 1) вступить в диалог с другим автором (Автор 2), в результате чего и рождается интертекстовый диалог. В рамках данного исследования он рассматривается как интертекстуальный тип диалогизации художественного текста. К средствам интертекстуальной диалогизации в английском художественном тексте относятся афоризм, аллюзия, цитация.

Пример использования афоризма, выступающего в качестве средства интертекстуальной диалогизации, можно обнаружить в рассказе О. Хаксли "Хьюберт и Мини":

"All the same," said Hubert, "one must have a certain amount of actual non-imaginative experience." He spoke earnestly, abstractedly; but Minnie's letter was in his pocket. "Gnosce teipsum. You can't really know yourself without coming into collision with events, can you?" (Huxley, 75)

Использование афоризма "Gnosce teipsum", переводимого как "познай себя" настраивает читателя на философский лад, углубляет пространственно-временную перспективу повествования, выводит текст на межтекстовый уровень. Так автор вместе читателем поднимаются над конкретикой изображаемых событий.

Приём цитации в тексте представляет собой дословное или видоизменённое, частичное заимствование какого-либо отрывка из другого источника. В рассказе О. Хаксли "Хьюберт и Мини" цитирование произведений Д. Дона и других авторов закреплены за героем по имени Хьюберт. Цитаты представлены в его дневниковых записях и в письмах, адресованных другому персонажу:

In his diary he recorded aptly those two quatrains of John Donne:

*"So must pure lovers' souls descend
To affections and to faculties,
Which sense may reach and apprehend,
Else a great prince in prison lies.
To our bodies turn we thein, that so
Weak men on love revealed may look;
Love's mysterious in souls do grow,
But yet the body is his book."*

At their next meeting he recited them to Minnie. The conversation which followed, compounded as it was of philosophy and personal confidences, was exquisite. It really, Hubert felt, came up to literary standards. (Huxley, 70)

В данном примере цитация выполняет в тексте стилистическую функцию: с её помощью создаётся образ персонажа. Автор не стремится показать высокий духовный уровень Хьюберта, наоборот, этот персонаж характеризуется как человек, не ищущий настоящей, глубокой любви, а лишь желающий вогнать действительность в рамки литературных произведений. В своём стремлении найти красивый, высокий идеал он не может распознать и оценить любовь простой, кажущейся ему приземлённой, женщины. Хьюберт меряет жизнь по литературным стандартам. В данном аспекте очень важны слова автора в повествовании, сопровождающие включения в текст цитат (*It really, Hubert felt, came up to literary standards*). Маркеры интертекстуальной диалогизации представлены эксплицитно с помощью таких графических стилистических средств, как курсив и кавычки.

В романе У. Теккерея “Ярмарка тщеславия” цитация используется также с целью характеристики персонажа:

A mature spinster, and having but faint ideas of marriage, her love for the blacks occupied almost all her feelings. It is to her, I believe, we owe that beautiful poem:

*“Lead us to some sunny isle,
Yonder in the western deep;
Where the skies forever smile,
And the blacks forever weep,” etc. (Thackeray, 360)*

Цитирование стихотворения не только добавляет красочности и убедительности в описание одного из персонажей романа, но и служит подтверждением авторских слов. Оно используется именно для подкрепления выраженного в тексте авторского мнения (*I believe*), убеждения читателя в правоте автора относительно своей героини. Это достигается путём привлечения в текст заимствования из другого литературного источника. Именно цитата становится основным доводом автора, средством воздействия на адресата художественного текста.

Аллюзия представляет собой ссылку на хорошо известный факт – исторический, литературный, библейский, мифологический или бытовой [1, с. 185]. В рассказе О. Хаксли «Хьюберт и Мини» встречаются литературные и внелитературные аллюзии:

In the impenetrable shade of the Wellingtonias Hubert and Ted Watchett played croquet and discussed the best methods of cultivating the Me. You could do a good deal, they decided, with art - books, you know, and pictures and music. "Listen to Stravinsky's Sacre," said Ted Watchett, "and you're forever excused from going to Tibet or the Gold Coast or any of those awful places. And then there's Dostoievsky instead of murder, and D.H. Lawrence as a substitute for sex." (Huxley, 75)

К внелитературным аллюзиям относятся упоминание имени композитора (И.Ф. Стравинского) и названия его музыкального произведения «Весна священная», географические точки (Тибет, Золотой Берег – британская колония в Западной Африке на побережье Гвинейского залива), к литературным – упоминание таких авторов, как Достоевский, Лоуренс. Использование аллюзий предполагает знание читателем явления, лица, факта, на которые ссылается автор. В приведённом примере литературные аллюзии (упоминание имён писателей) содержат в себе намёк на некоторые мотивы их произведений. Например, предлагается читать Достоевского, подражая детективные элементы его романов, Лоуренса – исходя из описываемых в его произведениях взаимоотношений и отношений между полами.

Примером внелитературной аллюзии является упоминание в тексте рассказа О. Хаксли «Хьюберт и Мини» имени знаменитого художника-пейзажиста XVII века Сальватора Розы:

No, it certainly wasn't quite that, in his diary, in his letters to Minnie, he painted, it is true, a series of brilliant and romantic landscapes of the new world. But they were composite imaginary landscapes in the manner of Salvator Rosa – richer, wilder, more picturesquely clear-obscure than the real thing. Hubert would seize with avidity on the least velleity of an unhappiness, a physical desire, a spiritual yearning, to work it up in his letters and journals into something substantially romantic. (Huxley, 68)

С помощью аллюзии автор характеризует Хьюберта сквозь призму видения героя самого себя. Читателю предлагается увидеть внутренний мир этого персонажа не через словесное описание ав-

тором его характера, а через картины упоминаемого в тексте художника. За счёт «самоустранения» автора происходит сближение читателя с персонажем. Этот контакт, диалог становится возможным посредством образов, которые возникают у читателя при прочтении имени художника. Безусловно, это происходит только в случае успешного декодирования интертекстуального приёма аллюзии. Читатель при этом получает возможность вести не прямой диалог и с самим художником – за счёт тех образов, которые возникают в его сознании. Рождается связь не только ограниченная контекстом произведения (Автор – Персонаж – Читатель), но и выходящая в сферу мировой культуры (Автор 1 – Автор 2 – Читатель). Она свидетельствует об открытости текста в межтекстовое пространство, доказывает диалогичность текста в аспекте мировой культуры.

Внелитературная аллюзия употребляется в романе Д. Колган “Чудеса работы” для описания внешности персонажа:

The man standing there nearly filled the doorway. Tall and fine-boned, with a mop of long, curly blond hair, he looked, as the light fell upon him, like a pre-Raphaelite painting caught in a frame. (Colgan, 69–70)

В данном случае внелитературной аллюзией является упоминание художника Рафаэля, а именно – художественного стиля до-рафаэлевского периода. Следует полагать, что имеется в виду стиль живописи мастеров раннего возрождения. Он характеризуется выдвиганием фигуры на передний план картины, плоское изображение, отсутствие пейзажа или другого фона. Появление в дверях одного из персонажей романа вызывает такую ассоциацию у другого персонажа текста. Дверной проём воспринимается им в качестве рамы картины. Причём появившийся в нём персонаж заполнил (filled) весь этот дверной проём, то есть, действительно, налицо признаки картины раннего возрождения – изображение человека в полный рост, обрамлённое со всех сторон и отсутствие фона. Этот образ позволяет читателю более живописно представить эпизод романа в случае, если он знаком с картинами раннего возрождения.

Историческая аллюзия также является средством интертекстуальной диалогизации. Она связывает текст художественного произведения с событиями мировой истории. В рассказе Д. Конрада “Харчевня двух ведьм” упоминается имя Джеймса Кука, английского мореплавателя XVIII века, руководителя трёх кругосветных экспедиций:

They pressed behind the two Englishmen staring like those islanders discovered by Captain Cook in the South Seas. (Conrad, 12)

Автор сравнивает своих персонажей, а именно их реакцию – изумление – с изумлением жителей островов, открытых Джеймсом Куком. Автор прибегает к знанию читателя об общеизвестном факте, что Джеймс Кук открыл множество островов в Тихом океане. Оригинальный текст произведения связывается с историческим событием.

Спектр языковых средств интертекстуальной диалогизации английского художественного текста включает в себя афоризм, цитацию и различные виды аллюзии. Все эти средства языка обогащают стилистическую наполненность художественного текста, способствуют установлению и поддержанию диалогических отношений автора с читателем, подчёркивают открытость текста в межтекстовое пространство и его связь с явлениями мировой культуры. Цитата, аллюзия и афоризм как средства интертекстуальной диалогизации генерируют текст, создают насыщенность самого повествования и в целом обогащают язык художественного произведения. Они способствуют появлению новых смыслов, образов в сознании воспринимающего текст субъекта – читателя.

Список литературы

1. Galperin I.R. Stylistics / I.R. Galperin. – Moscow: Higher School Publishing House, 1971. – 344 p.

Источники

1. Colgan J. Working Wonders / Jenny Colgan. – 2003. – 327 p.
2. Conrad J. The Inn of the Two Witches / Joseph Conrad // Английская новелла первой половины XX века / сост. В.А. Скороденко. На англ. яз. – М.: Радуга, 1988. – С. 8–32.
3. Huxley, A. Hubert and Minnie / Aldous Huxley // Английский рассказ XX века. Сборник. – На англ. яз. / сост. Н.А. Самуэльян. – М.: «Менеджер», 1996. – С. 67–83.
4. Thackeray, W. Vanity Fair. A Novel without a Hero. In two parts. / William Thackeray. – М.: Foreign Languages Publishing House, 1950. – Part One. – 382 p.

ТЕОРИЯ ДИСКУРСА И ЯЗЫКОВЫЕ СТИЛИ

THEORY OF DISCOURSE AND LANGUAGE STYLES

УДК 81'42

Е. В. Белоглазова
E. V. Beloglazova

Фразеологизмы как носители потенциальной интердискурсности

Idioms in the light of potential interdiscursivity

В статье рассматривается явление «потенциальной интердискурсности», являющееся следствием асимметрии языкового знака. Фиксация конкретного значения знака происходит в системе дискурса. Предложенный анализ выявляет потенциальную интердискурсность фразеологизма, способного одновременно актуализировать идиоматическое и буквальное значения.

The author focuses on “potential interdiscursivity” – the phenomenon resulting from the asymmetric nature of a linguistic sign. The analysis reveals potential interdiscursivity in idioms capable of simultaneously actualizing both idiomatic and literal meanings relating to different discourses.

Ключевые слова: потенциальная интердискурсность, когерентность, асимметрия языкового знака, фразеологизм.

Key words: potential interdiscursivity, coherence, linguistic sign asymmetry, idiom.

В центре нашего внимания в настоящей статье находится явление *интердискурсности*, под которым понимается введение в текст, относящийся к одному дискурсу, элементов других дискурсов, что приводит к его дискурсивной гетерогенности. Однако, прежде чем мы обратимся к этому центральному для нас понятию, представляется необходимым уточнить, что мы понимаем под *дискурсом* и какого

рода маркеры могут вводиться в текст в качестве сигналов смены дискурса.

Понятие *дискурс* отличается значительной противоречивостью. Многочисленные попытки упорядочить и систематизировать трактовки, лежащие в основе различных национальных школ теории дискурса и различных направлений исследований [см.: 2; 3; 6; 9; 15; 18; 21; 25; 26] дали противоречивые результаты. Вариативность полученных классификаций, как в плане количества выделяемых подходов (от двух до восьми), так и в плане их сущностных черт, свидетельствует о том, что рассматриваемая исследовательская программа не поддается четкому отграничению ни в вертикальном (диахроническом), ни в горизонтальном (синхроническом) плане.

Не вдаваясь в полноценный анализ и сопоставление имеющихся типологий, отметим, что из всех предложенных классификаций нам наиболее близко деление, предложенное В.Е. Чернявской, выделившей два направления исследований по критерию объема понятия *дискурс*, под которым может подразумеваться, во-первых, конкретное коммуникативное событие, рассматриваемое в ситуационном контексте, и, во-вторых, совокупность текстов, описывающих определенный фрагмент действительности, некоторую ментальную сферу [21, с. 74–78].

При всей схематичности такого деления, в его пользу свидетельствует то, что оно подкрепляется типологиями на основе других критериев, а именно:

- типологией по критерию национальной школы – на англо-американскую и франко-немецкую, соответственно;
- делением по критерию типа модели анализа – формального или содержательного [3, с. 283].

Параллелизм приведенных типологий не может не свидетельствовать о том, что они отражают реально существующую структуру теории дискурса.

Из указанных двух подходов первый для нас неприемлем, т.к. при понимании дискурса как единичного, преимущественно, устного речевого произведения, рассматриваемого в совокупности с ситуацией его порождения и восприятия, снимается противопоставление дискурса, с одной стороны, и текста, с другой. Любой текст характеризуется такими категориями как интенциональность, ситуатив-

ность, адресованность, что оставляет за дискурсом лишь достаточно слабый дистинктивный признак устной формы фиксации. Очевидно, столь незначительное различие не оправдывает введение нового термина.

Напротив, второе из вышеприведенных пониманий снимает вопрос о разграничении терминов *дискурс* и *текст*, оправдывает введение нового понятия и открывает широкие перспективы для исследования, т.к. будучи качественно иной единицей анализа, дискурс «позволяет от текста, как относительно замкнутой сущности, идти в анализе к другим уже существующим или потенциально возможным текстам и дискурсам» [21, с. 76–77].

С указанной точкой зрения коррелирует и определение, данное Ю.С. Степановым, понимавшим под дискурсом «особое использование языка (...) для выражения особой ментальности (...), также особой идеологии; особое использование влечет активизацию некоторых черт языка и, в конечном счете, особую грамматику и особые правила лексики» [16, с. 38].

Здесь Ю.С. Степанов не только определяет понятие *дискурс*, но и описывает его структуру, в которой с очевидностью выделяется два уровня – глубинный (содержательный, когнитивный) и поверхностный (языковой). Аналогично представляется структура дискурса и Т. ван Дейку, оперирующему терминами *макроструктура* и *суперструктура*, соответственно [2].

Уровень макроструктуры, относящийся к когнитивному пространству дискурса, конституируется концептами, языковой манифестацией которых являются, прежде всего, лексические средства.

Уровень суперструктуры дискурса коррелирует с правилами порождения речевых произведений, относящихся к этому дискурсу – на уровне слова (морфология), предложения (синтаксис) и текста (грамматика текста).

В совокупности эти явления, которые Ю.С. Степанов охарактеризовал как «особая грамматика и особые правила лексики» [16, с. 38], выступают **маркерами** своего дискурса.

Необходимо отметить, что дискурсы существуют и функционируют не в изоляции, в четко заданных каждому пределах. Факт размытости границ, их подвижности во времени и привязки к конкретной социально-исторической среде предстает как лейтмотив,

визитная карточка дискурс-анализа, его особый вклад в теорию значения [15; 18; 19]. Итак, границы дискурсов оказываются подвижны во времени, но и в синхроническом плане они не являются жестко заданными в связи с тем, что:

- одна сфера действительности может обслуживаться рядом конкурирующих между собой дискурсов;

- дискурс представляет собой полевую структуру, при чем периферийные области являются местами контакта между смежными дискурсами, порождая естественную, объективную интердискурсивность;

- метафоричность человеческого мышления обуславливает самые неожиданные параллели, приводящие к установлению субъективных междискурсивных отношений.

Таким образом, как и основоположники дискурс-анализа [13], мы приходим к осознанию неизбежности интердискурсивности, обусловленной широким спектром причин как языкового, так и неязыкового характера. При этом, необходимо отметить, что интердискурсивность – многоаспектное явление, «зонтичное» понятие, включающее различные конкретные типы отношений, в которые могут вступать дискурсы [см. 1]. В фокусе настоящей статьи находится один из них, условно названный нами «потенциальная интердискурсивность», относящийся к преимущественно макроструктурно маркированным типам междискурсивных отношений.

В основе механизма потенциальной интердискурсивности лежит языковая природа знака, означающее которого может соотноситься с разными означаемыми. Именно на этом явлении делают акцент в своей теории дискурса Э. Лакло и Ш. Муфф [23]. Согласно исследователям, слову в целом свойственна многозначность, размытость и подвижность значения. И лишь попадая в тот или иной дискурс, оно получает однозначность за счет того, что включенность в отношения с другими элементами этого дискурса фиксирует его значение [18, с. 50–60].

Указанная многозначность или диффузность значения слова открывает ему возможность для вербализации разных концептов, участия в разных когнитивных структурах и, в конечном счете, разных дискурсах, становясь, таким образом, фактором интердискурсивности, иначе говоря, соприсутствия в тексте разных дискурсов, в

данном случае, материализующихся в одном многозначном слове. Вступая в различные отношения со своим окружением, слово вызывает в воспринимающем сознании различные когнитивные модели, относящиеся к различным дискурсам.

Примером данного вида потенциальной интердискурсности может служить полисемия *offer* в названии романа К. Коултер *An Honorable Offer*, являющаяся ключом к пониманию произведения. Серия вербализаций, относимых к дискурсу брака (*a gallant offer, noble benefactor, sacrificed husband, keep male honor, under protection, etc.*) являются актуализаторами значения «предложение руки из чувства долга». Перелом в сюжете маркируется сменой дискурса на деловой, маркерами которого выступают такие вербализации, как *agreement, to pay dearly, business offer, business arrangement, business agreement, honorable bargain, strike a bargain, benefit, etc.* В данном дискурсном окружении актуализируется другое значение искомого слова – «сделка, соглашение».

Однако не только слова могут выступать носителями потенциальной интердискурсности. Аналогичные отношения могут актуализироваться с помощью обыгрывания многозначности словосочетаний и целых предложений, способных реализовывать прямое и идиоматическое значения.

Отличительной чертой фразеологизма является невыводимость его значения из значений составляющих его элементов [5; 17]. В то же время, большое число таких выражений имеют омонимы в виде свободных сочетаний. Омонию снимает контекст, позволяющий определить, к какому дискурсу относится данное выражение и, соответственно, какое из возможных значений, таким образом, фиксируется. Однако в некоторых случаях возможно сохранение многозначности. Данное явление описывается в лингвистической литературе в терминах *дефразеологизации*, под которой понимается «восстановление реального смысла устойчивого сочетания и реальных связей его компонентов в определенной ситуации с привычным лексическим окружением при сохранении или обогащении образно-переносного значения фразеологизма. Это двуплановость устойчивого сочетания, совмещение, органическое соединение двух значений – прямого (воскрешенного) и образно типизированного, переносного» [14, с. 115]. В то же время, нельзя не

отметить, что понятие дефразеологизации шире, чем рассматриваемое нами явление, и включает также такие проявления, как:

- нарушение канонической формы фразеологизма [20];
- автономизация компонентов фразеологизма, развивающих собственные значения [11].

Поэтому ряд исследователей [4; 7; 8; 10] предпочитают оперировать термином *двойная актуализация*, которая рассматривается как частный случай дефразеологизации. Данное терминологическое обозначение, несомненно, представляется более точным, описывая ситуацию, при которой в определенном контексте актуализируются сразу оба значения определенного словосочетания – прямое и переносное, относящиеся к разным дискурсам.

Двойная актуализация становится возможной благодаря наличию у фразеологизма внутренней формы и существованию в языке свободного словосочетания, лежащего в основе фразеологической единицы. При двойной актуализации происходит буквализация фразеологизма или его фрагмента.

В семантическом плане двойная актуализация представляет собой двухэлементную структуру, включающую конвенциональное фразеологическое значение и лексические значения компонентов фразеологизма.

Хотя указанные значения имеют общий план выражения, в структурном отношении также можно вести речь о двусоставности данного явления, т.к. оба значения должны поддерживаться контекстом, т.е. сопровождаться своими актуализаторами, вызывающими в воспринимающем сознании соответствующие фреймы и дискурсы.

В зависимости от типа преобразования семантики фразеологизма Е.М. Дубинский выделяет четыре типа двойной актуализации – делимитирующий, антонимический, аддитивный и динамический [4].

Однако первые два типа отношений сопровождаются трансформацией плана выражения, т.о. новое значение не может считаться заложенным в исходную форму. С точки зрения потенциальной интердискурсности интерес представляют лишь аддитивный и динамический типы двойной актуализации, оставляющие план выражения фразеологизма неприкосновенным.

Первый из них подразумевает, что «элементы двойной актуализации соплагаются в приеме, но они не имеют общих смысловых

компонентов» [4, с. 10]. Речь идет о гетерогенной информации, о ничем не связанных денотатах, которые искусственно сводятся вместе.

В качестве иллюстрации можно привести целую главу из романа Н. Джастера "Milo and his magic toll booth". Глава эта называется "Short Shrift", каковое выражение имеет идиоматическое значение – несправедливый и скорый приговор, «быстрая расправа» [23, с. 969]. Занимая сильную позицию заглавия, выражение не может не привлечь к себе внимания. А поскольку одна из составляющих его лексем – *shrift* – лишена самостоятельного лексического значения [22; 24], словосочетание не может быть истолковано иначе как фразеологизм. Это, казалось бы, единственно возможное решение подвергается сомнению в первых же строках главы, в которой речь идет о полицейском офицере по фамилии Шриффт (Shrift), отличающемся низким ростом, что заставляет переосмыслить данный заголовок и проинтерпретировать его буквально как «Коротышка Шриффт». Все же, по мере чтения, контекст возвращает читателя к исходной фразеологической интерпретации. Актуализаторами выступают *judge, sentence, prison, dungeon, cell* и другие концепты правового дискурса. Следует отметить, что капитализация всех полных слов в заголовке является нормой письменной речи в английском языке и написание *Shrift* с заглавной буквы не указывает на то, что это слово является именем собственным, таким образом, оба прочтения оказываются вполне правомерными, имеющими свои актуализаторы.

Динамический тип двойной актуализации основывается на семантическом развитии значения фразеологизма, которое подкрепляется другими языковыми единицами, связанными с ним смысловыми отношениями. В структурном плане динамический тип требует большей развернутости и создается последовательностью актуализаторов, связанных с лексическим значением компонентов фразеологизма. Таким образом, актуализируемое изначально переносное значение постепенно вымещается буквальным [4, с. 10–11].

Иллюстрацию данного типа потенциальной интердискурсивности находим в нижеследующем примере:

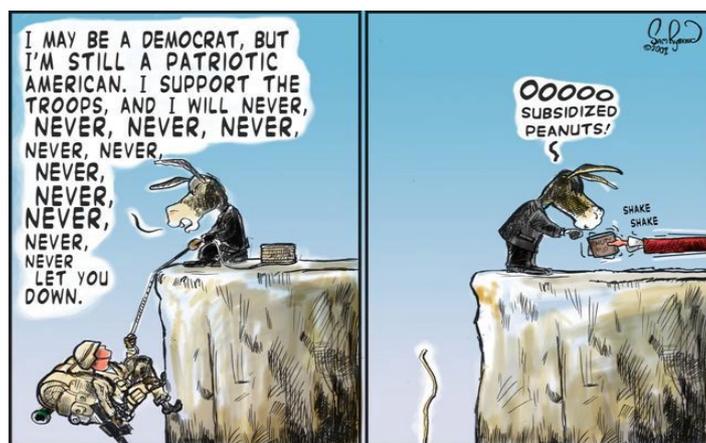
"Well," said the boy, "in my family everyone is born **in the air**, with his head at exactly the height it's going to be when he's an adult, and then we all **grow toward the ground**. When we're fully **grown up** or, as

you can see, **grown down**, our **feet** finally **touch**. Of course, there are a few of us whose **feet never reach the ground** no matter how old we get, but I suppose it's the same in every family." (Juster)

Пример интересен тем, что в нем переосмысливается ряд идиом, значения которых оказываются взаимосвязанными, а именно, поставленными в отношении контраста. Здесь противопоставляются два состояния – «подвешенности в воздухе», неопределенности, с одной стороны, и стояния на твердой почве, с другой. Помимо этих идиоматических значений возможно также прочтение оппозиции как витание в облаках vs. приземленность. В то же время, эти выражения актуализируют и свое буквальное значение за счет введения актуализаторов *height*, *grown up*, *grown down*.

Следует особо подчеркнуть, что фразеологические единицы реализуют явление интердискурсивности лишь при одновременной актуализации двух значений, заложенных в свою языковую форму – переносного фразеологического и буквального лексического. Рассматривая фразеологические единицы с точки зрения порождаемого ими юмористического эффекта Л.В. Орлецкая описывает эту двуплановость фразеологизмов как «несоответствие между стереотипным представлением об описываемой ситуации и представлением, соответствующим интерпретации этой ситуации говорящим» [12, с. 7]. Одним из механизмов этого приема является столкновение двух фреймов, относящихся к сферам реального и нереального, соответственно. Однако конфликт этих заложенных во фразеологизм значений присутствует лишь как потенция, и требует активации контекстом, т. к. идиоматическое значение, в силу своей устойчивости и фиксированности, сразу актуализируется в воспринимающем сознании, не позволяя полноценного переключения на иной дискурс.

Актуализаторами альтернативного значения являются сильные, однозначные маркеры данного дискурса. В вышеприведенных примерах такими маркерами выступали вербализации ядерных для дискурса концепты. Однако маркером дискурса может быть и невербальный компонент в случае поликодового текста.

В данном тексте, относящемся к жанру политической каррикулы, вербальный код актуализирует лишь одно значение *to let down* – «подводить кого-то». И только наличие невербального компонента делает возможным буквальное прочтение оборота – «бросать, отпустить».

Подводя итог нашему рассуждению, еще раз подчеркнем, что проиллюстрированная выше потенциальная дискурсная гетерогенность заложена в самой языковой системе, допускающей многозначность знака, репрезентирующего разные концепты в зависимости от своего дискурсного окружения. Данный вид междискурсных отношений, материализующийся в виде каламбуров, основанных на двойной актуализации, является частным случаем многоаспектного явления дискурсной гетерогенности текста, которая может носить, как естественный, так и намеренно смоделированный характер.

Список литературы

1. Белоглазова Е.В. К вопросу о создании таксономии междискурсных отношений // Язык в парадигмах гуманитарного знания. – СПб.: СПбГУЭФ, 2009. – С. 137–49.
2. Дейк ван Т.А. Анализ новостей как дискурса // Язык. Познание. Коммуникация. – М.: Прогресс, 1989. – С. 111–160.
3. Демьянков В.З. Доминирующие лингвистические теории в конце XX века // Язык и наука конца 20 века. – М.: Институт языкознания РАН, 1995. – С. 239–320.
4. Дубинский Е.М. Лингвостилистические особенности двойной актуализации фразеологических единиц: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1985. – 24 с.
5. Жуков В.П. Русская фразеология. – М.: Высшая школа, 1986. – 143 с.

6. Кубрякова Е.С. О понятиях *дискурс* и *анализ дискурса* в современной лингвистике // *Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты: сб. обзоров.* – М.: РАН ИНИОН, 2000. – С. 7–25.
7. Кузьмин С.С. Идиоматический перевод с русского языка на английский (теория и практика). – М.: Флинта, Наука, 2006. – 334 с.
8. Куклина И.Н. Явление фразеологизации и дефразеологизации в языке современной прессы: дис. ... канд. филол. наук. – М., 2006. – 251 с.
9. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. – М.: Гнозис, 2003. – 280 с.
10. Мелерович А.М. Мокиенко В.М. Фразеологизмы в русской речи. – М.: Русские словари, 1997. – 863 с.
11. Назарян А.Г. Фразеология современного французского языка. – М.: Наука, 1987. – 198 с.
12. Орлецкая Л.В. Фразеологизмы как средство создания юмористического эффекта в тексте: Автореферат дис. ... канд. филол. наук. – М., 1994. – 24 с.
13. Пешё М. Прописные истины. Лингвистика, семантика, философия. // *Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса.* – М: Прогресс, 1999. – С. 225-290.
14. Попова Л.В. О дефразеологизации устойчивых сочетаний // *Проблема устойчивости и вариативности фразеологических единиц.* – Вып. 1. – Тула, 1968.– С. 115–120.
15. Серио П. Как читают тексты во Франции // *Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса.* – М: Прогресс, 1999. – С. 12–53.
16. Степанов Ю.С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности // *Язык и наука конца XX века.* – М.: Изд-во РГГУ, 1995. – С. 35-73.
17. Телия В.Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 288 с.
18. Филлипс Л. Дж., Йоргенсен, М.В. Дискурс-анализ. Теория и метод. – Х: Изд-во Гуманитарный центр, 2004. – 352 с.
19. Фуко М. Археология знания. – Киев: Ника-Центр, 1996. – 206 с.
20. Шанский Н.М. (ред.) Стилистика русского языка: учеб. пособие. – Л.: Просвещение, ЛО, 1982. – 286 с.
21. Чернявская В.Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого взаимодействия. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 136 с.
22. Cambridge Advanced Learner's Dictionary // <http://dictionary.cambridge.org>
23. Laclau, E.; Mouffe, C. Post-Marxism without apologies / E. Laclau, C. Mouffe // *New reflections on the revolution of our time* [Текст]. – London, 1990. – P. 97–132.
24. Longman Dictionary of Contemporary English. – Т. 2. – М.: Рус. яз., 1992.– 1229 с.
25. McHoul A. Discourse // *The Encyclopedia of Language and Linguistics.* – New York/Aberdeen: Pergamon Press / University of Aberdeen Press, 1991. – P. 940–949.
26. Slembrouck S. What is meant by "discourse analysis"? // URL: <http://bank.ugent.be/da/da.htm> (дата обращения: 10.05.2009).

Е. А. Бородавкина

E. A. Borodavkina

**Объективная модальность как инструмент
манипулятивного воздействия в политическом дискурсе**

**Objective modality as a device
of manipulative influence in the political discourse**

В статье модальность политического дискурса рассматривается как идеологический аспект, моделирующий особую реальность. Центральное место занимает объективная модальность, которая влияет на её субъективную реализацию в речи оратора. Объективная модальность рассматривается как инструмент манипулятивного воздействия на сознание членов политической общности с целью формирования новой политической реальности.

The article deals with the study of modality of the political discourse as ideological aspect modeling specific reality. The central place belongs to objective modality which influences its subjective realization in speech. Objective modality is described as a device of manipulative influence on the minds of the political unity aiming at the creation of the new political reality.

Ключевые слова: политический дискурс, политическая реальность, воздействие, картина мира, объективная модальность, субъективная модальность.

Key words: political discourse, political reality, picture of the world, objective modality, subjective modality.

Одной из важнейших функций политической коммуникации является регулирование человеческого поведения, воздействие партнеров по общению друг на друга с целью достижения запланированного адресантом результата. «Общественное предназначение политического дискурса состоит в том, чтобы внушить адресатам – гражданам сообщества – необходимость «политически правильных» действий и/или оценок. Иначе говоря, цель политического дискурса – не описать (то есть, не референция), а убедить,

пробудив в адресате намерения, дать почву для убеждения и побудить к действию» [4, с. 32].

Установка на воздействие в принципе присуща любому тексту. В рамках когнитивно-прагматического подхода язык рассматривается как средство осуществления определённых типов действия и воздействия на партнёров по коммуникации [1, с. 325]. Анализируя особенности использования языка ораторами в текстах политических выступлений, «мы обнаруживаем не просто лингвистические особенности речи (текстов речей докладчиков), но целый своеобразный ментальный мир с особенностями его идеологии» [7, с. 20]. В языке этот особый мир – «возможный (альтернативный) мир» [11, с. 38] – реализуется через категорию модальности, которая «в сущности есть категория, управляющая процессом интерпретации высказывания, то есть процессом определения места мира интерпретации в структуре множества возможных миров» [5, с. 226].

Модальность политического дискурса – это идеологический аспект, моделирующий особую реальность. Функциональным назначением модальности, как одной из коммуникативных категорий, по определению Н.А. Кобриной, является «выражение субъективного начала при выражении объективной реальности» [6, с. 90–100]. А употребление данной категории в политическом дискурсе наряду с другими модусными категориями является «результатом окказиональной, продуманной тактики, такие как политическая корректность, этикетность, ориентированность на возраст и социальное положение, а так же приукрашивание, упрощение и др.» [там же].

Рассматривая категорию модальности с точки зрения когнитивной лингвистики, можно сделать вывод о том, что объективная и субъективная модальности не противопоставляются, а предполагают и обуславливают друг друга. Мир не даётся человеку непосредственно, он создается и интерпретируется им. Я – это инструмент интерпретации. В результате интерпретации создаётся определённая картина мира, в том числе, и политической реальности, которая внедряется в сознание членов политической общности.

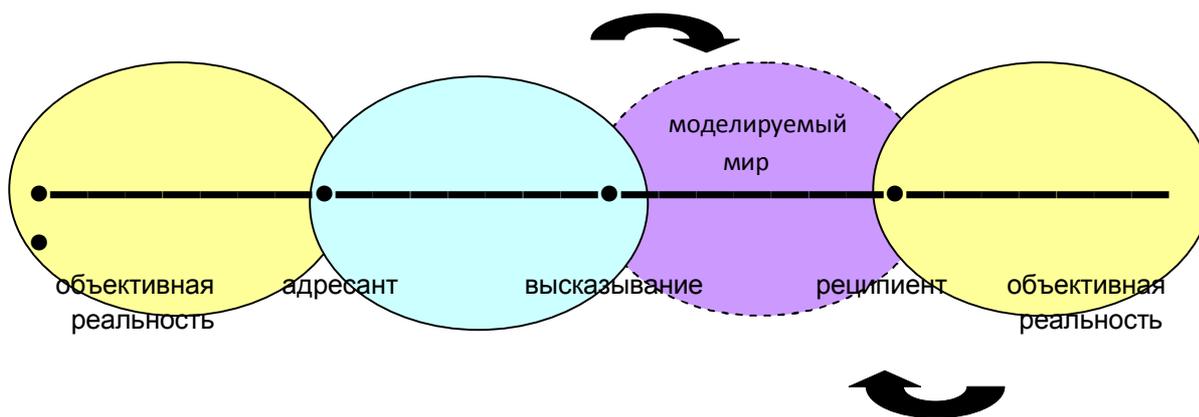
Способность языка создавать иллюзии и конструировать особую реальность обусловлена объективными и субъективными факторами. «Проблема не в исключении одного из этих

противоположно направленных движений мысли, а в их уравнивании, в таком сочетании объективации и субъективации мысли, которое требуется исторически конкретными условиями человеческого существования» [12, с. 835–836].

«Объективная причина заключается в относительном характере нашего знания о мире < ... >Наивное познание, закреплённое словесными суррогатами, создаёт картину мира, не вполне соответствующую реальности < ... >Субъективный фактор связан с сознательным искажением реальности» [13, с. 40]. Объективная модальность является средством воздействия на реципиента для достижения запрограммированной в конкретном речевом сообщении цели посредством создания эффекта объективности выраженной точки зрения автора и, как следствие, получение в результате одобрения и поддержки действий политического лидера по удержанию или завоеванию власти. «Во взаимодействии языкового текста и языкового сознания его интерпретаторов, опосредованном интерпретационной деятельностью, кроется, как кажется, динамика процесса становления культурных ценностей и норм – явление в высшей степени значимое с точки зрения социальных изменений». [10, с. 35].

Необходимо подчеркнуть зависимость субъективного от объективного и решающее значение объективного для понимания субъективного. Поэтому можно говорить о субъективно-объективной модальности политического дискурса.

Как уже отмечалось, формирование картины мира обусловлено как субъективными, так и объективными факторами. А модальность является инструментом формирования картины мира. Поскольку модальность устанавливает отношение действительность – субъект – высказывание, объективность присутствует в отношении действительность – субъект, а субъективность определяет отношение субъект – высказывание. Это можно представить в виде следующей схемы:

Данная схема демонстрирует, что процесс формирования нового когнитивного состояния реципиента обусловлено, с одной стороны, тем воздействием, которое оказывает автор высказывания, а с другой стороны, объективной реальностью.

Для политического дискурса характерно использование различных средств выражения модальности. Модальность политического дискурса – это действенный инструмент воздействия на аудиторию.

Основными концептами, которые активизируются модальными модификаторами в политическом дискурсе, являются «воля» – *volition*, «долг» – *obligation*, «способность» – *ability*, «необходимость» – *necessity*, «prediction» – предсказание. На периферии находятся «возможность» – *possibility*, «вероятность» – *probability*.

Концепты «воля» и «долг» смыкаются с базовым концептом политического дискурса «власть». Власть – «способность и возможность оказывать определяющее воздействие на деятельность, поведение людей с помощью каких-либо средств – воли, авторитета, права, насилия» [2]. Г. Ласвелл отмечает, что «Слова и власть тесно связаны между собой, поскольку показатели власти во многом носят вербальный характер...» [8, с. 264–279]. Следовательно, язык политики – это язык власти. «Наиболее сильным орудием управления язык становится тогда, когда он используется с позиций власти» [3, с. 42]. В речи отражаются общественные отношения. Разница во взглядах, в статусе требует различных средств выражения. Если оратор считает, что аудитория встретит сообщение с пониманием, он придаст сообщению соответствующую модальную окраску, а именно, во главу угла будет поставлено указание на необходимость каких-либо действий, будет звучать призыв к реализации

этой необходимости, что определяет лейтмотив такой речи, который выражается в использовании модальности долженствования.

В политическом дискурсе употребление модальных модификаторов со значением долженствования имеет свою специфику. Демократические процессы в обществе требуют иных языковых средств выражения долженствования: от прямого давления к воздействию на реципиента на рациональном, эмоциональном и чувственном уровне.

Анализ средств выражения субъективной и объективной модальности в текстах выступления Тони Блэра, посвящённых борьбе с терроризмом, подтверждает гипотезу об использовании модальных модификаторов для объективизации точки зрения автора. Объективная модальность выражена модальными глаголами *must*, *have to*, *should*, *need to*.

What we are confronting here is an evil ideology.

It is not a clash of civilizations – all civilized people, Muslim or other, feel revulsion at it. But it is a global struggle and it is a battle of ideas, hearts and minds, both within Islam and outside it.

This is the battle that must be won, a battle not just about the terrorist methods but their views. Not just their barbaric acts, but their barbaric ideas. (Конференция Лейбористской партии 16 июля 2005 года)

Как отмечает оратор, борьба с терроризмом – это задача всего человечества: *'all civilized people'*, *'a global struggle'*. Глагол ***must*** в сочетании с пассивным инфинитивом указывает на объективную природу необходимости действия.

Показательно употребление в качестве подлежащего местоимения ***we***: оратор не принуждает слушателей поступать определённым образом, а разделяет с ними бремя ответственности. Употребление в качестве подлежащего собирательных существительных или деперсонализация агенса действия также является эффективным приёмом воздействия на аудиторию: необходимость действий обусловлена не интересами отдельного политика, а продиктована внешними факторами, то есть объективной реальностью.

Далее, говоря о необходимости принятия жёстких мер внутри страны, Тони Блэр употребляет модальный глагол ***must*** в значении долженствования. В качестве подлежащего вновь выступает местоимение ***we***: этот призыв к нации имеет лозунговый характер.

С одной стороны, употребление модального глагола побудительно-го значения способствует активизации роли адресата, а с другой стороны, подчёркивается единство интересов всей нации. Эта борьба также необходима в рамках всего мирового сообщества, но для выражения этой необходимости оратор употребляет **should**, то есть в смягчённой форме выражает целесообразность действий.

We must pull this up by its roots. Within Britain, we must join up with our Muslims community to take on the extremists. Worldwide, we should confront it everywhere it exists.

Употребляя **need to** в заключительной части своего выступления, премьер-министр указывает на то, что предпринимаемые меры борьбы с террористами отвечают интересам всех людей, организаций, стран.

Round the world, there are conferences already being held, numerous inter-faith dialogues in place but we need to bring all of these activities together and give them focus.

Таким образом, значение необходимости и долженствования в политическом дискурсе связано не столько с выражением собственного отношения говорящего к действию, сколько неким независимым от говорящего, но включающим субъект предложения источником необходимости. Роль оратора сводится, в основном, к описанию такого положения вещей, которое вынуждает субъекта поступать так, а не иначе. Можно говорить об убеждённости говорящего в достоверности своего высказывания по признаку «объективность», что, несомненно, предполагает направленность на реализацию объективной модальности.

Особое значение в политическом дискурсе имеет система взглядов, убеждений, мнений, знаний реципиента. «Если поступающая информация создаёт для слушающего ситуацию когнитивного дискомфорта, противоречит его ценностным установкам, она может восприниматься как имеющая невысокий эпистемический статус (в конце концов, это только его мнение, он, скорее всего, ошибается), либо вообще отторгается как заведомо ложная (не может быть, ни за что не поверю и т. п.)» [9, с. 107]. Поэтому особую роль приобретает стратегия изложения. Говорящий разграничивает утверждения знания и мнения: сначала факты, затем выводы, интерпретация. Целью оратора будет убедить, привести доказатель-

ства позитивного или негативного развития ситуации. В таком случае слушающему легче делать выводы: «факты убедительные – оценка правильная».

Существование действительного мира является объективной реальностью, то есть действительный мир выступает в качестве критерия истинности пропозиции [5, с. 220]. Истинность или ложность индикативного высказывания определяется комплексом представлений адресата о действительном мире и его коммуникативной готовностью согласиться с говорящим. Поэтому если адресат обладает знанием, противоречащим высказанной пропозиции, то истинность высказывания может подвергнуться сомнению. Именно этот момент является значимым для политического дискурса. Эффективность ораторского выступления, очевидно, будет также определяться, исходя из того, какие факты приводит говорящий для подтверждения своей точки зрения, и насколько истинной является содержащаяся в выступлении информация.

В текстах политических речей ораторы широко используют как сообщения с констатацией общих истин, так и сообщения, содержащие частную информацию.

В своём выступлении 8 апреля 2004 перед Комиссией по расследованию терактов 11 сентября госсекретарь США Кондолиза Райс многократно обращается к фактам истории, чтобы убедить аудиторию в том, что США не являются воинствующей державой, а вынуждены давать отпор террористам. Оратор упоминает как недавние события, свидетелями которых стали все американцы, так и события начала и середины XX века, что служит дополнительным подтверждением правильности действий США.

The terrorist threat to our nation did not emerge on September 11th, 2001. Long before that day, radical, freedom-hating terrorists declared war on America and on the civilized world: the attack on the Marine barracks in Lebanon in 1983; the hijacking of the Achille Lauro in 1985; the rise of al-Qaida and the bombing of the World Trade Center in 1993; the attacks on American installations in Saudi Arabia in 1995 and 1996; the East Africa (embassy) bombing of 1998; the attack on the USS Cole in 2000. These and other atrocities were part of a sustained, systematic campaign to spread devastation and chaos to murder innocent Americans.

Данная информация является истинной и, соответственно, адекватно воспринимается аудиторией. Оратор подкрепляет идею своего высказывания субъективной оценочной лексикой: террори-

сты и их действия характеризуются словами *atrocities, devastation and chaos, to murder*; американцы – *innocent Americans*.

Госсекретарь отмечает, что Америка на протяжении новой истории придерживалась политики ненасилия (*this country simply was not on war footing*), а предпринятые военные операции были продиктованы внешними обстоятельствами:

The terrorists were at war with us, but we were not yet at war with them. For more than 20 years, the terrorist threat gathered, and America's response across several Administrations of both parties was insufficient. < ... > Despite the sinking of the Lusitania in 1915 and continued German harassment of American shipping, the United States did not enter the First World War until two years later. Despite Nazi Germany's repeated violations of the Versailles Treaty and provocations throughout the mid-1930s, the Western democracies did not take action until 1939. The U.S. government did not act against the growing threat from Imperial Japan until it became all too evident at Pearl Harbor. And, tragically, for all the language of war spoken before September 11th, this country simply was not on war footing.

Факты, излагаемые оратором, могут быть противоречивыми. Но и в этом случае выступающий настаивает на своей правоте и старается убедить аудиторию.

It is true that Saddam Hussein had a history of pursuing and using weapons of mass destruction. It is true that he systematically concealed those programs, and blocked the work of U.N. weapons inspectors. It is true that many nations believed that Saddam had weapons of mass destruction. But much of the intelligence turned out to be wrong. As your President, I am responsible for the decision to go into Iraq. Yet it was right to remove Saddam Hussein from power.

(George W. Bush: Address to Nation on Iraq War Progress 18 December 2005)

Употребляя ***It is true***, оратор не оставляет слушателям возможности дать собственную оценку ситуации, а настаивает на единственной собственной интерпретации. И хотя Президент публично признаёт, что многие данные о наличии оружия массового уничтожения в Ираке оказались ложными, он утверждает правильность начала военных действий в Ираке. Президент берёт на себя ответственность за вторжение в Ирак – *I am responsible*, что, с одной стороны, является выражением субъективной модальности, а, с другой стороны, употребление в качестве агенса местоимения *it* и глагола-сказуемого в индикативе придаёт всему высказыванию объективность.

Как уже отмечалось, ссылки на авторитетные источники, цитирование слов известных и пользующихся уважением личностей, как

исторических, так и современников, являются эффективным средством воздействия на слушателей на рациональном и эмоциональном уровне.

В своём выступлении в Каире 4 июня 2009 года Барак Обама неоднократно обращается к тексту Корана, священной книге для каждого мусульманина, убеждая тем самым аудиторию, что курс нового американского правительства не противоречит ценностям исламского мира, а наоборот, видит в нём соратника в борьбе с терроризмом.

As the Holy Koran tells us, "Be conscious of God and speak always the truth." That is what I will try to do – to speak the truth as best I can, humbled by the task before us, and firm in my belief that the interests we share as human beings are far more powerful than the forces that drive us apart.

Президент берёт на себя обязательство следовать правилу, изложенному в Коране, выражая своё намерение при помощи *I will*, и подкрепляя его выражением со значением очевидности *firm in my belief*. При этом подчёркиваются общие интересы Америки и мусульманского мира – *the interests we share as human beings*.

Оратор также приводит слова второго Президента Америки, которые подтверждают отсутствие враждебности Американской нации по отношению к мусульманам.

I know, too, that Islam has always been a part of America's story. The first nation to recognize my country was Morocco. In signing the Treaty of Tripoly in 1796, our second President John Adams wrote, "The United States has in itself no character of enmity against the laws, religion or tranquility of Muslims."

Далее оратор говорит о вкладе представителей мусульманского мира в развитие Америки, называя наиболее значимые ценности для каждого американца: гражданские права, вопросы бизнеса, спорт и др. Завершая эту часть выступления, выступающий упоминает наиболее авторитетного человека в истории этой страны – Томаса Джефферсона. У слушателей, в данном случае мусульманских студентов, создаётся впечатление преемственности американской политики в отношении Исламского мира.

And since our founding, American Muslims have enriched the United States. They have fought in our wars, served in government, stood for civil rights, started business, taught at our Universities, excelled in our sports arenas, won Nobel Prizes, built our tallest building, and lit the Olympic Torch. And when the first Muslim-American was recently elected to Congress, he took the oath to defend our Consti-

tution using the same Holy Koran that one of our Founding Fathers – Thomas Jefferson – kept in his personal library.

Всего Барак Обама в этом выступлении трижды ссылается на Коран, один раз на Талмуд, один раз на Библию, тем самым воздействуя на эмоциональную сферу слушателей. Трёхкратное упоминание президентов (дважды – Томаса Джефферсона) призвано повлиять на рациональное восприятие его речи. Обращение к общим истинам также подтверждает основную мысль выступления: Америка и мусульмане не враги.

We are shaped by every culture, drawn from every end of the Earth, and dedicated to a simple concept: E pluribus unum: "Out of many, one."

There is also one rule that lies at the heart of every religion – that we do unto others as we would have them do unto us.

Если оратору необходимо высказать собственное мнение, это также будет сделано, исходя из перлокутивной силы высказывания: мнение будет излагаться с подчёркнуто максимальной уверенностью в пропозиции содержания, либо будет завуалировано при помощи модальных модификаторов, выражающих проблематическую возможность существования связи между объектом и его признаком.

В политическом дискурсе глагол **will** занимает ведущее положение среди модальных модификаторов. Это объясняется прагматикой политического дискурса: оратор говорит о будущем нации, страны, мира и берёт на себя обязательства относительно этого будущего. Так осуществляется воздействие на аудиторию и привлечение её на свою сторону: народ хочет знать, что его ожидает в будущем и кто приведёт его к этому будущему (или предотвратит негативные последствия). В речи Д. Буша 18 декабря 2005 года по поводу первых демократических выборов в Ираке оратор многократно использует **will**: 21 раз из 45 случаев использования модальных глаголов. Возникает некоторая «перегруженность» данным глаголом, что отвечает прагматической установке речи: внушить аудитории правильность своих действий в Ираке. Употребление данной лексемы в параллельных конструкциях усиливает эффект воздействия.

The success of free government in Iraq is vital for many reasons. A free Iraq is vital because 25 million Iraqis have as much right to live in freedom as we do. A free Iraq will stand as an example to reformers across the Middle East. A free Iraq will

show that America is on the side of Muslims who wish to live in peace, as we have already shown in Kuwait and Kosovo, Bosnia and Afghanistan. A free Iraq will confirm to a watching world that America's word, once given, can be relied upon, even in the toughest times.

Употребление 'A free Iraq' в качестве подлежащего призвано создать убеждение, что военные действия США в Ираке были в интересах иракцев. Оратор также упоминает другие «горячие точки», где США принимали участие во внутренних конфликтах, при этом умалчивая тот факт, что эти территории так и не стали мирными и безопасными.

Предсказываемое развитие ситуации может иметь позитивный эффект для реципиента – в этом случае **will** имеет оттенок обещания; если предсказываются негативные последствия – **will** приобретает оттенок угрозы.

Over the last several decades, we've seen that any concession or retreat on our part will only embolden this enemy and invite more bloodshed.

Оратор указывает на прямую угрозу дальнейшего кровопролития, если американские войска покинут Ирак. То есть, военные действия, проводимые американской стороной, избавляют иракцев от этой угрозы. Одновременно, звучит обещание демократических преобразований, которые ожидают страну. Эти преобразования неотделимы от деятельности Америки в этой стране.

The United States, and all the nations of our coalition, will establish normal diplomatic relations with the Iraqi government. An American embassy will open, and an American ambassador will be posted.

According to the schedule already approved by the Governing Council, Iraq will hold elections for a national assembly no later than next January. That assembly will draft a new, permanent constitution which will be presented to the Iraqi people in a national referendum held in October of next year. Iraqis will then elect a permanent government by December 15, 2005 – an event that will mark the completion of Iraq's transition from dictatorship to freedom.

В следующем абзаце выступления выступающий употребляет **will** для выражения не гипотетичности, а знания:

We're approaching a new year, and there are certain things all Americans can expect to see. We will see more sacrifice – from our military, their families, and the Iraqi people. We will see a concerted effort to improve Iraqi police forces and fight corruption. We will see the Iraqi military gaining strength and confidence, and the democratic process moving forward. As these achievements come, it should require

fewer American troops to accomplish our mission. I will make decisions on troop levels based on the progress we see on the ground and the advice of our military leaders – not based on artificial timetables set by politicians in Washington. Our forces in Iraq are on the road to victory – and that is the road that will take them home.

С одной стороны, конструкция *'We will see'* характеризуется субъективностью, поскольку выражает прогноз со стороны говорящего (эпистемическая модальность). С другой стороны, это прогнозирование основано на объективной закономерности: при определённых условиях (первые демократические выборы в Ираке) события будут развиваться именно так (становление и укрепление государственности). Кроме того, употребление местоимения *'we'* также создаёт эффект объективности: эти события являются значимыми для всех, американцев и иракцев. И вновь президент берёт на себя ответственность за действия американских войск в Ираке: *'I will make decisions'*.

Таким образом, эффективность политического дискурса зависит от того, насколько убедительным был оратор, сумел ли он внушить аудитории необходимость определённых действий и оценок, побудил ли слушателей к решениям и действиям в интересах данной политической силы. Текстовая модальность присуща целому тексту, а отдельные высказывания модально-окрашены с тем, чтобы реципиент был подготовлен к восприятию субъективно-модального значения целого текста. Центральное место занимает объективная модальность, которая влияет на её субъективную реализацию в речи оратора. Формируется модель убеждения, во главе которой – концепт объективности.

В условиях возможного когнитивного дефицита политик моделирует реакцию людей, как на знакомые, так и на новые, непонятные социально-политические ситуации. С этой целью оратор прибегает к приёму «объективации высказывания», то есть личностная оценка преподносится как объективно-существующее, необходимое, возможное или желательное состояние дел. Поэтому объективную модальность можно определить как инструмент манипулятивного воздействия на сознание людей.

Список литературы

1. Базылев В.Н. Политический дискурс: когнитивное моделирование // Концептуальное пространство языка. Тамбов, 2005. – 492 с.
2. Большой энциклопедический словарь [электронный ресурс <http://www.vedu.ru/BigEncDic/11491>] (дата обращения 16/11/2011)
3. Быкова О.Н. Опыт классификации приёмов речевого манипулирования в текстах СМИ // Речевое общение. Вестник Российской риторической ассоциации. Вып. 1(9). Красноярск, 2000. – С. 42–52.
4. Демьянков В. З. Политический дискурс как предмет политологической филологии // Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования. – М.: 2002, № 3. – С. 32-43.
5. Зеленщиков А. В. Пропозиция и модальность. – СПб., СПбГУ, 1997. – 244 с.
6. Кобрин О.А. Модусные категории как способы выражения субъективного отношения человека к высказыванию // Вопросы когнитивной лингвистики. – №2. 2006. – С. 90–100.
7. Кожина М. Н. Дискурсный анализ и функциональная стилистика с речеведческих позиций // Текст – Дискурс – Стилль: Сборник научных статей. – СПб.: СПбГУЭФ, 2004. – С. 9–33.
8. Лассвелл Г. Язык власти // Политическая лингвистика. – Вып. 20. – Екатеринбург, 2006. – С. 264–279.
9. Методология исследований политического дискурса. Актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов / под ред. И.Ф. Ухванова-Шмыгова. – Минск: БГУ. Вып. 1. – 1998. – 283 с.
10. Дридзе Т.М. Логика рассуждений и логика изложений в организации текста (на материале ораторской речи) // Смысловое восприятие речевого сообщения» (в условиях массовой коммуникации) АН СССР Институт языкознания, отв. редакторы Т.М. Дридзе, А.А. Леонтьев. – М.: Наука, 1976. – 263 с.
11. Степанов Ю. С. Альтернативный мир. Факт и принцип. Причинности // Язык и наука конца XX века. Рос. АН, Ин-т языкознания РАН, Рос. Гос. гуманитар. ин-т, – М.: РГГУ, 1995. – 420 с.
12. Философия. Энциклопедический словарь / под ред. Ивина А. А. – М.: Гардарики. 2006. – 1072 с.
13. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. – М.: Перемена, 2000. – 367 с.

Источники

14. In speech in Cairo, Barack Obama seeks 'common ground' with Islam. 6/4/2009. –URL: www.politico.com/news/stories/0609/23334.html (дата обращения 12.07.2011).
15. The New York Times / Politics. April 8, 2004. – URL: www.nytimes.com/2004/04/08/politics/08RICE-TEXT.html (дата обращения 12.07.2010).
16. The New York Times / Politics December 18, 2005. – URL: www.nytimes.com/2005/12/18/politics/18bush.html (дата обращения 26.04.2010).
17. The New York Times / Politics. July 16, 2005 www.nytimes.com/2005/07/16/international/europe/17text-blair.html (дата обращения 26.04.2009).

И. Б. Руберт, О. Н. Морозова
I. B. Rubert, O. N. Morozova

**Политическая интернет-реклама
как регулятивный тип дискурса**

Political internet advertising as a regulatory type of a discourse

Предметом статьи является политическая интернет-реклама, которая на основе ее коммуникативно-прагматической установки, рассматривается как регулятивный тип дискурса. Выделяются и анализируются три группы языковых средств, направленных на актуализацию регулятивной установки этого типа дискурса.

The subject of the article is the online political advertising, which on the basis of its communicative and pragmatic setting, is considered as a regulatory type of discourse. The authors analyze three sets of linguistic resources, aimed at updating the regulatory setting in this type of a discourse.

Ключевые слова: политическая интернет-реклама, регулятивный тип дискурса, коммуникативно-прагматическая установка, поликодовый текст.

Key words: online political advertising, regulatory type of discourse, communicative and pragmatic setting, poly-code text.

По степени интенсивности воздействия политическая интернет-реклама представляют собой сильную прагматическую разновидность, так как именно в этом типе дискурса преобладают достаточно сильные формы воздействия. Кроме того, она характеризуется наличием очевидной субъективной оценочности, преимущественно эксплицитного характера, обилием как рассудочных, так и эмоциональных средств воздействия.

Как и любой вид человеческой деятельности, политическая реклама целенаправленна и поэтому роль категории прагматики представляется здесь определяющей. Основным фактором по отношению к прагматике, или, точнее, к реализации этой категории

в каждом конкретном дискурсе, влияющим на отбор слов, грамматических конструкций и стилистических приёмов, служащих в этом типе дискурса средствами воздействия, является прагматическая установка. Именно этот компонент прагматики определяет воздействующий аспект конкретного политического дискурса, реализацию в нём намерения адресанта, что в свою очередь обеспечивает дальнейшую реализацию категории прагматики и осуществление языком его коммуникативной функции.

Особенности целеустановки политической интернет-рекламы как совокупности тематически соотнесенных текстов позволяют отнести ее к «регулятивному типу» дискурса [2], обуславливая характер воздействия, которое может быть определено как политическое регулятивное воздействие. Кроме того, задача политической рекламы в целом, состоящая не столько в информировании адресата, сколько в формировании и развитии желаемого мировоззрения, социально-политических идеалов, выдвигает на первый план важность психологического воздействия. На основании характера воздействия, оказываемого политической рекламой, инвариантная прагматическая установка, как единичного политического рекламного интернет-дискурса, может быть определена **как целенаправленное и политически мотивированное регулятивное психологическое воздействие на целевую аудиторию.**

Анализ представленных британских политических Интернет-ресурсов показал их четкую направленность на реализацию регулятивного воздействия. Это связано с тем, что все проанализированные тексты объединены идеей каузации поведения реципиента <...> и отличаются своей ролью в коммуникативном процессе. Как известно, регулятивная функция присуща речи вообще и самым разнообразным типам текстов, в частности. Регуляция в данном случае может быть представлена как изменение информационного состояния систем под воздействием окружающей среды [2, с. 16]. Регулятивность политической интернет-рекламы заключается в создании и распространении определенной модели – «алгоритма» действия в конкретной ситуации, а именно, в ситуации голосования за «правильного» кандидата. Это позволяет отнести политическую интернет-рекламу к регулятивному типу текста, т.е. текста, направленного на организацию поведения адресата. Однако она не является

в чистом виде текстом-прескриптором, сочетает в себе структурные и функциональные признаки других прагматических типов, например, текстов-десигнаторов, прескрипторов-номинаторов, аппрейзоров, прескрипторов. Кроме того внутри текстовых фрагментов также наблюдается комбинаторика различных типов [2, с. 18].

Регулятивность политической коммуникации в целом и политической интернет-рекламы в частности основана на коммуникативно-прагматической доминанте этого вида коммуникации, аналогичной иллокутивной силе директивов, которые представляют собой попытки... со стороны адресанта добиться, чтобы адресат совершил запрограммированное им действие [3, с. 182].

Средства реализации регулятивной установки на британских политических персональных сайтах можно подразделить на три группы. Первая группа включает в себя языковые и неязыковые средства, направленные на актуализацию общей коммуникативно-прагматической установки регулятивного типа дискурса, каузативная ситуация которого включает «побудительную и коммуникативную модели».

Проведенный анализ показал, что объективация директивного характера этого типа дискурса организована по принципу функционально-прагматического поля, имеющего «план содержания – коммуникативную интенцию адресанта, и план выражения – разнообразные языковые и речевые средства передачи директивной иллокутивной цели» [1, с. 3]. Набор этих средств очень широк и включает языковые единицы разных уровней – это повелительное наклонение, модальные операторы долженствования, необходимости, футуральные формы индикатива и другие системные средства выражения побуждения. Существуют также разнообразные лексико-синтаксические и композиционно-речевые средства опосредованного выражения каузации. Для лингвистического контента персональных политических сайтов британских политиков характерно завуалированность директивного регулятивного воздействия, использование имплицитных лингвистических форм. Это выражается в соблюдении принципов вежливости и правил сотрудничества в речевом поведении, применении наиболее нейтральных способов воздействия, введении в текст экспланаторных фрагментов

и мотивировочных коммуникативных комплексов, которые становятся облигаторными конструктивными компонентами [2, с. 21]. Например:

I'm always interested to hear what people in my constituency think, so please get in touch by using the contact details on the right.

If you'd like my help on a personal issue, then read the next section before making contact, as it will help you to know what I can and can't do.

(<http://www.alan-whitehead.org.uk/contact.html>)

В этом небольшом тексте, открывающем раздел «Getting in touch» регулятивность, с одной стороны, очевидна и выражается в использовании императивов – get in touch, read. С другой стороны, директивность этих лексических единиц смягчена такими коммуникативными речевыми комплексами, как so please (вежливость), I'm always interested to hear, If you'd like my help, as it will help you (мотивация). Такое скрытое, «ненавязчивое» директивное воздействие демонстрирует желание адресанта призвать посетителей сайта связаться с ним как с человеком заинтересованным и способным помочь своим избирателям, хотя, несомненно, это связано и с более далеко идущими планами – каждый новый контакт – это потенциальный «голос» на выборах, а значит и перспективы карьеры политика. Это своего рода «намеренный “отказ” от прямого вмешательства в волевую сферу получателя информации, “предусмотренного” директивом» [2, с. 21], что направлено на создание впечатления самостоятельности в принятии решения адресатом в выполнении запрограммированного адресантом действия. Таким образом, в этом конкретном тексте просматривается комплекс коммуникативно-прагматических установок, включающий в себя актуализацию регулятивной интенции посредством формирования положительного имиджа адресанта.

Вторая группа выделенных регулятивов направлена на реализацию адекватной интерпретации коммуникативного намерения адресанта, как характера, так и порядка ее восприятия. Это своего рода процесс управления вниманием адресата, его движением от той точки, где он себя обнаружил на сайте, до актуализации заложенного в нем коммуникативно-прагматического намерения, направленного на формирование определенного общественного мнения в процессе персонализации образа адресанта, на укрепле-

ние в общественном сознании положительной оценки представляемого на сайте политического деятеля. Этот процесс можно назвать – информационным управлением восприятия представленного на сайте контента или, другими словами, «управляющее воздействие», которое носит неявный, косвенный характер. «Объекту управления представляется определяемая субъектом управления информация о ситуации (информационная картина), ориентируясь на которую этот объект как бы самостоятельно выбирает линию своего поведения» [4, с. 67]. Важным в данном случае являются характеристики опосредованности или неосознанности этого воздействия со стороны адресата. Изменения, которые происходят в процессе восприятия информации на сайте, индивид должен воспринимать как свое собственное волеизъявление.

Это связано еще и со спецификой политической интернет-коммуникации в целом. Интернет изменил характер политической конкуренции – от «прямой агитации» к «косвенному информационному управлению». Адресант делает упор на знание психологии, социально-культурных особенностей, субкультур, стереотипов своей целевой аудитории. С учетом этих знаний он выстраивает информацию на сайте, вовлекая адресата в процесс ее восприятия и удерживая его внимание для выполнения конечной цели коммуникации, связанной с внедрением в сознание адресата необходимой адресанту информации, т. е. создать и закрепить свой выразительный имидж, добиться узнаваемости среди потенциальных избирателей. Таким образом, адресант осуществляет целенаправленное формирование общественного мнения посредством регулятивного характера представления персонифицированной информации. Когнитивный и воздействующий потенциал концептуальной информации персонального политического сайты заключается в выработке у адресата направления, как в ее восприятии, так и характере декодирования.

Реализация этой установки на политическом персональном сайте осуществляется посредством поликодового текста, который включает в себя как целый набор языковых, так и специальных графических/технических средств, которые воспринимаются адресатом как сигналы, определяющие способ текущей обработки информации в нужном адресанту направлении. Главная цель

регулирующего типа адресации заключается в организации направленного восприятия адресатом всего гиперпространства сайта в целом. Основным средством его актуализации являются гиперссылки, которые графически выделены и имеют различные способы языковой репрезентации. Главное свойство этих языковых средств – их привлекательность.

К этому типу сигналов в данной группе можно отнести те, которые непосредственно обеспечивают порядок следования представляемой информации посредством установленного порядка в главном меню сайта. Значимость этого элемента сайта для управления процессом восприятия информацией обуславливает определенные требования к его оформлению. Во-первых, это его место на сайте: чаще всего меню располагается в верхней части сразу под шапкой-заголовком и повторяется на всех страницах сайта. Кроме того, важность этого элемента подчеркивается и дублированием меню на одной и той же странице, например, горизонтальное расположение – вверху и внизу, а также вертикальное – справа или слева, создавая тем самым комфортные условия для пользователя при прокрутке страницы и являясь важным визуальным напоминанием о представленных на сайте информационных единицах. Необходимо отметить и использование невербальных средств, таких как графика, цвет, анимация и др., для повышения привлекательности этого компонента сайта. Например:

<http://www.markfieldmp.com/home>

Данное меню имеет цветовую выделенность при переходе от одного раздела в другой, что помогает посетителю определить свое местоположение на сайте. Все разделы четко определяют информационный контент соответствующей информационной единицы. Разделы, представленные в меню, имеют деление на

подразделы, которые появляются при наведении курсора на название раздела. Это помогает посетителю сайта легко найти и выбрать интересующую его информацию, а адресанту управлять вниманием адресата, акцентируя наиболее важную для него информацию посредством включения необходимой для него фактуальной информации. Кроме того, эти подразделы отражают новую ступень в развитии темы, они либо указывают на изменение предмета речи, либо обозначают ссылку на дополнительную информацию. Например:

<http://www.markfieldmp.com/about-mark/biography>

Такие сигналы могут быть оформлены как текстовые включения, где выделенный сегмент указывает на семантическую смену темы с целью расширения, дополнения или уточнения представляемой информации.

Hot Water Burns Like Fire Campaign

Mary launched her 'Hot Water Burns Like Fire' campaign in the House of Commons with actress Amanda Redman and 10 year old scald victim Holly Devonport. Ms Creagh has tabled a Private Member's Bill which proposes that thermostatic valves are fitted to all new and refurbished homes to prevent hot bath water scalding.

Mary, Holly and Amanda Redman at the Hot Water Burns Like Fire campaign launch

- Six hundred people a year suffer severe bath water scalds, three quarters of whom are children.
- This means that every day a child under five is admitted to hospital with serious injuries resulting from scalding hot bath water.
- Fifteen pensioners a year die from burns from bath water.

Ms Creagh's Bill calls for a change in the law so that thermostatic mixing valves (TMVs) are fitted in all new and refurbished homes. The valves set bath tap water temperature to a maximum of 48°C. This would allow everyone to have a hot bath whilst minimising the risk of scalding. Such legislation comes into force in Scotland in May. Similar legislation has been passed in Canada, New Zealand and Australia.

The campaign is supported by [Age Concern](#), the [British Burns Association \(BBA\)](#), the [Child Accident Prevention Trust \(CAPT\)](#), the [Children's Fire and Burn Trust \(CFBT\)](#), [Help the Aged](#), and the [Royal Society for the Prevention of Accidents \(RoSPA\)](#).

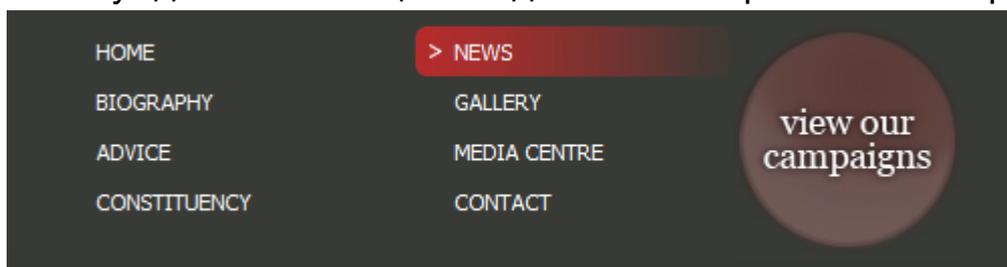
<http://www.marycreagh.co.uk/index.php?id=411>

Последний абзац этого текста включает целый ряд гиперссылок для перехода на другие информационные единицы, которые подтверждают востребованность организованной депутатом компании и выполняют функции приема свидетельства, привлекая сторонников из числа посетителей сайта.

Важное место в реализации установки на организацию направленного восприятия информации занимают сигналы, передающие эмоционально-оценочное значение. Это сигналы, отражающие важность той или иной информации. Аттрактивность этих сигналов заключается в их языковой и графической оформленности. Адресант, акцентируя данные сигналы, привлекает к ним внимание посетителей сайта и, тем самым, управляет процессом восприятия предлагаемой информации.

Например, в следующее меню сайта выделена их общего списка и, кроме того, имеет отличное от других заголовком языковое оформление. В данном случае это прямой призыв в форме императива. Интересным здесь представляется и использование личного местоимения «we», которое может быть, с одной стороны, как

обозначение общности команды депутата, а с другой, как призыв к единению нужд всего сообщества данного избирательного округа.

<http://www.angela eaglemp.co.uk/index.php>

На этом же сайте представлен еще один популярный прием акцентации нужной адресанту информационной единицы – гиперссылка, которая также графически выделена, а ее языковая презентация носит ярко выраженный призывный характер. Данная информационная единица представлена двумя вариантами гиперссылки – полная и упрощенная. Каждая из ссылок повторяется на разных страницах сайта дважды.

(1)

(2)

<http://www.angela eaglemp.co.uk/index.php>
<http://www.angela eaglemp.co.uk/news.php>

<http://www.angela eaglemp.co.uk/advice.php>
<http://www.angela eaglemp.co.uk/gallery.php>

Первый полный вариант ссылки включает текст, построенный в форме вопросно-ответного комплекса, что демонстрирует четкую адресатную направленность и имплицитно положительную эмоциональную установку, на вовлечение адресата в межличностные социальные отношения, что также содержится в одном из призывов («get involved!»), включенный в этот комплекс. Второй имплицитив («register now») носит скорее прескриптивный характер и инструктирует адресата о том, как можно выполнить

действие, к которому его призывают. Положительность эмоциональной окраски высказывания выражается в соблюдении правил вежливости, а именно, вопросы показывают желание адресата учесть интересы целевой аудитории, а конструкция «Let us ...» является вежливой формой обращения в официальной ситуации общения. Второй вариант гиперссылки содержит лишь императивные предложения и в большей степени подчеркивает важность данной информационной единицы, акцентируя внимание посетителей сайта и визуалью внушая повторяемый образ ссылки, тем самым закрепляя его в памяти адресата, как бы заставляя адресата возвращается еще и еще раз к мысли заложенной в данном призывном высказывании.

Третья группа сигналов регулятивного воздействия представляет собой прямое выражение прескрипции посредством директивных инструкций по использованию сайта, построенных с учетом принципов вежливости в соответствии с формальной ситуацией данного типа общения. Очень широко на сайтах используются ссылки с прямым указанием действия, которое необходимо выполнить посетителю сайта для получения нужной ему информации (To see all items **click here**; **read more**»; **find out more**; **More photos**» и др.).

Следующая ссылка имитирует диалог с адресатом: вопрос, заключающий вежливую форму обращения о позволении дать совет-инструкцию партнеру по коммуникации и ответ, содержащий прескрипцию к совершению конкретного действия.

Media Gallery

View our media gallery by simply clicking on the image you want to see. The gallery gets updated regularly so keep coming back to see what everybody in the Angela Eagle office gets upto.

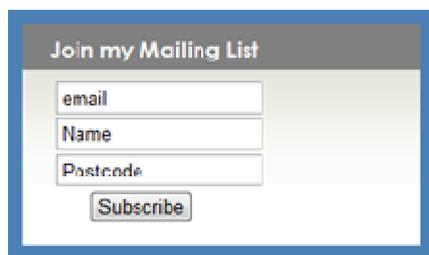
Do you have any images you would like to see in our gallery?

If so... [submit them >](#)

<http://www.angelaeaglemp.co.uk/gallery.php>

Существует также достаточно широкий набор ссылок директивного характера, которые представляют инструкции по использова-

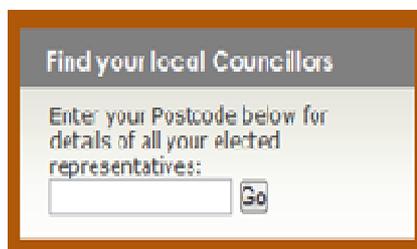
нию различных форм интерактивной связи с владельцем сайта. Все они имеют общий формат: Заголовок в форме императива, который представляет характер контакта, окна для заполнения необходимой информацией и, наконец, указание действия, которое надо совершить для осуществления этого контакта, например:

Join my Mailing List

(1)

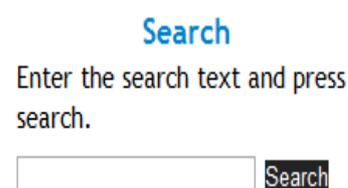

Find your local Councillors

Enter your Postcode below for details of all your elected representatives:

(2)

Search

Enter the search text and press search.

(3)

Таким образом, все выделенные группы направлены на реализацию регулятивной функции адресации и включают в себя композиционные сигналы логически завершенных фрагментов информации на сайте. Кроме своего основного назначения, которое заключается в обеспечении определенного способа и порядка обработки адресатом получаемой информации, выделенные типы сигналов, разбивая страницу сайта на отдельные информационные единицы, реализуют установку на привлечение внимания адресата к той или иной информации, а также придают сегментированную организацию всему гипертекстовому пространству сайта. В целом английский персональный политический сайт можно охарактеризовать как своего рода аккумулятор стратегических приемов для оказания регулятивного воздействия на поведение потенциального электората.

Список литературы

1. Беляева Е. И. Грамматика и прагматика побуждения: английский язык. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1992. – 167 с.
2. Руберт И.Б. Становление и развитие английских регулятивных текстов: моногр. / Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена. – СПб.: Образование, 1995. – 209 с.
3. Серль Д. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистики: выпуск XVII. – М.: Прогресс, 1986. – С. 170–195.
4. Сливацкий А.Б. Информационное управление // PR-технологии в информационном обществе: материалы III Всерос. науч.-практ. конф. Ч. I. Санкт-Петербург, 25–26 февр. 2006 г. – СПб.: СПб ГПУ, 2006. – С. 67–69.

Н. Д. Футкарадзе
N. D. Futkaradze

**Об особенностях восприятия назидания
в проповедническом дискурсе**
**On the features of perception of edification
in the homiletic discourse**

В статье освещаются психолингвистические особенности процесса восприятия христианской проповеди. Рассматривается механизм моделирования смысла назидания в сознании адресата посредством ключевых слов. В экспериментальной части статьи реконструированные автором назидания проповедей анализируются с точки зрения их совпадений с оригиналами по ключевым словам, общему смыслу и средствам речевого воздействия.

The article focuses on the psycholinguistic features of the process of perception with regard to the Christian sermon. It also presents the mechanism of modeling the general sense of edification in the addressee's mind by means of keywords. In the experimental part of the article the edifications of sermons reconstructed by the author are analyzed from the point of view of their coincidence with the original ones on keywords, general sense and means of speech influence.

Ключевые слова: проповедь, назидание, восприятие, ключевые слова, средства речевого воздействия, экспериментальный.

Key words: sermon, edification, perception, keywords, means of speech influence, experimental.

В последнее время проповеднический дискурс как особый вид религиозной коммуникации привлекает все больше внимание лингвистов. Интерес во многом вызван тем, что в этом типе дискурса соединяются прошлое, в виде прецедентных текстов – фундамента для создания проповеди; настоящее, в виде уникального взаимодействия коммуникантов в данном хронотопе; будущее, в виде отдаленной реакции адресата на речь проповедника.

В исторической перспективе проповедь неизменно сохраняет актуальность для аудитории, как в плане содержания, так и в плане выражения. Благодаря возможности соединения в проповеди сакрального и бытийного, универсальные религиозные смыслы, транслируемые священником, проецируются на текущие духовные проблемы и вопросы, волнующие верующих в XXI веке. Другим важным фактором поддержания актуальности проповеди в современных условиях является форма подачи содержания: оно вербализуется особым образом, оказывая на адресата «определенное религиозно-мотивированное воздействие» [1, с. 6].

В целом, реализация проповеднического дискурса подчиняется коммуникативно-прагматической установке – научить: «проповедь говорится не для услаждения и не для развлечения слуха, а для назидания», она наставляет на путь истины, указывает путь спасения [2, с. 88]. На уровне отдельной проповеди можно говорить о трансформации инвариантной прагматической установки в более конкретные христианские максимы, в которых сконцентрированы основные смыслы речи священника.

Существует несколько терминов, которые могли бы использоваться для обозначения этих смыслов: тезис, главная идея, основная мысль. Термин «месседж», применяемый в настоящее время в политическом, рекламном, театральном дискурсах, представляется наиболее емким из всех, так как в нем присутствуют следующие значения: «послание», «обращение», «сообщение», которые вполне подходят для проповеднического дискурса [5]. Однако, принимая во внимание тот факт, что в проповеди ярко проявляется нравоучительная составляющая, термин «назидание» представляется наиболее полно отражающим суть явления. В данной работе мы рассматриваем «назидание» как сжатое содержание проповеди с определенной дидактической направленностью. Назидание, концентрируя в себе главный смысл сообщаемого, является значимым воздействующим компонентом проповеднического дискурса, а степень усвоения адресатом назидания может рассматриваться как критерий эффективности проповеди и успешности данного типа религиозной коммуникации.

Проповедь как любой тип дискурса строится на взаимодействии коммуникантов, которое связано с порождением и восприятием со-

общения. Институциональная природа проповеднического дискурса определяет, с одной стороны, сдержанность в вербальных и невербальных реакциях адресата, с другой стороны, предполагает его включение в процесс активного слушания. Адресат проявляет внутреннюю «перцептивно-мыслительную и поисковую деятельность» в процессе восприятия: он порождает гипотезы относительно поступающей информации, корректирует их и в результате строит «собственную субъективную модель воспринятого» [4].

Е.В. Шелестюк выделяет в процессе восприятия три фазы: интерпретация (проекция адресатом своих представлений, ощущений на авторское изложение и оценки), понимание (корректная оценка содержания и формы текста в соответствии с содержанием замысла автора) и осмысление (рефлексия над текстом, включение его в систему личностных смыслов и ценностей) [7, с. 59–63].

Глубина смыслового восприятия индивида связана с его когнитивными и психофизическими особенностями, поэтому создаваемая в сознании адресата субъективная модель назидания проповеди не всегда может полностью совпадать с задуманным адресантом. Е.В. Шелестюк подчеркивает, что адекватность восприятия на стадии интерпретации и понимания зависит, во-первых, от способности адресата устраняться от собственных смысловых наслоений и субъективных ассоциаций и, во-вторых, от стремления «понять текст в соответствии с коммуникативными интенциями автора» [7, с. 59–63].

Учитывая высокую неоднородность группового адресата в плане возрастных, гендерных, социальных и др. параметров, можно предположить, что перечисленные условия эффективного восприятия не всегда реализуются в полной мере. Поэтому задача проповедника – составить свою речь таким образом, чтобы сделать ее максимально эксплицитной и доступной для понимания, чтобы помочь аудитории выделить семантические центры проповеди, и услышать ее кульминационный момент – назидание.

И.А. Стернин, рассуждая об эффективном донесении «главной мысли» до слушателей, неизменно его условиями считает четко сформулированный «тезис» и наличие во вступлении и основной части выступления ключевых слов из тезиса [6, с. 140].

Ключевые слова, пожалуй, наиболее ярко иллюстрируют возможности адресанта воздействовать на моделирование смысла в сознании адресата на лексико-семантическом уровне языка. Ключевые слова – это своего рода семантически нагруженные якоря, опорные точки сообщения, образующие его «тематическую сетку» [3, с. 3], которая отражает процесс развертывания замысла выступления. Они изначально акцентированы адресантом и как бы ведут адресата к пониманию главной концепции проповеди – назидания.

Ключевые слова характеризуются относительно высокой частотой использования. Их неоднократное предъявление в речи, способствующее аккумулярованию определенных смыслов в сознании адресата, запускает механизм косвенного внушения. Повторяемый лексический элемент привлекает к себе внимание, заставляет концентрироваться на себе, лучше запоминается, выделяется на фоне одноразовых элементов текста. Таким образом, в проповедническом дискурсе существуют лексические единицы, выделяемые проповедником и принимаемые аудиторией. Можно предположить, что по мере накопления в сознании адресата ключевых слов, между ними оформляются отношения предикативности, т. е. к моменту произнесения назидания, в сознании адресата уже готова основа для ее понимания, другими словами, имеет место предвосхищение назидания, очерченное кругом ключевых слов, которые выделялись в речи священнослужителя посредством повторов во вступлении и основной части проповеди.

В нашем исследовании делается попытка воспроизвести назидание проповеди с позиций адресата, на основании количественного анализа частотности употребления лексики. В тексте проповеди выявляются наиболее часто повторяющиеся ключевые слова, далее они объединяются в синтаксические единства, фиксированный порядок слов в английском предложении существенно облегчает эту задачу. Составленный интерпретатором текст – возможный вариант назидания, формируемый в сознании адресата в ходе проповеднического дискурса, – сравнивается с авторским назиданием проповеди на предмет совпадения общего смысла, ключевых слов и, возможно, средств речевого воздействия.

Приступая к количественному анализу, необходимо остановиться на понятии «плотность ключевых слов», обозначающем отноше-

ние частоты повторяемого слова к общему количеству слов в тексте. В настоящее время понятие плотности ключевых слов особенно актуально для раскрутки интернет сайтов. Экспериментальные данные в этой области указывают, что средняя частота ключевых слов не должна превышать 5–6 %, наличие большего их количества приводит к обратному эффекту, делая текст сложным для восприятия, нечитабельным [8]. Количественный анализ текстов проповедей показал, что, в целом, они не перегружены ключевыми словами, в среднем плотность самых частотных лексических единиц составляет 2–3 %, хотя существуют проповеди, в которых плотность отдельных слов, в основном номинирующих Бога (God, Christ) доходит до 5–6 %.

В проповеди *Matins of Holy Tuesday* нами выделены следующие наиболее частотные слова (они сопровождаются количеством повторов в тексте и показателем плотности на 1184 слова):

we – 22 - 2.36%	outside – 6 – 0.50%
hypocrite – 10 – 1.18%	in – 5 – 0.42%
Scribes, Pharisees, Jesus - 8 – 0.67%	bridal, chamber, banquet, repentance – 4 – 0.33%
to deserve – 7 – 0.59%	immortality, to repent – 2 – 0.16%

Среди ключевых слов преобладают имена существительные: имена собственные (*Scribes, Pharisees, Jesus*), абстрактные (*repentance, immortality*) и конкретные (*hypocrite, chamber*), из чего можно предположить, что в назидании образность будет превалировать над действием.

Эта мысль подтверждается, если, следуя за текстом проповеди, объединить отдельные ключевые слова в словосочетания в том виде, как они употребляются автором, например, *Scribes and Pharisees, bridal chamber, banquet of immortality*. Два последних словосочетания представляют собой метафоры религиозного содержания, т. е. образность конструируемого назидания изначально заложена в ключевых словах.

Ожидаемым для проповеднического дискурса является многократный повтор инклюзивного местоимения *we*, имеющего определенный воздействующий эффект на адресата в сфере фатики. Проповедник сознательно отказывается от противопоставления себя, как обладающего определенным статусом и специальными знаниями, аудитории. Наоборот, частое употребление *we* объединяет

проповедника с прихожанами, подчеркивает их равенство в совместном предстоянии перед Богом и духовном поиске.

Обращает на себя внимание факт использования автором проповеди средств метаграфематики: предлоги **in**, **outside** и глагол **deserve** выделены в тексте жирным шрифтом от одного (*to deserve*) до трех раз (*outside*). Это обстоятельство, во-первых, указывает на их значимость для передачи смысла, следовательно, на необходимость включения их в назидание интерпретатором, во-вторых, привлекает внимание к контексту, в котором они появляются, например, *outside the bridal chamber*.

Кроме того в тексте проповеди можно обнаружить предложения, задающие направление интерпретации ключевых слов. *We Orthodox Christians are modern day Scribes and Pharisees. ...I will risk saying that so often we are hypocrites*. В данных примерах очевидно сравнение современных христиан с книжниками и фарисеями. Представители этих сект ассоциируются у современных христиан с глубоким познанием религиозных законов и предписаний при отсутствии истинно духовного начала в их религиозной практике. Таким образом, в сравнении присутствует негативная оценочность, которая, несомненно, вызовет у адресата эмоциональную реакцию отторжения и желание встать на путь истинной веры.

С учетом приведенных данных было составлено следующее назидание, которое приводится вместе со списком ключевых слов и авторским вариантом.

Ключевые слова	Назидание интерпретатора	Назидание автора
We, hypocrite, Scribes and Pharisees, Jesus, repentance, to deserve, bridal chamber, banquet of immortality, to repent, outside, in.	We are <i>hypocrites</i> like <i>Scribes and Pharisees</i> , like them we are <i>outside the bridal chamber</i> of Jesus. Through <i>repentance</i> we can <i>deserve</i> to be in the bridal chamber, at the Lord's <i>banquet of immortality</i> .	"...Because of our sin we can never <i>deserve</i> or earn a place at the Lord's <i>banquet</i> . He has invited us. In turn we are to <i>repent</i> . We are to change and draw near... Now with <i>repentance</i> we are to respond to the divine overture of love..."

При сравнении экспериментального и авторского назиданий выявляется неожиданный морфологический состав последнего: его основу составляют глаголы (*to deserve, to invite, to repent, to change, to draw near, to respond*), что делает данный отрывок проповеди активным, призывающим к действию. Воздействующий эффект усиливается с помощью средств модальности (*can, to be*) и

синтаксических повторов предикативных комплексов (*we are to repent, we are to change, we are to respond*).

Наблюдаются расхождения и в количестве использованных ключевых слов: назидание интерпретатора включает одиннадцать слов из приведенного списка, автор проповеди ограничивается всего четырьмя словами (*to deserve, banquet, to repent, repentance*). Остановимся на них подробнее. Значение глагола *deserve* предполагает усилия, труд человека для достижения цели. Это глагол как нельзя лучше характеризует земное бытие христианина: трудиться духовно и физически, чтобы заслужить жизнь вечную. *Repentance* – покаяние – это центральное понятие веры, единственный путь для христианина соединиться с Богом. *Lord's banquet (of immortality)* – метафора, обозначающая вечную жизнь после смерти. Таким образом, в трех ключевых словах сконцентрирована основная христианская максима: соединиться с Богом, заслужить жизнь вечную можно только своим покаянием.

Подводя итог, можно сказать, что при сопоставлении вариантов назидания наблюдается частичное совпадение ключевых слов и, в данном случае, практически полное совпадение смысла, при этом очевидны различия в выборе воздействующих речевых средств. Назидание интерпретатора больше ориентировано на передачу смысла, оно скорее нейтрально, чем экспрессивно. В нем присутствует образность, но она по большей мере объясняется набором ключевых слов, а не привнесена извне составителем. Назидание автора кажется более экспрессивным и даже жестким за счет наличия модальных глаголов и синтаксических повторов. Функционально это назидание – призыв к действию, в то время как экспериментальное назидание – это объяснение.

В другой проповеди *Sunday of the Veneration of the Cross* (всего 1476 слов) ключевые слова выглядят следующим образом:

we – 40 – 2.71%	disciples – 7 – 0.47%
self – 15 – 1.01%	to follow – 6 – 0.40%
to disown – 12 – 0.81%	discipleship, loyalty, condition – 5 – 0.33%
cross – 11 – 0.74%	to take up – 3 – 0.20%
the Lord, love – 8 – 0.54%	

Присутствие в списке трех акциональных глаголов указывает на косвенное побуждение к действию, что позволяет интерпретатору

прибегнуть к категории модальности в виде модального сказуемого или глагола в повелительном наклонении, при этом во втором варианте не будет отражено местоимение *we*, возглавляющее список ключевых слов.

Как и в анализе предыдущей проповеди целесообразно объединить отдельные слова в словосочетания, встречающиеся в тексте: *to disown the self, to take up the cross, condition of discipleship, to follow the Lord*. Можно отметить, что в каждом из словосочетаний прослеживается аллитерация, относящаяся к фонологическим средствам воздействия: *to disown the self, to take up the cross, condition of discipleship, to follow the Lord*.

Очевидно, что, благодаря многократным повторам, ключевые слова создают в тексте проповеди определенный ритм, что также влияет на восприятие смысла. При этом наблюдается как минимум две тенденции: повторы одних ключевых слов (*loyal(ty), love*) приходятся на несколько соседствующих абзацев, т.е. эти слова ответственны за смысловое развертывание определенной подтемы в проповеди (по этой причине они не включены в назидание); повторы других (*self, disown*) имеют место на всем протяжении проповеди, развивая ее основную тему. Воздействующий эффект ключевых слов усиливается за счет введения в текст их синонимов, образующих синонимические ряды: *to disown – to deny – to give up – to renounce*, или эпитетов, расширяющих значение слова: *love – self-less love – kenotic love*.

Приведенные данные дают основания для составления следующего назидания:

Ключевые слова	назидание интерпретатора	назидание автора
We, self, to disown, cross, the Lord, love, disciples, to follow, discipleship, love, condition, to take up	<i>Disown the self, take up the cross and follow the Lord – it's the condition of discipleship.</i>	We are called to look upon the cross, displayed in the centre of the nave, and discover who we are. For this cross is the very word of <i>discipleship</i> . It's the word that calls us to <i>disown the self</i> .

Сравнивая экспериментальный и авторский варианты назидания очевидна такая же тенденция, как и в предыдущей проповеди, автор использует ограниченное количество ключевых слов (4), причем они возглавляют список по частоте повторов. Что касается точ-

ности передачи смысла в экспериментальном варианте назидания, можно констатировать его частичное совпадение с авторским, в основном, за счет попадания в ключевые слова и словосочетания. Интересно, что оба варианта содержат призыв к действию, выражаемый по-разному: в назидании интерпретатора используется категория модальности в виде повелительного наклонения, в варианте автора призыв реализуется на лексическом уровне через повтор глагола *call* с соответствующим семантическим наполнением.

Вариант интерпретатора звучит более сдержанно, чем авторский, хотя в нем присутствуют фонологические, синтаксические, стилистические средства речевого воздействия: аллитерация, повелительное наклонение, синтаксические повторы, метафоры (*disown the self*: отстань от того земного, материального, что есть в тебе, *take up the cross*: без ропота принимай все тяготы жизни, *follow the Lord*: следуй учению Христа, живи как заповедовал Бог).

В назидании автора проповеди выявлены средства речевого воздействия на уровне лексики, синтаксиса, тропов: лексические повторы (*cross, word, to call*), персонификация (*the word that calls us*), эмфатическая конструкция с вводным *it* и придаточным предложением (*It's the word that calls us...*), каузальный союз *for* в качестве средства когезии двух предложений (*For this cross is...*), сочетание определенного артикля и прилагательного *very* перед существительным (*the very word*). Благодаря использованию перечисленных языковых средств назидание автора приобретает ярко выраженную экспрессивность, в сравнении с ним вариант интерпретатора звучит более сухо и лаконично, но при этом достаточно выразительно.

Вполне предсказуемо, что в результате искусственного конструирования назиданий совпадения с авторскими вариантами обнаруживаются в большей степени по «техническим» параметрам, коими являются повторы ключевых слов, в то время как креативная составляющая порождения сообщения – экспрессивность – едва ли поддается воспроизведению. Экспериментальные назидания всегда отражают ключевые слова проповеди, не всегда полностью совпадают по смыслу с оригиналом и редко совпадают по средствам речевого воздействия. Полученные результаты, с одной стороны, иллюстрируют факт уникальности индивидуального восприятия, что объясняет отсутствие стопроцентных совпадений по смыслу и клю-

чевым словам; с другой стороны, подтверждают тот факт, что повтор ключевых слов является надежным и эффективным способом управления процессом восприятия адресата. Их продуманное включение в проповедь обеспечивает ее тематическое развитие, внутренний смысловой ритм и подводку адресата к пониманию назидания.

Проповеднический дискурс можно считать состоявшимся, если прихожанин, покидая церковь, осознает актуальность и полезность проповеди для своего духовного бытия, другими словами, если коммуникативно-прагматическая установка, поставленная священником в рамках проповеди, получила необходимое по силе воздействия вербальное воплощение и удовлетворила текущие духовные потребности аудитории.

Список литературы

1. Агеева Г.А. Религиозная проповедь как специфический вид языковой коммуникации (на материале современных немецкоязычных проповедей)... Автореф. дис. ...канд. филол. наук. – Иркутск, 1998. – 18 с.
2. Архимандрит Аверкий (Таушев) Руководство по гомилетике. – М.: Православный Свято-Тихоновский Богословский институт, 2001. – 143 с.
3. Арнольд И.В. Лексико-семантическое поле в языке и тематическая сетка текста // Текст как объект комплексного анализа в вузе. – Л., 1984. – 159 с.
4. Лебединский С. И. Восприятие устной научной речи: стратегии сегментации звучащей речи и идентификации терминов: монография. – Минск: БГУ, 2008. — 535с. // URL: http://www.fir.bsu.by/chairs/tmtrfl/publications_tmtrfl/lebedinsky/lebedinsky_perception_monogr_part1.pdf (дата обращения 01.02.2012).
5. Словарь молодежного сленга // URL: <http://teenslang.su/id/12164> (дата обращения 01.02.2012).
6. Стернин И.А. Практическая риторика: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – 4-е изд., стер. – М.: Издат. центр «Академия», 2007. – 272 с.
7. Шелестюк Е.В. Речевое воздействие: Ракурсы адресанта и адресата. – Челябин. гос. ун-т. – Челябинск: ООО «Энциклопедия», 2008. – 152 с.
8. URL: <http://seoexperimenty.ru/archives/16> (дата обращения 01.02.2012).

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

COMPARATIVE STUDIES

УДК 415.61

С. В. Лескина
S. V. Leskina

Актуализация принципа достоверности отрицания в русских и английских фразеологизмах в процессе взаимодействия категорий пейоративности и эмотивности

Actualization of the principle of reliability of negation in Russian and English phraseological units in the process of interaction of categories of pejorativeness and emotiveness

Данная статья представляет теоретический и практический материал, демонстрирующий взаимодействие лингвистических категорий пейоративности и эмотивности. Здесь также отмечается важность принципа достоверности отрицания для приобретения фразеологизмами негативной коннотации, в общем, и пейоративной, в частности.

The article presents a theoretical and practical material demonstrating the interaction of the linguistic categories of emotiveness and pejorativeness. It also highlights the importance of the principle of reliability of negation for the phraseological units to acquire negative connotation, in general, and pejorative, in particular.

Ключевые слова: категория, эмотивность, пейоративность, негативная коннотация, принцип достоверности отрицания, фальсификативное отрицание, действительное отрицание, фразеологические эмотивы.

Key words: category, emotiveness, pejorativeness, negative connotation, principle of reliability of negation, false negation, true negation, phraseological emotives.

Взаимодействие категорий эмотивности и пейоративности во фразеологии обусловлено и доказывается рядом факторов. Профессоры Л.И. Ройзензон и Ю.Ю. Авалиани подчеркивали, что если лекси-

ка в своей совокупности отражает всю сумму явлений, фактов, процессов действительности, то фразеология охватывает, в первую очередь, сферу переживаний и чувств, печали, радости, любви, дружбы, конфликта и борьбы, качественную характеристику [6, с. 72–78].

Большинство ученых считают эмотивность языковой категорией. По мнению А.В. Кунина, «эмотивность – это эмоциональность в языковом преломлении, выражение языковыми средствами чувств, настроений, переживаний человека» [3, с. 153]. Позицию, близкую А.В. Кунину, занимает В.И. Шаховский. Он относит эмотивность к функционально-семантическим категориям и определяет ее признаки на основании учения А.В. Бондарко о функциональной грамматике и функционально-семантическом поле. Доказывая правомерность такой трактовки, В.И. Шаховский отмечает, что эмотивность является функционально-семантической категорией, поскольку обладает всеми ее признаками, такими, как общность семантической функции – выражение эмоций; взаимодействие лексических и грамматических элементов; членение: центр – периферия [8, с. 112].

Эмотивность – механизм вербализации эмоций положительной и отрицательной полярности. Вербализация эмоций осуществляется через эмотивы, которые существуют во всех языковых системах, во фразеологии в том числе. С позиций категории эмотивности фразеологические единицы (ФЕ) определяются как фразеологические эмотивы, так как они вербализуют эмоции отрицательной и положительной полярностей.

Диада «позитивное / негативное» в категории эмотивности представлена ситуациями эмпатии и конфликта соответственно. Ситуации эмпатии вербализуются фразеологическими эмотивами или ФЕ положительной полярности, ориентированными на выражение соответствующей эмоциональной оценки, подчеркивающими положительное эмотивно-оценочное отношение говорящего к адресату. Примерами ФЕ, вербализующих положительную полярность и положительные эмоции, выступают такие ФЕ, как: *с иголки (as neat as a bandbox)*; *родиться в сорочке (with a silver spoon in the mouth)*; *(by) a wide margin* (очень много, щедро); *(with) tail up* (в приподнятом настроении, жизнерадостно); *светлая голова (lucid mind, bright intellect, bright spirit)*, *совесть чиста (light conscience)* и др.

Эмотивной категории эмпатии, выражаемой ФЕ с положительной коннотацией, противопоставляется эмотивная категория конфликта (тип эмоций – неодобрение), где происходит столкновение эмоциональных состояний, в которых коммуникантами переживаются отрицательные эмоции по отношению друг к другу. Центральными концептами категории негативной эмотивной оценки являются «угроза», «обман», «препятствие к действию», «ограничение свободы», которые представляют собой базовые аксиологические критерии данной категории. Эмотивная ситуация конфликта выражается фразеологическими знаками с негативной коннотацией.

Категория пейоративности – одна из наивысших форм суждения об объективном мире, в которой суждение проявляется через осуждение и критику, а объективный мир – через поступки и качества представителей социума. Категория пейоративности отражает существенные, всеобщие отношения явлений действительности (поступки и качества личности) и явлений познания, образовавшиеся как результат обобщения исторического развития познания и общественной практики (моральные и социальные нормы поведения, принятые в определённом социуме); она представляет собой структурированную группу смежных понятий, вербализованных единицами языка, объединяемых общим свойством пейоративности, которые обладают перлокутивной силой, контролирующей функцией и коммуникативными максимами, что обуславливает её прагматический статус [4, с. 51]. Любой пейоратив относится к пласту негативно-оценочной лексики и может определяться как негативно-оценочная единица языка, т. е. пейоратив (и фразеологический в том числе) всегда негативен, но негатив не всегда пейоративен.

Взаимодействие категорий эмотивности и пейоративности обусловлено тем, что пейоративные ФЕ (ПФЕ) являются знаками, выражающими эмоции отрицательной полярности, вербализующими эмотивные ситуации конфликта, обладающие негативной коннотацией, в широком смысле, и пейоративной (являющейся частью негативной), в узком.

Средства выражения негативной коннотации принято объединять в две большие группы: имплицитные и эксплицитные [5, с. 83]. Имплицитность – явление, которое характеризуется невыраженностью элементов значения формальными средствами. Имплицит-

ность проявляется во всех системах языка, в том числе и во фразеологии. За счёт имплицитности языковым единицам придаётся дополнительная глубина и многослойность. Имплицитное отрицание является смысловой языковой категорией. Обнаружение имплицитного отрицания возможно при анализе семантики той или иной языковой единицы. Особенность имплицитного отрицания, как и любой другой имплицитной категории, состоит в асимметрии, то есть несоответствии плана содержания и плана выражения, а также в невыраженности значения формально-грамматическими показателями [9, с. 92]. Подобное выражение связано с тем, что во многих случаях негативная коннотация ФЕ не имеет формальных средств выражения в синтаксической структуре предложения, т. е. план содержания не совпадает с планом выражения.

К ФЕ с имплицитной негативной коннотацией относятся только те единицы, описание которых в словарях даётся через эксплицитное отрицание. Проиллюстрируем на примерах: *under the weather* (досл. перевод «под погодой») обладает значением «to feel unwell or out of all sorts» (чувствовать себя неважно или вне себя) [10, с. 1349]; *wide of the mark* (досл. перевод «широкий в оценке») – not to the point, irrelevant, incorrect (не к месту) [10, с. 1363]; *to close one's eye to smth* (досл. перевод «закрывать глаза на что-либо») – to refuse to see or notice smth (отказываться видеть что-либо) (esp. smth unpleasant or bad – как правило что-то неприятное или плохое) [10, с. 411]; *бить баклуши* – бездельничать, ничего не делать или делать несложное дело [7, с. 38]; *пальцем в небо (попасть)* – сказать невпопад; совершенно не к месту [2, с. 294]; *собак гонять* – заниматься пустым делом [7, с. 651].

Эксплицитная негативная коннотация выражается грамматическими и лексическими средствами, имеющими формальный признак отрицания. Это правило распространяется и на ФЕ. Основываясь на авторской типологизации эмотивов [4, с. 101], отмечаем: собственно эмотивы являются лексическим средством выражения эксплицитной негативной коннотации, потенциальные эмотивы – грамматическим. Поскольку в структуре фразеологизма лексические единицы (ЛЕ) приобретают статус компонента, мы будем называть лексическое отрицание компонентным. Рассмотрим на примерах актуализацию

собственно и потенциальных эмотивов в структуре негативно-оценочных ФЕ.

Фразеологические структуры, эксплицитная негативная коннотация которых обусловлена включением в их состав эмотивов-ассоциативов:

- фразеологизмы с зоонимами: (хитрый) как лис; (злой) как собака; *as a hog on the ice* (как корова на льду); *like a watchdog* (как цепной пёс) и др.;
- фразеологизмы с колоронимами: чёрная кость и др.;
- фразеологизмы с ассоциативами-рефлексивами: (*as sick as mud* – в унынии (негативная коннотация придаётся ФЕ ассоциативами-рефлексивами уныние (*mud* – грязь) и больной (*sick*), которые проявляют негативную коннотацию, заложенную в корне слова); *as if killed* – как убитый (негативная коннотация придаётся ФЕ ассоциативом-рефлексивом с негативной лексической генетической коннотацией убитый (*killed*)); *bad off* – в бедности (негативная коннотация придаётся ФЕ ассоциативом-рефлексивом бедность в русском варианте и *bad* (плохой) в английском варианте); *dead to the world* (быть мёртвым для мира – негативная коннотация придаётся ассоциативом-рефлексивом *dead* (мёртвый)); *dead drunk* – пьяный вусмерть (негативная коннотация придаётся в русском варианте ассоциативами-рефлексивами пьяный и вусмерть, в английском – *dead* (мёртвый)) и др.

Рассмотрим подробнее несколько билингвальных ФЕ с негативной коннотацией, выраженной эксплицитно через негативно-оценочный ассоциатив-рефлексив: ФЕ (*with one's*) *feet first*. У данной английской ФЕ есть два русских эквивалента – ногами вперёд и в гробу (например: *В гробу я его видал. Его вынесли ногами вперёд*). Русская ФЕ *в гробу* относится к негативно-оценочным языковым единицам, так как в её состав входит собственно эмотив «гроб» (ассоциатив-рефлексив), который обладает негативной коннотацией, но при этом, ни один из компонентов, входящих в состав английской ФЕ, не обладает негативной коннотацией. Данный факт позволяет определить русскую ФЕ *в гробу* как собственно эмотив с эксплицитной негативной коннотацией, а английский эквивалент (*with one's*) *feet first* – ФЕ с имплицитной негативной коннотацией. Ни один из компонентов не несёт отрицательной нагрузки, но вся ФЕ обла-

дает негативной коннотацией: имплицитная негативная коннотация обусловлена проявлением в ФЕ культуремы, демонстрирующей её мифологическое происхождение.

Ещё одним примером эксплицитного проявления негативной коннотации, обусловленной включением в состав ФЕ ассоциатива-рефлекси́ва той же полярности, является фразеологизм (as) *an ox goes to the slaughter* – как вол на убой, которая несёт негативную коннотацию, как в русском, так и в английском языке. В анализируемой ФЕ в обоих языках (и в русском – на убой, и в английском – *slaughter*) присутствует собственно эмотив с негативной коннотацией.

Фразеологические структуры, эксплицитная негативная коннотация которых обусловлена включением в их состав эмотивов-номинативов: (as) *angry as hell* – злой как (будто, словно, точно) собака; *furious as a lion* – разъярённый как лев; *quiet as a mouse* – тихий как мышь и др.

Потенциальные эмотивы – компоненты, приобретающие в структуре ФЕ негативную коннотацию под влиянием грамматического отрицания. Отрицательный элемент может включаться практически в любую синтаксическую структуру высказывания, не меняя ее строения, а лишь влияя на изменение значения всего высказывания или его элемента на противоположное. Основываясь на авторской типологизации эмотивов, утверждаем, что в структуре ФЕ грамматическое отрицание, обуславливающее приобретение потенциальным эмотивом негативной коннотации, в общем, и пейоративной коннотации, в частности, проявляется через отрицательные частицы «не», «ни» («no», «not»); предлог «без» (without), союз «ни.....ни» (neither.....nor). Продемонстрируем на примерах:

– без головы; без мозга; *without the bowels of compassion* (без малейшего сочувствия) и др.;

– не ангел; не боец; морально не здоров; звёзд с неба не хватает; зимой снега не выпросишь; лыка не вяжет; *not good with words* (досл. перевод – нехорош со словами. Значение – как язык проглотил); *no good* (так себе, ничего хорошего) и др.;

– ни шатко, ни валко (*neither good nor bad*); ни пава, ни ворона (*neither fish nor foul*).

Проанализированные примеры служат демонстрацией действительного отрицания: негативная форма ФЕ совпадает с негативным

содержанием, т.е. компоненты-эмотивы ФЕ, обладающие негативной коннотацией, действительно придают негативную коннотацию всей ФЕ.

Из приведённых выше примеров видно, что в их состав входят негативно-оценочные собственно эмотивы или грамматическое отрицание, что обуславливает негативную полярность значения самих ФЕ.

Негативная коннотация не только и не столько отрицает, сколько выражает отрицательное суждение. Негативная коннотация является частью категории отрицания, т.е. более узким понятием, с одной стороны, но более сложным, с другой. Иными словами, негативная коннотация выражает значащее отсутствие предмета или признака в определённых пространственно-временных рамках при помощи лингвистических (эксплицитных или имплицитных) средств, т.е. отсутствие предмета или признака значимо и важно для реципиента или адресанта, т.е. имеет место оценка подобного отсутствия и выражение отношения адресанта к данному факту [4, с. 82]. Негативная оценка и отрицание не являются тождественными и взаимозаменяемыми понятиями, что обусловило выделение нами принципа достоверности отрицания, суть которого заключается в следующем.

В языке встречаются ФЕ, в состав которых входит грамматическое или компонентное отрицание, но коннотация всей ФЕ не является негативной. Проиллюстрируем на примерах: ФЕ *before one's eyes* – не по дням, а по часам. В английском варианте данной ФЕ отсутствует отрицательная конструкция, но в русском варианте есть отрицательная частица «не», включение которой в структуру ФЕ однако **не придаёт** всей ФЕ негативной коннотации; *by easy stages* – не торопясь, без спешки: наличие компонента-отрицательной частицы «не» и компонента-отрицательного предлога «без» в русской ФЕ также не придают значению негативную коннотацию; в ФЕ *on the dead* (честно, правда, в самом деле, на полном серьёзе) в английском варианте имеет место компонентная негативная коннотация, которая выражается через ассоциатив-рефлексив с яркой негативной коннотацией «*dead*» (мёртвый). Но при этом, ни английская, ни русская ФЕ не являются негативно-оценочными.

Подобными примерами могут также выступать такие ФЕ, как *во что бы ни стало*; без конца и без края; *водой не разольёшь*; *за словом в карман не лезть*; *сам черт не страшен*; *мухи (комара) не оби-*

dit; на мякине не проведешь; не на жизнь, а на смерть; цены нет; без дураков; *like nobody's business* (как никто другой); none (not) so dusty (недурно, неплохо); no end (бесконечно, сильно); not a penny the worse (не понеся убытка); без заминки (*without a hitch*); без запинки (*without a flub / fumble*); без обиняков (*without beating about the bush*); во всеоружии (*armed to the teeth*); всею шкурой (английского эквивалента нет); до безумия; до беспамятства; до боли в сердце; *from nowhere* (откуда ни возьмись); against the clock (очень быстро); честно говоря – *Say, on the dead*; *a grave air* – с важным видом; не торопясь и др.

Во всех приведённых примерах есть грамматическое или компонентное отрицание, но сама ФЕ не обладает негативной коннотацией, являясь положительно-оценочной. Сравнивая ФЕ с эмотивами-негативами, обуславливающими компонентное отрицание, или с отрицательными частицами в русском и английском языках, констатируем: в обоих языках может иметь место ситуация, когда в состав ФЕ входит собственно эмотив с негативной коннотацией или отрицательная частица, но при этом, ни одна из ФЕ не характеризуется негативной коннотацией. Подобное отрицание мы определяем как фальсификативное, так как оно не выполняет своих прямых функций отрицания и служит «обманным» отрицанием по сравнению с действительным отрицанием, присутствие которого в ФЕ обуславливает негативную коннотацию всей ФЕ. Иными словами, отрицательные частицы или компоненты-эмотивы, обладающие фальсификативным отрицанием служат причиной несовпадения плана содержания и плана выражения фразеологизма, в то время как действительное отрицание обеспечивает его.

Исходя из вышесказанного, классифицируем различные типы отрицания в ФЕ по критерию «достоверность». В этом случае отрицание может быть **действительным или фальсификативным**.

Основываясь на сказанном выше, отметим, что коннотация ФЕ является негативной в том случае, когда грамматическое или компонентное эксплицитное отрицание, входящее в состав ФЕ, является действительным.

Поскольку пейоративы являются частью негативно-оценочных языковых знаков, это означает, что правило действительного и фальсификативного отрицания распространяется и на пейоративные фразеологические знаки в том числе. Коннотация ПФЕ будет

негативной, если она (единица) включает в состав компоненты-пейоративы или строится на действительном грамматическом или компонентом отрицании. Рассмотрим подробнее на примерах: фразеологизм *as hell* – как собака является пейоративным, так как выражает пейоративную оценку такого аморального качества, как злость. В состав фразеологизма входят: в русской единице эмотив-ассоциатив зооним «собака», в английском фразеологическом знаке – ассоциатив-рефлексив «ад». Оба эмотива (и в русском, и в английском языках) представляют действительное компонентное отрицание, которое обуславливает пейоративную коннотацию всей ФЕ. По компонентному составу русская ФЕ отличается от английской заменой компонента «*hell*» (ад) на компонент «собака», который является собственно эмотивом, но имеет двойное коннотативное значение – либо обозначающее «верность», «преданность», либо «злой», «голодный». Иными словами, и в русской, и в английской ФЕ присутствует компонентное действительное отрицание, но оно обеспечивается различными компонентами. Подобное отличие в компонентном составе мы объясняем следующим:

1) во фразеологии английского языка количество ФЕ с упоминанием черта и дьявола значительно больше, чем в русском. Это, как правило, общеупотребительные или книжные слова, заимствованные из библейских источников (*prince of darkness, the Tempter*). Доказательством того, что ФЕ с упоминанием дьявола в английском языке больше, чем в русском служит, например, большое количество эвфемизмов, аналогов которым в русском языке нет, – *Old Harry, Old Nick, the Old Boy*, собственные имена и сочетания слов, такие как *the Foul Fiend, shadow of shadows, king of the shadows* и т.п. [1, с. 139]. Кроме того, к «нечисти» также можно отнести *hell* (чёрт), *witch* (ведьма), *damn* (проклятие) и т.д. В то же время следует отметить, что Англия является одной из наиболее боговерных стран мира, поэтому в английском языке слово «*hell*» может вызвать большой страх и несёт более сильную негативную коннотацию, чем слово «собака».

2) в России на улицах можно с большей долей вероятности увидеть бездомную собаку, нежели в Англии. Именно поэтому именно в русской ФЕ слово «собака» вызывает более сильную негативную ассоциацию.

Несмотря на различия в компонентном составе, следует отметить выражение негативной коннотации через включение в ФЕ компонентного действительного отрицания. ФЕ *(as) angry as hell – (злой) как (будто, словно, точно) собака* определяется как пейоративная, так как она выражает критику в адрес злого человека: злость является отклонением от моральной нормы «доброта», поэтому злой человек выступает как нарушитель моральной нормы, его поведение определяется аморальным и он заслуживает пейоративной оценки со стороны других представителей социума. Таким образом, можно утверждать, что одной из разновидностей эмотивной ситуации конфликта является выражение пейоративной оценки качеств или поступков человека, что позволяет констатировать взаимосвязь категорий пейоративности и эмотивности в русской и английской фразеологии.

Ещё одним примером пейоративного фразеологизма выступает единица *ни рыба, ни мясо (neither fish nor foul)*. В состав анализируемой ПФЕ входит союз «ни ... ни» (в английском языке – *neither ... nor*), являющийся действительным грамматическим отрицанием, что обуславливает принадлежность фразеологизма к негативно-оценочным знакам. Пейоративность данной ФЕ обусловлена тем, что она выражает критику в адрес недалёкого человека, способного своей глупостью принести вред представителям социума. В анализируемом примере следует говорить о приобретении фразеологизмом пейоративной коннотации через актуализацию потенциального эмотива, приобретающего негативную коннотацию добавлением союза «ни...ни» («neither ... nor»).

ФЕ *пьяный в зюзу* определяется как пейоративная, так как она выражает критику в адрес нарушителя общественного порядка. Её негативная коннотация создаётся через эксплицитное действительное компонентное отрицание пейоратив *пьяный*. То же самое можно сказать про русские и английские ФЕ *глуп как пробка (daft as a brush)*, *упрям как осёл, дурья башка, злой язык (biting tongue)* и др. Пейоративная коннотация данных ФЕ обусловлена включением в их состав собственно эмотивов пейоративной коннотации *глуп, упрям, дурья, злой, (daft), (biting)*. Иными словами, в данном случае актуализируется действительное отрицание, так как план выражения совпадает с планом содержания.

В заключение отмечаем: поскольку пейоративные фразеологические знаки принадлежат к негативно-оценочному пласту языковых

единиц, их коннотация обусловлена включением в их состав либо пейоративов (эмотивов с пейоративной коннотацией), либо эмотивов с негативной коннотацией, создаваемой через имплицитное отрицание или через эксплицитное действительное компонентное или грамматическое отрицание. Иными словами, актуализация принципа достоверности позволяет констатировать, какой вид отрицания создаёт негативную и (или) пейоративную коннотацию, необходимую для вербализации пейоративными фразеологизмами эмотивной ситуации эмпатии как в русском, так и в английском языке.

Список литературы

1. Григорьева Е. А. Особенности структуры семантического поля «субъекты ирреального мира» в русском и английском языке [Текст] / Е. А. Григорьева; под общ. ред. К. Р. Галиуллина, Г.А. Николаева // II Международные Бодуэновские чтения: Казанская лингвистическая школа: традиции и современность (Казань, 11–13 декабря 2003 г.): труды и материалы: в 2 т. – К.: Казанский гос. университет, 2003. – Т. 1. – С. 136–139.

2. Жуков В.П. Школьный фразеологический словарь русского языка: Пособие для учащихся [Текст] / В.П. Жуков. – М.: Просвещение, 1980. – 447 с.

3. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка [Текст] / А.В. Кунин. – М.: Просвещение, 1986. – 384 с.

4. Лескина С.В. Категория пейоративности в русском и английском языках в аспекте лингвокультурологического сопоставления (на материале фразеологических единиц) [Текст]: дис. ... докт. филол. наук: 10.02.20 / С.В. Лескина. – Челябинск, 2010. – 510 с.

5. Постоенко И. А. Сопоставительный анализ ситуации несогласия / отказа в русской и английской речевой культуре [Текст] / И. А. Постоенко // Язык как структура и социальная практика: межвуз. сб. науч. тр. – Хабаровск, 2002. – Вып. 3. – С.80–86.

6. Ройзензон Л. И. Современные аспекты изучения фразеологии [Текст] / Л. И. Ройзензон, Ю.Ю. Авалиани // Проблемы фразеологии и задачи ее изучения в высшей и средней школе. – Вологда: Северо-Западное книжное издание, 1967. – С. 72–78.

7. Телия В.Н. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий [Текст] / отв. ред. В. Н. Телия. – 2-е изд., стереотип. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. – 784 с.

8. Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка [Текст] / В.И. Шаховский. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – 208 с.

9. Шуткина Л. Н. Имплицитное отрицание в английской фразеологии [Текст] / Л. Н. Шуткина // сб. науч. тр. – М.: Изд-во Моск. пед. ин-та ин. яз., 1987. – Вып. 287. – С. 92–99.

10. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English [Text] / Fifth Edition. Oxford University Press, 1984. – 1397 p. [OALDCE].

Е. Н. Нуждова

E. N. Nuzhdova

**Лингвокультурологическое освещение номинаций
физических родов в русском и французском языках**

**Linguocultural analysis of the words representing
childbirth in Russian and French languages**

В статье представлен сопоставительный анализ лексем, репрезентирующих участников, место и приемы обеспечения физических родов в русской и французской лингвокультурах. Результаты исследования позволили выявить как сходства, так и различия, обусловленные культурной спецификой, проявляющейся в наличии дополнительных сем и в использовании родовспомогательных приемов и средств, в приметах и суевериях.

The article presents the comparative analysis of lexemes representing the participants, the place and the methods of labour in Russian and French linguocultures. The results of the study revealed both similarities and differences due to cultural specificity, which is manifested in the presence of additional meaning and the use of obstetric techniques and methods, omens and superstitions.

Ключевые слова: русская лингвокультура, французская лингвокультура, обряд, лексема, этимология, сема, суеверия.

Key words: Russian linguoculture, French linguoculture, ceremony, lexeme, etymology, meaning, superstitions.

Интерес ученых к вопросу взаимодействия языка и культуры привел к появлению в конце XX века лингвокультурологии, одной из наиболее активно развивающихся отраслей лингвистики. Лингвокультурология определяется как область научного знания, совмещающая в себе лингвистические и культурологические исследования языковых явлений (Н.Д. Арутюнова, В.В. Воробьев, В.И. Карасик, В.А. Маслова, Т.Н. Снитко, Ю.С. Степанов, В.Н. Телия и др.). Выход лингвистики в лингвокультурологию обусловлен жела-

нием языковедов лучше понять язык в его предназначении выражать культуру. Культура и язык выводятся на равнозначный уровень, где в самом широком смысле культура понимается как содержание, а язык – как условие и форма существования данного содержания.

Отличительной чертой последних лет является стремление сохранить свою культуру, свои обычаи и свой язык. Та или иная нация существует до тех пор, пока остается неразрывной цепь традиций. В этой связи обращение к фольклору представляется одним из возможных способов сохранения самобытности народа, чья душа наиболее ярко и многогранно раскрывается в песнях, сказаниях, обрядах.

Пространство жизни каждого человека непременно отмечено двумя основными вехами – рождением и крещением. В русской и во французской лингвокультурах прослеживаются четыре основных этапа обряда родин, а именно:

- 1) физические роды;
- 2) рождение ребенка;
- 3) очищение;
- 4) посещение гостей.

Проанализируем и сравним лексическое представление участников, места и приемов обеспечения физических родов в русском и французском языках. Следует заметить, что в русской лингвокультуре так же как и во французской существует ряд лексем для обозначения понятия **«повитуха»**, то есть женщины, которая принимает роды. Например:

в русском языке:	во французской лингвокультуре:
повивальная бабка, баба, бабушка, бабка, бабка-повитуха, повивалка, дедiла (диданя, диданька), приемница, акушерка, пупорезка, пуповязанница [12].	accoucheuse /f/ – (акушерка), bonne-femme /f/ – ((добрая) женщина; старушка, простая женщина), matrone /f/ – (уст. повитуха), délivreuse /f/ – (освободительница; избавительница), sage-femme /f/ – (акушерка) [1].

Рассмотрим семантическое наполнение перечисленных русских и французских лексем. В русском языке лексемы **повитуха, пови-**

валка (женщина, помогающая при родах) образованы от глагола *повить, вить*, встречающегося в других славянских языках (украинский *віти*, болгарский *вѣя*, сербохорватский *вити, вѣјем*, словенский *víti*, чешский *víti, viji*, польский *wić*, верхнелужицкий *wić*), и родственного литовскому *výti* «вить», латышскому *vīt*, древнеиндийскому *váyati* «плетет, ткёт», *vītás* «витой», *vuáyati* «вьет, крутит», латинскому *vieo, viēre* «плести» [10, с. 322]. Глаголы *повивать, повить* имеют несколько значений, а именно: обвить или обмотать, укутать повязкой; свивать, пеленать младенца, обертывать в пелены, а сверху еще и свивальником, повивальником, широкой тесьмой, чтобы ручки и ножки лежали спокойно; бабчить, принимать ребенка [4, с. 121]. Все указанные действия выполняются повитухой в процессе осуществления обряда родин.

Однокоренные слова **бабка** (то же что и повивальная бабка), **баба, бабушка** (старая женщина) родственны литовскому *bóba* «старая женщина, старуха», латышскому *bāba* с тем же значением, а также встречаются в украинском языке *ба́ба*, болгарском *ба́ба*, сербохорватском *ба́ба*, словенском *bába*, чешском *bába* «старуха, бабушка», польском *baba*. Является словом детского языка (сравните: средневерхненемецкий *bābe, bōbe* «старуха», средневерхненемецкий *buobe* «мальчик, слуга») – [10, с. 99].

Словосочетание **повивальная бабка**, существительное **бабка-повитуха** состоят из слов, этимологический анализ каждого из которых был представлен выше. Лексемы **деди́ла (диданя, диданька)** со значениями бабушка, бабка, повитуха, приемница являются местными диалектами в Рязанской и Тульской губерниях [2, с. 404].

Слово **приемница** является производным от глагола *принять* в значении «оказать помощь при родах». Глагол *принять* образован при помощи префикса *при-* и глагола *има́ть (ёмлю)* «брать», форма несовершенного вида изъявительного наклонения основ *јѣмѣ, јѣти*, встречающегося в других славянских языках с подобным значением: болгарский *ёмна*, сербохорватский *јѣмљѣм, јѣмати*, словенский *јѣмљѣм, јѣмати*, чешский *јѣмати* «хватать», словацкий *јѣмаť*. Первоначальная основа несовершенного вида *емѣ, јѣмати*. Сравните с латинским глаголом *emō, ēmi* «беру», литовским *imù, ėmiaũ* [11, с. 19].

Что касается лексем **пупорезка, пуповязанница**, то вполне очевидно, что они образованы путем сложения двух основ, а именно

основы существительного «пуп» и глаголов «резать» и «вязать», обозначающих действия, входящие в круг обязанностей повитухи.

Русское **акушерка** (оказывающая помощь при родах) является производным существительным женского рода от существительного *акушёр*, заимствованного из французского языка (*accoucheur /m/* акушер) [10, с. 67].

Лексема **accoucheuse /f/** зафиксирована во французском языке в форме женского рода в 1671 году от глагола *accoucher*, этимология которого была представлена выше, а форма мужского рода *accoucheur /m/* существует в языке с 1677 года [14, с. 19].

Существительное **bonne-femme /f/** состоит из двух слов: прилагательного женского рода *bonne* от латинского *bonus* «хороший, добрый», появившегося в языке со значением «добрый, добрая» в середине X века, и существительного *femme /f/*, восходящего к началу XI века, от латинского *femīna* «женщина». В современном французском языке лексема **bonne-femme /f/** является многозначной, но в значении «простая и достаточно пожилая женщина» не употребляется в современной разговорной речи [14, с. 272–273; 1025].

Французское **matrone /f/** от латинского *matrōna* «почтенная женщина; замужняя женщина» существует в языке со значением «акушерка» с XV века и в современном французском языке считается архаизмом [14, с. 1554].

Слово **délivreuse /f/** является формой женского рода существительного *délivreur /m/*, зафиксированного в 1734 году со значением «освободитель, защитник» в старофранцузском, и дериватом глагола *délivrer*, этимология которого была рассмотрена нами выше. В словаре современного французского языка отмечено как редкое слово [14, с. 662].

Лексема **sage-femme /f/** существует в языке с XIII века и образована путем сложения прилагательного *sage* «умный, мудрый», появившегося в 1080 году, и существительного *femme* «женщина». Этимология прилагательного *sage* не достаточно ясна. Возможно, слово было заимствовано из народной латыни *sapius, sabius* (данные формы не подтверждены и воспроизведены по фонетическим законам) или из классической латыни *sapidus* (сравните: *nesapius* «глупый, слабоумный») или возникло в языке под влиянием лексемы *sapiens* «мудрый, благоразумный» [14, с. 2291].

Следовательно, в семном составе лексем, используемых для номинации понятия *повитуха* в русской и французской лингвокультурах, прослеживается общее значение «женщина, помогающая при родах», «старушка, пожилая женщина» (сравните: русское – баба, бабушка и французское *bonne-femme* /f/), кроме того, лексемы акушерка и *accoucheuse* /f/, являются родственными.

Непосредственным участником обряда родин, как в русской, так и во французской культурах является **родильница**. В русской лингвокультуре для номинации этого участника обряда существуют следующие лексемы: **родильница** или **роженица**, из восточных русских говоров **родимица**, тверское **рожо́ха** и **роди́ха**, нижненовгородское **роже́нка**. Все указанные лексемы объединены общей семой «рожающая, недавно родившая, лежащая в родах, муках» [4, с. 452]. Что касается происхождения перечисленных выше лексем, то все они являются дериватами глагола *родить* (*рожу, родиться, рождать*), к этимологии которого мы обращались ранее. В современном русском языке слово **родильница** в значении «рожающая или только что родившая женщина» является устаревшим, а со значением «женщина в послеродовом периоде – специальным словом» [6, с. 681].

Во французской лингвокультуре понятие *родильница* представлено следующими лексемами: ***accouchée*** /f/ – (роженица), ***parturiente*** /f/ – (роженица). Слово ***accouchée*** /f/ (только что родившая женщина) появилось в языке в 1321 году, образовано от глагола *accoucher*, происхождение которого рассматривалось выше [14, с. 19].

Лексема ***parturiente*** /f/ (женщина, которая рождает) существует в языке с 1598 года, является заимствованием из латинского *parturiens, entis* от глагола *parturire*. В современном французском языке является медицинским термином [14, с. 1817]. Отсюда следует, что и в русской и французской лингвокультурах прослеживается общая сема «рожающая, только что родившая женщина», однако родственными они не являются.

В русской культуре во время осуществления обряда родин возможно присутствие мужа. Упоминание об этом участнике обряда родин в работах французских этнографов нам не встретилось.

Физические роды на Руси, как правило, происходили в *нежилом помещении* (**баня, катух, клеть, хлев, чулан**), в некоторых случа-

ях в **избе**. Этот обряд мотивирован не только представлением о нечистоте роженицы, но и призван вывести ее хотя бы на символическое расстояние от дома, от стабильно организованного пространства. Все эти помещения, особенно баня, являются переходным местом между домашним, «своим» пространством и чужим враждебным [8].

Во французской культуре место исполнения обряда не обозначается так конкретно. Физические роды происходили дома (**maison /f/**) или, по меньшей мере, в каком-либо закрытом помещении (загоне) фермы (**enclos /m/ de la ferme**) [13, с. 115]. Вероятно, сходными моментами здесь можно считать присутствие лексем «**изба**» в русской лингвокультуре и “**maison /f/**” во французской, а также «**хлев**», «**катух**» и “**enclos /m/ de la ferme**”. Слова «**баня**», «**клеть**» и «**чулан**» являются особенностью русской лингвокультуры. Проанализируем семантику указанных лексем.

На Руси **избой** называли крестьянский дом, хату; жилой деревянный дом; жилую горницу, комнату [3, с. 11]. Лексема встречается в других славянских языках: украинский *ізба́*, древнерусский *истьба* «дом, баня», болгарский *úzba* «землянка, хижина», сербохорватский *изба* «комната, погреб», словенский *izba, jìsra, jspà* «комната», словацкий *izba* «комната», польский *izba, źba* «комната, палата», верхнелужицкий *jstwa, stwa*, нижнелужицкий *špa, śpa*. Объяснение из *истопка* от *топúть, истопúть*, судя по остальным славянским формам, всего лишь народная этимология. Праславянская основа *jьstьba* заимствована из германской основы *stuba* (сравните: древневерхненемецкий *stuba* «теплое помещение, баня», древнеисландский *stofa, stufa* «баня с печью») или из романской основы *extūfa* (сравните: французское *étuve /f/*, итальянское *stufa* «баня»). Принимая во внимание германское краткое *u*, можно считать объяснение из древневерхненемецкого более правдоподобным, чем из романского, где *ū* долгое. Латышское *istaba* «комната, дом, жилище», *istuba, ustaba, ustuba* заимствовано из древнерусского [11, с. 120–121].

Французское слово **maison /f/** появилось в языке в конце X века, заимствовано из латинского *mansio, mansionis* «пребывание» и «местопребывание, жилище, обиталище», является однокоренным словом глагола *manēre* «оставаться, пребывать, быть постоянным, не изменяться» [14, с. 1508]. Следовательно, слова «**изба**» и “**maison**

/f/” не являются родственными, сходство проявляется лишь в наличии общей семы «жилое помещение».

Обратимся к анализу следующей группы лексем. Под словом *катух* понимается хлев для мелкой скотины, особенно для телят, свиней [3, с. 85]. Данная лексема происходит от существительного *котѣц* «кошель, запруда для ловли рыбы», встречающегося в других родственных славянских языках (украинский *котѣць* «закол для ловли рыбы», болгарский *котѣц*, сербохорватский *кѳт*; *кѳтац* «небольшой хлев для ягнят, козлят, курятник», словенский *kѳtас* «курятник, свинарник», чешский *kot*, *kotec* «маленький дом», древнепольский *kosiec* «клетка, садок», польский *kojes* «курятник, перегородка в хлеву»). Слово родственно авестийскому *kata* – «комната, кладовая», новоперсидскому *kad* «дом», готскому *herjo* «кладовая», древнеиндийскому *sātant-* «прячущийся» [11, с. 351–352].

Хлев – это сарай, закута, защищенный от непогоды, крытый загончик для скота [5, с. 355]. Аналогичное значение проявляется в некоторых близкородственных славянских языках (сравните: украинский *хлів*, болгарский *хлев*, сербохорватский *хлијев*, словенский *hlév*, чешский *chlév*, словацкий *chliev* «стойло», польский *chlew*, верхнелужицкий *khlěw*, нижнелужицкий *chlěw*). Предполагают заимствование из готского *hlaiw* «могила, пещера», однако попытки доказать родство славянского слова с готским *hlaiw*, *hlija* или связать хлев – якобы из *sklěvъ* и *sklěтъ* – со словом *клеть* неудачны [11, с. 631].

Во французском словосочетании *enclos /m/ de la ferme* лексема *enclos /m/* «огороженное место; участок, обнесенный оградой; загон» зафиксирована в языке в 1283 году, образована от глагола *enclore* «огораживать; заточать, запирасть», восходящего к 1050 году, заимствованного из народной латыни *inclaudere* (форма не подтверждена и воспроизведена по фонетическим законам), из классической латыни *includere* «заключать, запирасть, загораживать» [14, с. 862].

Отсюда следует, что в семном составе сопоставляемых лексем прослеживается присутствие одинакового значения «огороженное место, загон», но французское *enclos /m/ de la ferme* является общим понятием в отличие от русских слов *катух* и *хлев*, имеющих

ряд конкретных сем; кроме того анализируемые существительные не являются родственными между собой.

Русские лексемы **«клеть»** и **«чулан»** сходны между собой по значению. Сравните: клетью считается холодная половина избы или отдельная избушка для поклажи, без печи; чулан, амбар, кладовая [3, с. 101], а чуланом называется отгороженная от сеней или комнаты кладовая, особенно для съестного, у крестьян это род клетки, в просторных сенях, где лежит и запасная одежда, а летом спят [5, с. 408].

Словом **баня** в русской лингвокультуре обозначают строение, где моются и парятся [2, с. 85]. Почему именно бане отводится особое место во время совершения обряда родин на Руси? Слово появилось в языке церковнославянских памятников и восходит к XI веку. Скорее всего, это старое заимствование из народнолатинского *bāneum* (сравните: латинское *balneum* «баня»). Отсюда же французское *bain* /m/. Встречается в других славянских языках (украинский *ба́ня*, сербохорватский *бања* с тем же значением, болгарское *ба́ням* «мою»). Сюда же следует отнести слова со значением «банка, сосуд, медицинская банка» (сравните: украинское *ба́ня* «сосуд, купол», *ба́нька* «медицинская банка», словенской *bānja* «ванна», чешское *báně* «сосуд, кувшин», *baňka* «медицинская банка», польское *bania* «пузатый сосуд», *bańka* «медицинская банка», верхнелужицкий *bańka* «все округлое; кувшин», нижнелужицкий *banja* «кувшин»), первоначально, вероятно, являющиеся идентичными слову баня, которое развило сначала значение «ванна», затем «сосуд» [10, с. 121–122].

Русский этнограф А.В. Терещенко свидетельствует о появлении в XI веке на Руси банных строений с каменной оградой вокруг церкви для крещения детей. Церковный купол называли баней, из польского *bania* «купол или здание с круглой кровлей». «Слово «баня», – пишет автор, – употреблено в Новом Завете в смысле крещения. «...Христос возлюбил Церковь и предал себя за нее, чтобы освятить ее, очистив баней водной, или баней паки бытия»» [9, с. 347].

Что касается *приемов, используемых во время физических родов*, в русской культуре они сводятся к приемам, основанным на *символике открывания, развязывания, выхода* (развязывание узлов, снятие пояса, расплетание косы, иногда разрывание стана ру-

бахи, а в особо тяжелых случаях посылали просить священника открыть Царские врата в церкви) [7, с. 10].

О народных способах облегчения физических родов, применяемых акушерками (повитухами) различных провинций Франции, имеется очень мало сведений. Отмечается, что техника, используемая во время родов, включает в себя различные *приемы не медицинского, а магического характера (procédés (m, pl) de caractère magique)*, которые имеют своей целью обеспечить безопасность матери и ребенка от естественных и сверхъестественных опасностей [13, с. 118].

Одним из способов родовспомогательной магии является такой обычай, как **кувада (couvade /f/)**. Упоминание о нем, так или иначе, встречается в работах как русских, так и французских фольклористов и этнографов [13, с. 120], [7]. **Кувaда** – это обрядовая имитация родовых мук мужем роженицы.

Вполне очевидно, что русская лексема «**кувада**» является заимствованием из французского языка. Французское **couvade /f/** появилось в языке в 1807 году, является дериватом от глагола *couver* (высиживать цыплят, сидеть на яйцах; опекать кого-либо, заботиться о ком-либо), зафиксированного в конце XII века из латинского *subare* «лежать» [14, с. 571–572].

Однако здесь стоит оговориться о том, что этот обычай в таком его понимании не засвидетельствован во Франции, сохраняются, как полагают, лишь его пережитки, причем в некоторых провинциях Беарн (Béarn /m/), Гасконь (Gascogne /f/), Лимузен (Limousin /m/). Так, женщина может ускорить роды, надевая с момента первых схваток *рубашку, обувь или брюки своего мужа (chemise /f/, chaussures /f, pl/ ou pantalon /m/ de son mari)*. В Нижней Нормандии (Basse-Normandie /f/) *рубашкой отца (chemise /f/ de père)* накрывают промежность матери или заворачивают в нее новорожденного. Считают, что и в том и другом случае это предотвращает маточное кровотечение у родильницы. С этой же целью используют *поношенный мужской ночной колпак (bonnet /m/ de nuit d'homme ayant été porté)*, надеваемый роженицей на голову [13, с. 120–121].

Практика **кувады** существовала до последнего века в некоторых регионах острова Корсика (Corse /f/). Как только женщина роди-

ла ребенка, муж ложится в кровать, как будто он болен, и проводит в постели определенное количество дней, как роженица [15, с. 12].

В русской культуре, по свидетельствам этнографов, способы исполнения *кувады* в случае трудных родов меняются от губернии к губернии, но они всегда направлены на облегчение мук родильницы и на ее счастливое разрешение посредством перенесения родовых мук с жены на мужа. Однако по древним правилам у русских отцу иногда предписывалось во время родов жены заниматься своей работой, особенно, если это было какое-то ремесло, чтобы новорожденный сын, рождение которого всегда считалось предпочтительнее (так же как и во французской культуре), перенял профессию отца [7].

Для облегчения страданий роженицы и легких и счастливых родов в русской и французской культурах существует целый ряд средств. В русской культуре к таковым относятся: *вода*, *икона*, *свеча*, *молитва*, *стол* (обряд распускания писаной молитвы в воде; омовение образа водой над опрокинутым ведром; опрыскивание роженицы врасплох водой; зажжение венчальной или крещенской свечи перед иконами во время родов; прочтение роженицей или кем-то другим молитвы Пресвятой Владычице Нашей Богородице и Приснодеве Марии; обведение родильницы трижды вокруг стола) [7, с. 10–11].

Во французской культуре считается, что помогают облегчить роды, следующие средства: *освященный пояс* (*ceinture /f/ bénie*), *пояс святой Маргариты* (*ceinture /f/ de sainte Marguerite*), одной из главных покровительниц женщин в родовых схватках во Франции, *талисманы* (*talismans /m, pl/* и *амулеты* (*amulettes /f, pl/*, *восковая свеча* (*cierge /m/*, освященная именно на Сретение (*la Chandeleur*), *иконы* (*images /f, pl/ pieuses*), *мощи* (*reliques /f/*, возлагаемые на живот роженицы, или *четки* (*chapelet /m/*), которые кладут ей на голову [13, с. 117; 119], [15, с. 11].

Таким образом, родовспомогательные приемы и в русской и во французской культурах носят символический, магический характер, но с присутствием отличительного культурного компонента. Что касается средств, способствующих быстрому и счастливому разрешению от бремени, то здесь прослеживаются как схожие моменты (иконы), так и специфичные (вода, стол – освященный пояс, талисманы, амулеты, восковая свеча, четки).

Как у русских, так и у французов есть ряд *суеверий и примет, связанных с физическими родами*. Именно здесь наиболее четко прослеживается культурная специфика. Издревле на Руси верили, что роды бывают тем труднее, чем больше лиц о них знает. Особенно беременность скрывали от девиц и старых дев, а женщины, имевшие детей, наоборот, могли помогать повитухе, если такая помощь допускалась местной традицией и требовалась по обстоятельствам. Участие в такой помощи пожилых женщин, имеющих детей, положительно влияет на исход родов и на дальнейшую судьбу ребенка [7, с. 11].

Во Франции считалось, что фазы луны влияют на течение родов и на пол ребенка. Так полная луна способствует легким родам, тогда как конец лунного цикла затрудняет их. Если женщина рождает на растущей луне, то будет мальчик, если на убывающей, то девочка [13, с. 117].

В кантоне Юра (Jura /m/), согласно поверью, рядом с роженицей должна находиться девушка девственница и держать ее за руку, эта девушка олицетворяет собой богиню Люцину (богиню деторождения в римской мифологии, помогающую разрешению от бремени). Присутствие же вдовы в доме родильницы замедляет рождение (провинция Лимузен – Limousin /m/). В Бретани (Bretagne /f/) прогоняют из дома кошек, чтобы помешать им предупредить бесов, домовых и злых духов. В некоторых французских регионах выгоняют из комнаты мух, чтобы роженица не родила на свет девочку [15, с. 12–13].

Таким образом, сопоставительный анализ номинаций физических родов в русской и французской лингвокультурах выявляет как сходства, так и различия. А именно: присутствие общих сем у лексем, используемых для номинации понятий «повитуха», «родильница», «ребенок», для обозначения помещения, в котором происходят роды. Однако родственные связи между сравниваемыми словами не были обнаружены (за исключением лексем новорожденный (-ая) и *pouveau-né* (e), акушерка и *coucheuse* /f/, кувада – *couvade* /f/. Отличительными моментами можно также считать наличие дополнительных сем у некоторых анализируемых слов. Кроме того, культурная специфика находит свое проявление в использовании родовспомогательных приемов и средств, в суевериях и приметах, связанных с рождением ребенка.

Список литературы

1. Гак В.Г. Новый французско-русский словарь. – М.: Русский язык, 1997. – 1195 с.
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка // в 4 т. – Т. 1. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007. – 640 с.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка // в 4 т. – Т. 2. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. – 672 с.
4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка // в 4 т. – Т. 3. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007. – 576 с.
5. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка // в 4 т. – Т. 4. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. – 576 с.
6. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. – М.: Азбуковник, 1997. – 994 с.
7. Панкеев И.А. От крестин и до поминок. – М.: ПБЮЛ Быстров, Изд-во Эксмо, 2002. – 544 с.
8. Российский гуманитарный энциклопедический словарь // в 3 т. – Т. 3. – М.: Гуманитарный изд. центр ВЛАДОС: Филологический факультет СПбГУ, 2002. – 704 с.
9. Терещенко А.В. История культуры русского народа. – М.: Эксмо, 2007. – 736 с.
10. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка // в 4 т.– Т.1. – СПб.: Терра – Азбука, 1996. – 2938 с.
11. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка // в 4 т.– Т.2. – СПб.: Терра – Азбука, 1996. – 2938 с.
12. Щерба Л.В. Русско-французский словарь. – М.: Русский язык, 1997. – 848 с.
13. Genep Arnold Van Le folklore français. Du berceau à la tombe. Cycles de carnival – Carême et de Pâques. – Paris: Robert Laffont, 1998. – 1182 p.
14. Le Nouveau Petit Robert. – Paris: le Robert, 2008. – 2837 p.
15. Mozanni Éloïse Le livre des superstitions. Mythes, croyances et légendes. – Paris: Robert Laffont, 1995. – 1822 p.

**Экспликация понятия «сила» для обозначения «военной силы»
средствами ядерных лексем “force”/ «сила»
при их функционировании в английских
и русских прозаических текстах 20 века**

**The explication of the notion “force” in the meaning of “military
force” with the help of the core lexical units “force”/ «сила»,
functioning in English and Russian prose of the 20th century**

Данная статья посвящена сопоставлению семантического наполнения ядерных лексем “force” и «сила», при обозначении «военной силы» и их функционированию в художественных текстах на сравниваемых языках. Целью исследования является выделение типичных словосочетаний, указывающих на сходства и различия при обозначении «силы, как войска».

This article deals with the semantics of the core lexical units “force”/ «сила» meaning “military force” and their functioning in prose in the compared languages. The objective of the research is to determine typical word combinations which show the similarities and differences while rendering the notion “force, as military force”.

Ключевые слова: английский язык, русский язык, понятие, ядерная лексема, семантика, сходство, отличие.

Key words: the English language, the Russian language, notion, core lexical unit, semantics, similarity, difference.

В современной науке изучение взаимодействия языка, культуры и влияния на них различных факторов окружающей действительности открывает широкие возможности для научного познания. В языкознании большое внимание уделяется лексике, которая в своей семантике отражает понятия, исследование которых помогает определить, как действительность отражается в языковом сознании носителей языка. Анализируя понятия, входящие в языковую картину

мира, можно проникнуть в сферу языкового сознания личности и этноса в целом, определить степень соотношений языка и личности, личности и народной культуры. Язык является отражением национального характера мышления, он раскрывает духовное начало, присутствующее в человеке, вместе с тем формируя сознание человека, проникая внутрь этноса, и тем самым, в нем отражается национальная культура. Можно сказать, что язык и культура тесно взаимосвязаны и немыслимы друг без друга.

Анализ вербализации одного и того же понятия в разных языках позволяет выявить национальную специфику языковых систем. Она проявляется в том, что способы вербализации одного и того же понятия, степень подробности или обобщенности его репрезентации, количество и набор лексем номинирующих его, уровень абстракции, на котором он варьируется, различаются в разных языках. Таким образом, подобные исследования помогают выявить национальную специфику одного и того же понятия в разных языках. Понятие выражает наиболее общие, существенные признаки предмета или явления, результат их рационального отражения и осмысления. Оно возникает на основе представления или схемы только в процессе постепенного отвлечения от второстепенных, случайных, индивидуальных признаков.

Понятие «сила» является одним из основных в сознании человека, оно связано с характеристикой личности, имеет сложную структуру и отражает важный фрагмент мировидения индивида. Данное понятие является одним из базовых и характеризуется чрезвычайно сложным, объёмным и абстрактным содержанием. Оно представляет интерес ещё и потому, что лексические единицы, вербализующие данное понятие, не имеют вещного референта в реальном мире и обозначают не наблюдаемые, а ментально конструируемые сущности.

Использование двуязычных и толковых словарей показывает, что в английском языке понятие «силы» могут выражать в своей семантике такие лексемы, как: 1. strength, force, energy; 2. (техническое, физическое) power, force; 3. (множественное число; военное) force; 4. (юридическое) сила закона validity / force of the law; 5. в силу (родительный падеж) because of, on account of, owing to, by virtue (of). Power, force, energy, strength соотнесены с общим понятием, макси-

мально выраженным словом *force*. Они описывают один и тот же признак, выраженный в разной степени, однако анализ частотности использования лексем показывает, что в большей мере своей семантикой отражает это понятие лексема «*force*» [1, с. 573]. Таким образом, ядерной лексемой, отражающей понятие «сила», в английском языке может быть лексема "*force*", а в русском языке лексема «*сила*».

Основываясь на данных толковых словарей английского и русского языков в сопоставительном аспекте можно отметить как сходства, так и отличия в семном составе данных ядерных лексем. К числу сходств относятся в толкованиях ядерных лексем "*force*" / «*сила*» такие значения как:

- 1) силы, как войска;
- 2) физическая сила;
- 3) сила природы;
- 4) общественные силы;
- 5) влияние, власть.

Чтобы определить степень их сходства, необходимо обратиться к сопоставительному анализу семного состава микрополей данных ядерных лексем. В нашей работе мы подробнее остановимся на значении ядерных лексем "*force*" / «*сила*», обозначающих «силу» как «войско».

Сопоставление показывает присутствие в обоих языках таких элементов в составе семы «*сила*» как «войско, войска»:

- 1) вооружённые силы государства, армия;
- 2) военная сила, как организованная группа людей.

Особенностью семантики английской ядерной лексемы "*force*", обозначающей «силу» как «войско» является присутствие таких элементов значения как:

- 1) *nuclear forces* (ядерное оружие), причём это может быть *short-range nuclear forces*;
- 2) *conventional forces* (неядерное оружие);
- 3) *land forces* (сухопутные войска);
- 4) *covering forces* (войска прикрытия);
- 5) *armoured forces* (бронетанковые войска);
- 6) *Peace-keeping forces* (миротворческие силы). Причём, хотя в словарях русского языка мы не встретили отметку о суще-

ствовании фразы «миротворческие силы», но в разговорной речи она встречается;

- 7) ground forces (наземные войска);
- 8) security forces (силы безопасности);
- 9) government forces (правительственные силы);
- 10) armed forces (вооружённые силы вообще);
- 11) defence forces (оборонительные войска);
- 12) Rebel forces (повстанческие войска) [7, с. 768].

Отличительной особенностью русского языка является присутствие таких значений в составе данной семы, как:

- 1) ангельские силы, как войско небесное;
- 2) рать (поэтическое, старинное), как войско и как воинская, боевая сила;
- 3) ополчение [4, с. 189; 2, с. 622].

Следовательно, сравнение состава схем семантики ядерных лексем “force” / «сила», обозначающих «силу» как «войско» демонстрирует в большей степени различия, чем сходства, так как английская лексема “force” более богата в семантическом наполнении.

Однако данное сопоставление невозможно считать исчерпывающим, так как оно не показывает особенностей реализации понятия «сила» в сопоставляемых языках. В наши дни художественный текст становится объектом исследования в лингвистике как источник отображения языковой картины мира. Проводимый нами сравнительный анализ позволит выяснить, с одной стороны, то общее восприятие, понимание силы в языковом сознании носителей языков, а с другой стороны, уточнить отдельные моменты понимания силы авторами сравниваемых текстов художественной прозы.

Как уже было упомянуто, значение «военная сила» является общим для сопоставляемых языков, однако, сравнив семантическую наполненность ядерных лексем “force”/ «сила», следует обратиться к анализу их использования в прозаических текстах, чтобы получить более полную картину функциональных особенностей данных лексем. Мы обратимся к анализу только тех элементов, которые являются общими в семантике микрополей ядерных лексем «force»/ «сила» при обозначении «военной силы».

В сопоставляемых языках реализацию значения «военные силы» можно представить в виде двух основных составляющих:

- военная сила, как армия;
- военная сила, как организованная группа людей.

В художественных английских текстах данное значение реализуется в виде словосочетаний: *all force, air force, occupying force, defence force, attacking force, British force, minor force, defending force, regular force, elite force, military force, mobile force, standing force, battle-working force* и другие. Например:

"If I were the Pentagon or the White House I'd be upset too if a US Air Force bomber or cargo plane, carrying a load of bombs, suddenly disappeared into the sea. Especially if the bombs – or missiles - that plane was carrying were of the nuclear variety [8]."

В русских текстах это значение способно реализовать словосочетания типа: крупные силы, главные силы, силы противника, вооружённые силы, военно-воздушные силы, превосходящие силы и другие. Например:

Однако наше сопротивление усиливалось, в упорных оборонительных боях мы перемалывали кадровые части врага, уничтожали его технику; сами немцы признали, что за лето сорок первого года они потеряли более полумиллиона солдат и 3500 самолётов; мы наносили им сильные контрудары и настолько подорвали их наступательные возможности, что темпы их продвижения снизились до двух-трех километров в день, а на ряде участков их крупные силы вообще оказались скованными и топтались на месте [5].

Сравнение показывает, что как в английских, так и в русских художественных текстах в данных словосочетаниях встречается перечисление имеющихся военных подразделений армий разных стран.

В художественных текстах на сопоставляемых языках значение «военные силы» может быть представлено более конкретно в виде военной силы как организованной группы людей. В английских художественных текстах это значение способны реализовать словосочетания: *task force, a force of investigating officers, a force of grenadiers, peace-keeping force, a compact and hard-hitting force, a force of warriors*. Например:

After dinner that evening, Cocello instructed Randy Mueller to set up a task force tea [6].

В русских художественных текстах это значение может выражать словосочетание: огромная разрушительная сила.

Бичи – это огромная разрушительная сила. Если сто человек сибирских бичей запустить, например, в Голландию, то они ее всю покорят и обратят в православную веру [3].

Сопоставив полученные результаты, можно сделать вывод, что как в английских, так и в русских художественных текстах можно наблюдать представленность значений при раскрытии понятия «военные силы», зафиксированные в словарях:

- военные силы – армия;
- военные силы – группа людей.

Контекстуальные особенности значения не встретились. Анализ примеров из художественной литературы подтвердил тот факт, что английская лексема “force” встречается в более разнообразных лексических контекстах и охватывает более широкое значение понятия «сила» при обозначении «военной силы». Хотелось бы подчеркнуть, что перечисленные словосочетания, выявленные нами на материале английских и русских художественных текстов, реализующие понятие «сила», безусловно, пополняют список возможных словосочетаний в словарях словосочетаний английского и русского языков.

Список литературы

1. Большой русско-английский словарь: С приложением кратких сведений по английской грамматике и орфоэпии. Сост. А.И. Смирнитский, О.С. Ахманова, З.С. Выгодская, Т.П. Горбунова и др.; под общ. рук. А.И. Смирнитского; под ред. О.С. Ахмановой. – М.: Рус. яз. – Медиа, 2003. – 768 с.
2. Ожегов С.И. Словарь русского языка. Изд. 6-е, стереотип. М., Издательство «Советская энциклопедия», 1964. – 900 с.
3. Попов Е. Как мимолетное видение (1970-2000). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения 12.11.2011).
4. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка: в 3 т. – Т.3. под ред. проф. Д.Н. Ушакова. М.: Вече, Мир книги, 2003. – 627 с.
5. Рыбаков А. Тяжелый песок (1975-1977). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения 12.11.2011).
6. Kilby, M. Man at the sharp end. Lewes, East Sussex: The Book Guild Ltd, 1991, 2565 s-units. [Электронный ресурс]. URL: <http://corpus.byu.edu/bnc/> (дата обращения 25.11.2011).
7. Longman Dictionary of Contemporary English. – Pearson Longman: Pearson Education Limited, 2007.-1950 p.
8. MacLean, Alistair. Santorini. London: Fontana Press, 1987, 3784 s-units. [Электронный ресурс]. URL: <http://corpus.byu.edu/bnc/>. (дата обращения 25.11.2011).

ЛИНГВОДИДАКТИКА И МЕТОДИКА ОБУЧЕНИЯ ЯЗЫКУ THEORY AND METHODOLOGY OF TEACHING LANGUAGES

УДК 372.881

О. В. Кораева

O. V. Koraeva

Об использовании приемов нейро-лингвистического программирования при обучении иностранному языку On the use of techniques of neuro-linguistic programming for teaching a foreign language

В статье рассматривается обучение иностранному языку с учетом особенностей индивидуального восприятия студентов и идентификации паттернов поведения отдельных лиц и групп. Особенности индивидуального сенсорного восприятия мира дают возможность формирования более однородных и продуктивных учебных групп, для более быстрого и эффективного усвоения и запоминания учебного материала.

The article describes teaching of a foreign language considering peculiarities of individual perception of students and identification of behavior patterns of individuals and groups. Awareness of individual sensory perception make it possible to create more homogeneous and productive educational groups for faster and more efficient learning and memorization of educational material.

Ключевые слова: методы обучения, иностранные языки, педагогическая психология, нейро-лингвистическое программирование, репрезентативные системы, раппорт, восприятие, эффективная коммуникация, фильтр.

Key words: methods of teaching, foreign languages, pedagogical psychology, neurolinguistic programming, representational systems, rapport, perception, effective communication, filter.

При обучении иностранному языку чрезвычайно важно учитывать индивидуальную сущность восприятия реальности, а также идентифицировать паттерны поведения отдельных лиц и групп.

Во время периодов взаимодействия, происходящих при общении (в том числе, учебном общении), становятся очевидными определенные структуры поведения. Так же как и язык, которым мы пользуемся, структурируется из семантики и грамматики, так и богатое и разнообразное невербальное поведение людей следует хорошо структурированному порядку. Эта проблема стала настолько актуальной для практической психологии, что вылилась в отдельное направление, получившее название нейролингвистическое программирование.

Для формирования более гомогенных и продуктивных учебных групп, для более быстрого и эффективного усвоения и запоминания учебного материала следует учитывать особенности индивидуального сенсорного восприятия мира.

К важнейшим характеристикам нервной организации человека относятся используемые конкретным индивидом особенности восприятия и переработки информации – репрезентативные системы. Это индивидуальные модели восприятия того, что передают нам наши органы чувств.

Для того чтобы лучше разобраться в проблеме использования репрезентативных систем, следует обратиться к теории одного из основателей нейролингвистического программирования Дилтса. [2, с. 85–90]. Дилтс ввел понятие «Карта – не есть территория», которое он поясняет на примере известной притчи о трех слепых. Каждому из них предлагалось ощупать различные части слона (ногу, хвост и хобот) и затем выяснить, чем же является слон. После проведенного эксперимента один утверждал, что слон – это нечто вроде колонны, другой – что слон подобен змее, а третий настаивал, что слон – это ничто иное как большой червяк.

Таким образом, мы позволим себе утверждать, что слон – это окружающая нас действительность, т. е. «территория», а хвост или хобот, эта «карта» этой территории, которую мы к настоящему моменту имеем. Однако, зачастую мы сталкиваемся с тем, что люди ассоциируют свою собственную «карту» с подлинной «территорией». Мы требуем, чтобы все окружающие воспринимали нашу «карту», как истинную «территорию» и прибываем в искреннем удивлении, когда этого не происходит. В таком случае, открытым

остается вопрос, откуда же берутся у людей их «карты»? Что же определяет особенности наших карт?

Во-первых, сильнейшее влияние на формирование наших «карт» оказывает наш собственный жизненный опыт. Будучи лингвистами, мы замечаем, что носитель любого языка формирует свою речь без необходимого осознания используемых правил. Таким же образом правила невербального поведения маскируются самой их сущностью: они являются неосознанными процессами.

Создание наших «карт» (моделей мира) – это чрезвычайно эффективная, непрерывная процедура, которая происходит в течение всей жизни. "Информация", используемая в создании наших моделей, опыт и воспоминания об опыте, которые формируют строительные блоки структуры, должны проходить через определенные сужения или "фильтры" в процессе построения модели. Существуют сужения (ограничения) или фильтры, которые были идентифицированы Бэндлером и Гриндером [1, с. 40–45] как а) социальные и б) индивидуальные (куда входят и неврологические).

Знание путей воздействия этих фильтров на наши модели мира может помочь нам лучше замечать паттерны поведения, что создаст для нас возможность установить эффективную коммуникацию как между преподавателем и студентами, так и в любой ситуации общения.

Социальные ограничения

Основным примером социальных ограничений является язык, который работает в наших моделях мира в двух главных и, очевидно, противоположных направлениях. Одно направление – это расширить, а другое – это ограничить наше восприятие мира вокруг нас. Язык осуществляет это путем кодирования воспринимаемого феномена в слова, которыми манипулирует ум, пытаясь выделить смысл из опыта.

Наиболее общепринятым социально-генетическим фильтром является, очевидно, наша языковая система. В рамках любой конкретной языковой системы, к примеру, богатство нашего опыта связано отчасти с числом различий, проводимых в какой-либо области наших ощущений.

Например, эскимосы имеют семьдесят различных слов для выражения понятия снег. Они способны дать различные толкования

относительно качества и структуры снега, что, конечно же, за пределами возможности большинства индивидуумов остального мира. Вполне очевидно, что это в значительной степени способствует выживанию культуры эскимосов. Это глубоко укоренившееся социальное ограничение, проявляющееся в языке эскимосов, расширяет их модели мира, включая восприятия, недоступные для наблюдения людям с другим лингвистическим фоном.

Каждый раз, когда мы сталкиваемся с ситуацией, когда две модели разные, как в вышеуказанном примере, главным становится определение, какие правила нужны для каждой из моделей. Эти социальные ограничения моделей, используемые правильным образом, являются бесценными в процессе получения раппорта¹, для того чтобы «говорить на одном языке» с вовлеченными сторонами. Использование этих правил может помочь в создании доверия и свободного общения в группе, что приведет к более эффективному усвоению знаний.

Индивидуальные ограничения

Существует пять различных способов познания окружающего мира: зрение, слух, ощущения, вкус и запах. Наиболее важными каналами восприятия являются визуальный, аудиальный и кинестетический каналы. Существует также другой тип канала восприятия, называемый логический или дискретный. Людям с предпочитаемым дискретным каналом свойственна ориентация на графики, таблицы, схемы, инструкции и прочие достижения человеческого разума.

Условно мы можем разделить людей на аудиалов, визуалов, кинестетиков и дискретов, но стоит помнить, что эти типы в «чистом виде» не существуют. Поэтому мы вводим понятие предпочитаемая репрезентативная система, заранее оговаривая, что человеком используются все другие системы, но в меньшей степени.

При прослушивании разговора человека становится вполне очевидным, какой канал восприятия является предпочитаемым, если мы обратим внимание на использования предикатов. Эти описательные слова и фразы, в основном, глаголы, наречия и

---

¹ Раппорт – подсознательное доверие, «биокибернетический резонанс» и синтонность между двумя и более людьми, возникающих вследствие взаимоуподобления друг другу. Бэндлер, Гриндер [1, с. 51]

прилагательные, которые часто предполагают предпочтение одной из репрезентативных систем. Если вы будете слушать разговоры человека в течение некоторого времени, то вы обнаружите, что есть периоды, когда большинство употребляемых предикатов относятся к одной системе чаще, чем к другим [1, с. 60–62].

«Мне нравится этот вид. Посмотрите на фантастические оттенки красного и багрового цвета в облаках, там, где солнце только что село, и на то, как ясно они отражаются в воде именно там...»

В этом примере предикаты постоянно отражают визуальную репрезентативную систему.

«Я чувствую, что общался сегодня с каждым из вас каким-то особенным образом, а то, что я сижу с вами всеми так близко, только усиливает это чувство».

Этот человек делает упор на чувства, эмоции и другие кинестетические аспекты опыта. Кинестетические предикаты: глаголы – "чувствую", "общался", "сижу"; наречия – "тепло", "лучезарно", "близко".

«Я заметил, как, по мере того, как солнце садилось, голос каждого становился спокойнее, как будто изменение тональности происходящего повторялось в наших голосах. Мне нравятся такие дни; они напоминают мне мелодию, которую мой отец наигрывал на гитаре».

Аудиальные предикаты характеризуют это описание. Они включают: глагол – "повторялось". Другие слова, такие как "голос" и "тональность", тоже аудиальные по своему происхождению.

Использование репрезентативных систем является одним из способов изменения людьми своего сенсорного ввода из мира в модель или в повторную презентацию мира. Репрезентативные системы не только указывают на процесс, с помощью которого индивиды формально создают свои модели, но также дают нам возможность понять, как и что они испытывают. Внимательно слушая слова, используемые людьми, можно идентифицировать паттерны в их языке, которые указывают на предпочтение какой-либо одной системы. Предпочитаемые репрезентативные системы являются одним из наиболее систематических способов различения моделей мира людей.

Каждая репрезентативная система имеет свой собственный "язык". Если вы способны понимать и говорить с человеком, исполь-

зую "язык" предпочитаемой им репрезентативной системы, то вы прокладываете путь к эффективной коммуникации. Другим способом, как прийти к мысли о предпочтении предикатов, является представление о том, как слепой человек может воспринимать слона по сравнению со зрячим. Вы можете быть уверены, что их лингвистические описания продемонстрируют эти различия.

Даже когда человек демонстрирует предпочтение одной репрезентативной системы, это не означает, что он не использует и другие системы. Наоборот, мы все используем все системы все время.

Язык репрезентативных систем может работать двумя путями. Кроме того, что он указывает на то, как человек осмысливает свой опыт, он может также давать чрезвычайно эффективный метод получения раппорта с этим человеком. Чем скорее человек начинает подстраиваться под предикаты собеседника и говорить его языком, тем быстрее он достигает эффективной коммуникации.

Таким образом, выявить предпочитаемую репрезентативную систему человека можно при помощи наблюдения. В этом случае всем студентам следует давать одни и те же задания, и затем внимательно наблюдать за тем, КАК они эти задания выполняют. Если после такого тестирования предпочитаемая репрезентативная система еще не выявлена, то можно поставить студента в условие искусственно созданной стрессовой ситуации (например, разгадать сложный ребус, найти выход из нарисованного лабиринта). В случае стресса человек пользуется предпочитаемой репрезентативной системой. Хотя не стоит исключать и смешанные типы предпочитаемых репрезентативных систем.

Предпочитаемая репрезентативная система человека является такой системой, которую он использует для построения своей индивидуальной карты мира. Один из методов определения, какую систему предпочитает человек, является тест смещения репрезентативной системы.

Приведем подходящие типы заданий для студентов с различными предпочитаемыми каналами восприятия.

Большинство студентов отлично владеют процессом визуализации. Если предпочитаемым является зрительный канал, то информация должна предоставляться в виде графиков, схем, диаграмм. Аудиовизуальные материалы в данном случае больше

подойдут для студентов аудиалов и кинестетиков. Когда студенты визуалы получают задание в устной форме, то они испытывают некоторые трудности – большинству из них требуются наглядные пособия и письменные задания. Также визуалам рекомендуется для лучшего запоминания информации, передаваемой устно, записывать ее. Сложности, возникающие на занятиях по аудированию могут быть разрешены посредством прочтения стенограммы или расшифровки записи перед прослушиванием. Тем не менее, визуалы должны тренировать органы слухового восприятия.

Студенты аудиалы могут извлекать определенную выгоду из своего сенсорного предпочтения, слушая как можно больше: преподавателей, друзей, фильмы, радио и телепрограммы. Им рекомендуется в свою очередь делать аудиозаписи занятий для последующего прослушивания. Наиболее приемлемые виды занятий для аудиалов – это лекции и общение с другими студентами. Для них также хороши такие виды занятий как составление и презентация диалогов, дискуссия, озвучивание немого видеоряда и т. д.

Студенты кинестетики имеют более низкие оценки при работе с тестами с готовыми вариантами ответа. Для них подобные тесты являются максимальным проявлением «исчезновения информации» [4, с. 105–110]. Кинестетику гораздо легче описать свой ответ. Для кинестетиков желательно манипулировать реальными предметами. Студентам кинестетикам должна быть дана возможность перемещаться по аудитории, должно быть представлено достаточно пространства для деятельности, которого требуется больше, чем студентам с другими предпочтениями. Для них как нельзя лучше подходит метод «общей физической реакции» (Total Physical Response) [3, с. 313–323]. Эффективным будет использование различных игр, следует задавать домашние задания, позволяющие искать ответ во внешнем мире.

Студенты дискретны как никто другой склонны к самостоятельной работе. Они доверяют схемам, таблицам, графикам, диаграммам и прочим логическим описаниям. Для них научный язык является единственным приемлемым, и доверять они будут скорее той информации, которую получили из книг и других достоверных, по их мнению, источников, нежели словам преподавателя или одноклассников. Они склонны к заучиванию целых блоков научных описаний,

нежели к объяснению «своими словами». Обычно эти студенты сами контролируют свой процесс обучения, собирают таблицы, рисуют схемы и редко прислушиваются к чужому мнению касаясь их собственного обучения.

Учет этих компонентов необходим при реализации личностно-ориентированного подхода. Это позволяет преподавателю не только понять своих студентов, но и помочь им реализовать себя, свои интересы и потребности в процессе обучения, тем самым сделав его эффективным.

Список литературы

1. Бендлер Р., Гриндер Д. Рефрейминг: ориентация личности с помощью речевых стратегий. – М., 2002. – 155 с.
2. Дилтс Р. 9 принципов НЛП для высокоэффективных людей. – М., 2007. – 256 с.
3. Павловская И.Ю., Н.И. Башмакова Основы методологии обучения иностранным языкам – СПб., 2007. – 237 с.
4. Гриндер Д., Ллойд Л. НЛП в педагогике. – М., 2007. – 445 с.

ОБЗОРЫ И СООБЩЕНИЯ
REVIEWS AND ESSAYS

УДК 81'373.45:[316.77:002]

В. В. Шкатова
V. V. Shkatova

**Фразеологическая картина мира
как объект лингвистического изучения**
**Phraseological picture of the world
as an object of linguistic studies**

В статье рассматривается определение фразеологической картины мира, делается обзор существующих в современной лингвистике подходов к ее изучению, анализируются объекты имеющихся исследований, затрагивающих проблемы национальной представленности фрагментов фразеологической картины мира в сознании носителей языков.

This article discusses the definition of the term “phraseological picture of the world”; surveys different approaches to studying phraseology in modern linguistics; analyses objects of existing phraseological studies dealing with national-cultural peculiarities of phraseological units.

Ключевые слова: образ мира, языковая картина мира, фразеологическая картина мира, фразеологическая единица, национально-культурная особенность, коннотация.

Key words: image of the world, linguistic picture of the world, phraseological picture of the world, phraseological unit, national-cultural peculiarity, connotation.

В последние десятилетия можно констатировать наличие интереса в лингвистике к изучению естественных языков как проекции национального мировидения [8; 9; 10; 12, с. 204–214; 13, с. 378–390; 14; 23]. В этой связи возник термин «картина мира», под которым обычно понимают целостный, глобальный образ мира, выступаю-

щий результатом всей духовной деятельности человека, всех его контактов с миром – бытовых контактов, предметно-практической деятельности, созерцания, умопостижения мира [19, с. 19]. Термин «картина мира» оказался очень емким, удобным, функционально мобильным для репрезентации тех языковых и речевых сущностей, которые выступают аспектом категоризации и концептуализации мира, являются результатом опытно-познавательной деятельности человека. Он широко используется в работах филологов, философов, культурологов, психолингвистов, когнитологов и других специалистов.

Картина мира находит свое отражение в языке, что позволяет говорить о языковой картине мира. В определении А.А. Кибрика «языковая картина мира – это исторически сложившаяся в обыденном сознании данного языкового коллектива и отраженная в языке совокупность представлений о мире, определенный способ концептуализации действительности» [10]. Это своего рода мировидение через призму языка [28].

Особая роль при изучении языковой картины мира отводится лексикологии и в частности фразеологии, поскольку именно фразеологизмы «...ассоциируются с культурно-национальными эталонами, стереотипами, мифологемами и т. п. и в употреблении в речи воспроизводят характерный для той или иной лингвокультурной общности менталитет» [22, с. 9]. Фразеологизмы играют важную роль в выявлении национально-культурных особенностей. Фразеологические единицы, отражая в своей семантике длительный процесс развития культуры народа, фиксируют и передают от поколения к поколению культурные установки и стереотипы, эталоны и архетипы. Фразеологические номинации представляют собой большой объем «свернутой» культурно-маркированной информации, поскольку актуализируют социально более релевантные явления на определенном этапе развития общества. На этом основании постулируется наличие особой, фразеологической картины мира, особенно ярко раскрывающей национально-культурную специфику различных языков [5].

Итак, фразеологическая картина мира рассматривается как часть целостной языковой картины мира. Под ней подразумевается картина мира, выраженная фразеологическими средствами языка.

Фразеологизмы наиболее ярко отражают мировидение и миропонимания носителей данного языка, их культуру. Во фразеологической картине мира содержатся знания человека о мире, его представления о мироустройстве. Особенность таких знаний состоит в том, что они представляют собой не просто аккумулированные знания, а скорее результат их образного переосмысления.

На сегодняшний день в лингвистике существуют несколько подходов к выявлению национально-культурной составляющей фразеологических единиц, имеющих различную методологическую базу, различные методы исследования, отличающиеся друг от друга степенью охвата фразеологического материала. В рамках *лингвострановедческого* подхода выделяются и классифицируются безэквивалентные экстралингвистические факторы, отраженные в компонентном составе фразеологических единиц. Реалии, характерные для данной культуры и принадлежащие к фоновым знаниям носителей языка, определяют национально-культурное своеобразие фразеологизмов [25]. В основе *контрастивного* подхода к выявлению национально-культурного своеобразия фразеологизмов, лежит сопоставление фразеологизмов разных языков с целью выявления общего (например, выявление фразеологических интернационализмов, анализ фразеологических параллелизмов в разных языках, рассмотрение причин их возникновения, анализ видов эквивалентности фразеологизмов) и различий, которые и составляют национально-культурное своеобразие фразеологических эквивалентов сопоставляемых языков.

Лингвокультурологический подход ориентирован на изучение соотношения фразеологизмов и знаков культуры и актуализирует значение системы эталонов, стереотипов, символов и т.п. для описания культурно-национальной специфики фразеологической системы. В рамках этого подхода В.Н. Телия понимает глубинный смысл наличия фразеологии в системе любого языка как способность фразеологизмов выступать в роли экспонентов культурных знаков, не только синхронно включаясь в действующую систему культурно-национального миропонимания, но и транслируя ее фрагменты из поколения в поколение, участвуя тем самым в формировании миропонимания, как отдельной языковой личности, так и языкового коллектива. По мнению В.Н. Телия, основной целью

лингвокультурологического анализа фразеологических единиц является «выявление и описание культурно-национальных коннотаций, узуально сопровождающих значение в форме образных ассоциаций с эталонами, стереотипами и другими культурными знаками и соотносимых друг с другом посредством когнитивных процедур, придающих этим коннотациям осмысление» [21, с. 310].

Когнитивный подход использует когнитивные процедуры для более глубокого уровня лингвокультурологического анализа фразеологизмов. В когнитивной парадигме фразеологизм понимается как микротекст, структурирующийся в ходе интерпретации носителем языка всех типов семантической информации фразеологизма в семантическом пространстве культурного знания, принадлежащего субъекту речевого общения. Когнитивный подход к выявлению национально-культурного своеобразия фразеологизмов предусматривает анализ отдельных фразеосемантических полей с целью описания в их рамках фразообразовательных моделей, совокупность которых показывает как национальные особенности языкового членения мира, так и особенности лингвокреативного мышления при создании каждого отдельного фразеологизма. Когнитивный подход – это способ исследования менталитета нации. Национально-культурное своеобразие фразеологии в рамках этого подхода есть особенности функционирования языкового мышления, особенности образной картины мира [25].

Существует множество работ, посвященных изучению фразеологии на материале славянских, германских, романских, тюркских и многих других семей и групп языков, в основу которых положен тот или иной подход. Значительная часть этих работ в той или иной мере привлекает методы исследования и процедуры всех четырех подходов, что позволяет дать более полную картину национально-культурных особенностей фразеологической системы языка.

Эти работы выявляют универсальное, общечеловеческое и индивидуальное, национально-специфическое во фразеологической картине мира, предлагают критерии классификации фразеологических единиц с целью выявления их национально-культурной специфики [1, с. 122–124; 20; 4, с. 154–156; 16; 24], описываются случаи, где национально-культурная составляющая действительно является значимым элементом семантики и прагматики идиомы [2], анали-

зируют внутреннюю форму идиомы, её образную составляющую [2; 3, с. 150–153], исследуют структурно-семантические, когнитивно-прагматические, лингвокультурологические, стилистические, эмоциональные и экспрессивные, а также дискурсивные особенности фразеологических единиц [2; 11; 18; 15]. Данные работы исследуют семантику и прагматику фразеологизмов как особых знаков языка и культуры, показывая как культурное значение в содержании фразеологизмов коррелирует с другими уровнями значения, доказывая, что в образе фразеологизмов выражаются те или иные культурные смыслы, хранятся их мотивационные источники. В ряде работ рассматриваются парадигматические отношения фразеологизмов в рамках фразео-семантических и ассоциативных полей [26, с. 277–279; 18; 6].

В исследовании А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского рассматривается типология фразеологизмов, где на основе проведенного анализа категории идиоматичности и устойчивости формулируется понятие идиомы, дается представление и о других типах фразеологических единиц, указываются важные семантические и прагматические отличия пословиц от идиом различных типов, в том числе от поговорок [2].

Ряд работ посвящен исследованию фразеологической составляющей индивидуальной языковой картины мира писателя (авторской картины мира) [6; 27], фразеологической картины отдельного художественного произведения, печатного издания, наглядно характеризующего современное состояние российского социума [7, с. 69–71]. В работе Е.Е. Петренко, посвященной языковой картине мира младшего школьника, объективированной фразеологизмами, исследуются семантические и функциональные свойства фразеологизмов круга детского чтения [17].

Таким образом, фразеологическая картина мира активно исследуется в современной лингвистике при привлечении лингвострановедческого, контрастивного, лингвокультурологического и когнитивного подходов на материале одного или нескольких языков. Эти исследования позволяют выявить перечень образов, стереотипов, сформированных во фразеологических картинах мира этих языков в связи с сохранением определенных культурных ассоциаций и коннотаций в рамках семантики фразеологизмов.

Список литературы

1. Арсентьева Е.Ф. Национально-культурная специфика фразеологических единиц / Е.Ф. Арсентьева // III Международные Бодуэновские чтения: И.А. Бодуэн де Куртенэ и современные проблемы теоретического и прикладного языкознания (Казань, 23–25 мая 2006 г.): труды и материалы: в 2 т. / Казан. гос. ун-т; под общ. ред. К.Р. Галиуллина, Г.А. Николаева. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2006. – Т.2. – С.122–124.
2. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Аспекты теории фразеологии. – М., 2008. – 656 с. (Studiaphilologica).
3. Гарифуллина А.М. Внутренняя форма идиом как объект лингвистического исследования (на примере ФЕ, выражающих эмоции радости, счастья, удовольствия в турецком и английском языках) / А.М. Гарифуллина // III Международные Бодуэновские чтения: И.А. Бодуэн де Куртенэ и современные проблемы теоретического и прикладного языкознания (Казань, 23-25 мая 2006 г.): труды и материалы: в 2 т. / Казан. гос. ун-т; под общ. ред. К.Р. Галиуллина, Г.А. Николаева. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2006. – Т.2.– С.150–153.
4. Гизатова Г.К. К вопросу об изучении фразеологических единиц (ФЕ) в разных языках / Г.К. Гизатова // III Международные Бодуэновские чтения: И.А. Бодуэн де Куртенэ и современные проблемы теоретического и прикладного языкознания (Казань, 23-25 мая 2006 г.): труды и материалы: в 2 т. / Казан. гос. ун-т; под общ. ред. К.Р. Галиуллина, Г.А. Николаева.– Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2006. – Т.2. – С.154–156.
5. Добровольский Д.О. Сопоставительная фразеология (на материале германских языков) / Добровольский Д.О., Малыгин В.Т., Коканина Л.Б. – Владимир: ВГПИ, 1990. – 80 с.
6. Доронина, Е.Г. Фразеологическая картина мира в творчестве А. Платонова. Автореф. канд. филол. наук. Челябинск, 2004. – 23 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dissercat.com> (дата обращения 22.11.2011).
7. Жукова М. Е. Фразеологическая картина мира современной России в зеркале одного дня // Вестн. Новг. гос. ун-та. Сер.: История. Филология. 2008. № 47. – С. 69–71.
8. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
9. Караулов Ю.Н. Филиппович Ю.Н. Лингвокультурное сознание русской языковой личности. Моделирование состояния и функционирования. – М., 2009. – 336 с.
10. Кибрик А.А. Языковая картина мира // Энциклопедия Кругосвет. – М., 2002.
11. Ковшова М.Л. Семантика и прагматика фразеологизмов (лингвокультурологический аспект). Автореферат диссер. д.ф.н.:10.02.19 Москва, 2009. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dissercat.com/content/semantika-i-pragmatika-frazeologizmov-lingvokulturologicheskii-aspekt> (дата обращения 20.11.2011).

12. Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология как конститuentы новой научной парадигмы // Сфера языка и прагматика речевого общения. Международ. сб. науч. трудов. К 65-летию факта РГФ Кубанского гос. университета. Кн. 1. – Краснодар, 2002. С. 204–14.
13. Кубрякова Е.С. О ментальном лексиконе. Лексикон как компонент языковой способности человека // Язык и знание. – М.: «Языки славянской культуры», 2004. – С.378–390.
14. Маслова В. А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. завед. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 208 с.
15. Моисеева С.А., Волошкина И.А. Французский национальный характер в зеркале фразеологии. [Электронный ресурс]. URL: <http://dspace.bsu.edu.ru/bitstream/123456789/252/1/Moiseeva%20S.A.%20Franch.pdf> (дата обращения: 22.11.2011).
16. Новикова К.Ю. Лингвострановедческий анализ эмоционально-экспрессивных фразеологических единиц (на материале французского языка): Автореф. дис. ...канд. филол. наук. – М.: МГЛУ, 1998. – 16 с.
17. Петренко Е. Е. Фразеологическая картина мира в художественных текстах для младших школьников: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.01 / Петренко Елена Евгеньевна; [Место защиты: Тюмен. гос. ун-т]. – Челябинск, 2008. – 258 с. РГБ ОД, 61:08-10/527
18. Пономаренко В.А. Фразеологические единицы в деловом дискурсе (на материале английского и русского языков): автореф. дис. к.ф.н. – Краснодар, 2007.
19. Серебренников Б.А. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. – М., 1987.
20. Степанова Л. Универсальное и индивидуальное во фразеологической картине мира. 2006. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.russian.slavica.org/cat3-64.html> (дата обращения 4.10.2011)
21. Телия В.Н. Культурно-национальные коннотации фразеологизмов // Славянское языкознание. XI международный съезд славистов. – М., 1993. – С. 308.
22. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В.Н. Телия. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
23. Тер-Минасова С. Язык и межкультурная коммуникация. [Электронный ресурс] URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/Ter/_02.php (дата обращения: 22.11.2011).
24. Хайруллина Р.Х. Фразеологическая картина мира: от мировидения к миропониманию. – Уфа: Вагант, 2008. – 330 с.
25. Чикина Е.Е. Выявление национально-культурной специфики фразеологизмов: современные подходы. //Международный научно-практический (электронный) журнал «INTER-CULTUR@L-NET», Выпуск №3, 2004. [Электронный

ресурс]. URL: www.vfnngu.wladimir.ru/Rus/NetMag/v3/v3_ar09.htm (дата обращения 4.10.2011).

26. Шангараева Л.Ф. Национально-культурная специфика семантики ФЕ, относящихся к семантическому полю «качество выполнения трудовой деятельности» / Л.Ф. Шангараева // III Международные Бодуэновские чтения: И.А. Бодуэн де Куртенэ и современные проблемы теоретического и прикладного языкознания (Казань, 23-25 мая 2006 г.): труды и материалы: в 2 т. / Казан. гос. ун-т; под общ. ред. К.Р. Галиуллина, Г.А. Николаева. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2006. – Т.2. – С.277–279.

27. Щербакова А. В. Лексико-фразеологические средства создания языковой игры в художественной прозе авторов «Сатирикона»: на материале произведений А. Аверченко, Н. Тэффи, С. Черного. – Автореферат. Диссертация канд. фил. наук, 10.02.01, Специальность: Русский язык - 2007 Кострома [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dissercat.com> (дата обращения 10.11.2011).

28. Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира // Вопросы языкознания. – 1994. № 5. – С.73–89.

Сведения об авторах

About Authors

Алексеева Надежда Андреевна – аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов, (Санкт-Петербург), Nadialexa@yandex.ru

Барташова Ольга Анатольевна – кандидат филологических наук, Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов, (Санкт-Петербург), bartashova_o@mail.ru

Белоглазова Елена Владимировна – доктор филологических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов, (Санкт-Петербург), raemahet@gmail.com

Бородавкина Елена Анатольевна – старший преподаватель Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, (Санкт-Петербург), ramsy@mail.ru

Воронцова Татьяна Ивановна – доктор филологических наук, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, (Санкт-Петербург), vti2005@yandex.ru

Лескина Седя Витальевна – доктор филологических наук, доцент, Челябинский государственный педагогический университет, (г. Челябинск), seda70@mail.ru

Кононова Инна Владимировна – доктор филологических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов, (Санкт-Петербург), inkon_71@mail.ru

Кораева Ольга Владимировна – аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет, (Санкт-Петербург), olga.koraeva@gmail.com

Малыхина Маргарита Владимировна – старший преподаватель, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, (Санкт-Петербург), malyhinam@mail.ru

Морозова Ольга Николаевна – кандидат филологических наук, доцент, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, (Санкт-Петербург), olfrost@mail.ru

Москалёва Елена Викторовна – кандидат филологических наук, доцент, Мичуринский государственный аграрный университет, (г. Мичуринск), moskal.72@mail.ru

Нуждова Елена Николаевна – кандидат филологических наук, Мичуринский Государственный Аграрный Университет, (г. Мичуринск), nuzhdova.elena@mail.ru

Омельченко Елена Витальевна – кандидат педагогических наук, доцент, Челябинский государственный педагогический университет, (г. Челябинск), el.vital@mail.ru.

Павловская Ирина Юрьевна – доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, (Санкт-Петербург), pavlovskayaairina2@gmail.com

Полякова Светлана Евгеньевна – кандидат филологических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов, (Санкт-Петербург), Poliakova2106@mail.ru

Просьянникова Ольга Игоревна – кандидат филологических наук, доцент, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, (Санкт-Петербург), olgarpros@mail.ru

Рогожина Галина Сергеевна – аспирант, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, (Санкт-Петербург), rogozhina@pochta.ru

Руберт Ирина Борисовна – доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов, (Санкт-Петербург), linguistica@finес.ru

Сибяева Татьяна Анатольевна – аспирант, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, (Санкт-Петербург), taro_w@mail.ru

Скорик Ксения Владимировна – кандидат филологических наук, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, (Санкт-Петербург), ksenyapro@mail.ru

Урусова Наталья Вадимовна – старший преподаватель, Липецкий государственный педагогический университет, (г. Липецк), urusova-natalja@mail.ru

Футкарадзе Нинель Дурсуновна – аспирант, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, (Санкт-Петербург), futkaradze@mail.ru

Шкатова Валерия Валерьевна – аспирант, Московский гуманитарный педагогический институт, (г. Липецк), valeriashkatova@yandex.ru

ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ, ПРИСЫЛАЕМЫМ В ЖУРНАЛ

Для публикации в «Вестнике Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина» (серия филология) принимаются научные статьи, отражающие широкий спектр проблем поэтики классической и современной литературы и лингвистики.

Обязательным условием публикации результатов кандидатских исследований является наличие отзыва научного руководителя, несущего ответственность за качество представленного научного материала и достоверность результатов исследования. Публикации результатов докторских исследований принимаются без рецензий.

Рецензирование всех присланных материалов осуществляется в установленном редакцией порядке. Редакция журнала оставляет за собой право отбора статей для публикации.

Требования к оформлению материалов

Материал должен быть представлен тремя файлами:

1. Статья

Объем статьи не менее 18 и не более 26 тыс. знаков с пробелами. Поля по 2,0 см; красная строка – 1,0 см. Шрифт Times New Roman Cyr, для основного текста размер шрифта – 14 кегль, межстрочный интервал – 1,5 пт.; для литературы и примечаний – 12 кегль, межстрочный интервал – 1,0 пт.

Ссылки на литературу оформляются в тексте в квадратных скобках. Например: [5, с. 56–57]. Список литературы (по алфавиту) помещается после текста статьи.

Фамилия автора печатается в правом верхнем углу страницы над названием статьи.

В левом верхнем углу страницы над названием статьи печатается присвоенный статье УДК.

2. Автореферат

Содержит:

- название статьи и Ф. И. О. авторов на русском и английском языках;
- аннотацию статьи на русском и английском языках объемом 300–350 знаков с пробелами;
- ключевые слова и словосочетания (7–10 слов) на русском и английском языках.

3. Сведения об авторе

Содержат фамилию, имя, отчество полностью, место работы, должность, ученую степень, звание, почтовый адрес, электронный адрес, контактный телефон.

В случае несоблюдения настоящих требований редакционная коллегия вправе не рассматривать рукопись.

Статью, оформленную в соответствии с прилагаемыми требованиями, можно:

- выслать по почте в виде распечатанного текста с обязательным приложением электронного варианта по адресу: 196605 Санкт-Петербург, г. Пушкин, Петербургское шоссе, 10. Межфакультетская кафедра иностранных языков, каб. 235.
- отправить по электронной почте: *E-mail*: vest_cognitive@mail.ru

Статьи принимаются в течение года.

Редакция оставляет за собой право вносить редакторскую правку (не меняющую смысла) в авторский оригинал.

При передаче в журнал рукописи статьи для опубликования презюмируется передача автором права на размещение текста статьи на сайте журнала в системе Интернет.

Плата за опубликование рукописей аспирантов не взимается.

Гонорар за публикации не выплачивается.

Редакционная коллегия:

196605, Санкт-Петербург, г. Пушкин

Петербургское шоссе, 10

тел. (812) 476-90-34

E-mail: vestnik_lgu@list.ru

Научный журнал

Вестник
Ленинградского государственного университета
имени А. С. Пушкина

№ 1

Том 7. Филология

Оригинал-макет *Е. Ю. Березиной*

Подписано в печать 22.03.2012
Тираж 500 экз.
Заказ 750